

3(рус)
116

Жорес Трофимов

Поэт-симбирянин
Николай ЯЗЫКОВ

Ср. 600. 5.16.12. М

1021473

833/2=Рус)5

Жорес Трофимов

Т 76

Поэт - симбирянин НИКОЛАЙ ЯЗЫКОВ

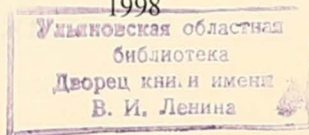
1021473

Краеведческому
обществу
благодарим
за помощь в
размещении

Игорю

Ульяновск
"Печатный двор"
1998

27.10.98

ББК 83.3(2=Рус)5-8

Т76

По заказу главного управления народного образования
администрации Ульяновской области

Трофимов Ж. А.

Т76 Поэт-симбирянин Николай Языков. — Ульяновск:
Государственное унитарное предприятие "Областная
типография "Печатный двор", 1998 г. — 21 л.; ил.

16 марта 1998 года исполнилось 195 лет со дня рождения нашего замечательного земляка, поэта пушкинской плеяды Николая Михайловича Языкова. К этому юбилею историк и публицист Ж. А. Трофимов, в последнее десятилетие написавший книги "Д. Д. Минаев и Симбирск", "Симбирский памятник Н. М. Карамзину", "Симбирская Карамзинская общественная библиотека", очерк о Пушкине и Н. М. Языкове "Родня по вдохновенью", "Страницы истории симбирского театра", "В. Н. Андреев-Бурлак: память и наследие", "Мария Александровна Ульянова", "Симбирск и симбиряне", подготовил повествование "Поэт-симбирянин Николай Языков". Как и предыдущие его книги: последняя так же строго документальна и рассчитана на широкого читателя, интересующегося российской словесностью и прошлым Симбирска — Ульяновска.

ISBN 5-7572-0017-0

ББК 83.3(2=Рус)5-8

✿ Ж. А. Трофимов, 1998 г.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	3
Симбирские истоки	5
В Петербургском горном кадетском корпусе	14
На перепутье	21
Страсть к поэзии сильна и пламенна... ..	30
Студент Дерптского университета	38
Александр Пушкин зовет к себе	48
Наконец, в долгожданном Тригорском	58
“Огнем стихов ознаменую” те достохвальные края... ..	68
План будущего пути гражданского	77
“Крылья поэта встrepенулись...”	87
Вопреки злoму року	96
Рoдину свою и пел, и межевал	105
Первая книга стихов	114
Языково дважды посещает А. С. Пушкин	122
Признание таланта	132
Здесь благодатное убежище поэта... ..	141
Гибель Пушкина. Разлука с Родиной	152
Четыре года лечения в Германии	162
“На Русь! Там сердцу веселее...”	173
В гуще споров западников и славянофилов	182
С жаждой жизни до конца	193
Вторая жизнь поэта	205
Иллюстрации	

От автора

16 марта 1998 года исполнилось 195 лет со дня рождения нашего замечательного земляка, одного из крупнейших поэтов-лириков пушкинской поры Николая Михайловича Языкова.

Память о нем чтится в нашем городе. Достаточно сказать, что в фамильном двухэтажном особняке Языковых на бывшей Спасской (ныне Советская, 22) улице создается литературный музей "Дом Языковых". В родовом имении поэта Языкове с 1969 года проводятся музыкально-поэтические праздники, приуроченные к дню рождения А. С. Пушкина. По радио и на телевидении звучат стихи Николая Михайловича и песни на его слова "Нелюдимо наше море" и "Из страны, страны далекой". А в последнее время жизнь и творчество поэта становятся предметом изучения школьных программ.

Мое углубленное знакомство с языковианой началось в начале 80-х годов, когда довелось вести в Ульяновском пединституте имени И. Н. Ульянова спецкурс "Литературное краеведение". И, как говорится, был обязан в лекции о Николае Михайловиче высказывать свою точку зрения на спорные вопросы его биографии, скажем, о месте рождения или о причинах его "бездипломности" после пятилетнего пребывания в Дерптском университете, стараться обрисовать, каким был Симбирск в первой трети XIX века, как можно полнее осветить общение нашего поэта с Денисом Давыдовым и другими известными земляками и т. п.

Немало сведений о Николае Михайловиче и его родных было собрано мною во время работы над брошюрами "Симбирский памятник Н. М. Карамзину. Известное и неизвестное" и "Симбирская Карамзинская общественная библиотека" (они вышли в 1992 году в Москве). Несравненно больше узнал я о Николае Михайловиче при работе над историко-документальным повествованием об А. С. Пушкине и Н. М. Языкове "...Родня по вдохновенью", которое в издательстве "Симбирская книга" вышло в 1993 году. Опираясь на документы и материалы, я по-

старался развеять миф о том, что Языков якобы “скрыто недоброжелательно” или даже чуть ли не враждебно относился к своему великому собрату по Парнасу — Александру Сергеевичу Пушкину, и в то же время показать действительный дружеский характер отношений между ними, “родней по вдохновению”.

Важным результатом работы над этой книгой стало желание продолжить изучение жизни и творчества Николая Михайловича с тем, чтобы, во-первых, опровергнуть утверждения о том, что наш поэт в 1840-х годах превратился в рупор консервативных сил Москвы, и, во-вторых, как можно полнее воссоздать симбирские страницы его жизни, связи с родными и участие в культурной жизни своей малой родины.

Задача эта отнюдь не из легких, ибо Языков дневников не вел, большая часть его переписки с родными и знакомыми не опубликована и находится в Пушкинском доме Академии наук, рукописных отделах публичных библиотек обеих столиц. Возможности для изучения этих уникальных источников, а также газет и журналов первой половины XIX столетия в наше время сошли почти на нет. И все-таки за последние годы мне удалось несколько раз побывать в Северной Пальмире и на основании собранного материала к 195-й годовщине со дня рождения нашего замечательного земляка написать книгу “Поэт-симбирянин Николай Языков”.

Книга строго документальна, в ней нет вымышленных эпизодов или диалогов. Вместе с тем автор полемизирует со своими предшественниками, когда выдвигает неожиданные толкования, казалось бы, известных фактов. Несмотря на обилие ссылок на литературу и источники, эта книга — не научный трактат, а документальное повествование, написанное в доступной для широкого читателя форме, рассчитанное как на сотрудников библиотек и музеев, преподавателей литературы и истории, студентов, так и на старшеклассников средних учебных заведений — на всех, кто интересуется русской литературой и историей Симбирска первой половины XIX столетия.

Подготовка рукописи к сдаче в производство и правка корректур данной книги (как и предыдущих моих 24 книг) проведены Натальей Михайловной Трофимовой.

Николай Михайлович Языков родился в Симбирске 4 марта 1803 года в состоятельной дворянской семье.¹ Отец, Михаил Петрович, происходил из старинного рода, основатель которого Енгулей-Мирза-Язык, покинув в 1387 году Золотую Орду, явился к великому князю Дмитрию Донскому, при его содействии принял крещение и получил имя Алексея. От него пошло одиннадцать ветвей будущих дворян Языковых, расселившихся в Псковской, Костромской, Владимирской, Новгородской, Орловской, Тульской, Харьковской, Херсонской и других губерниях.²

Симбирские Языковы — седьмая ветвь рода — стали обосновываться в средневолжском крае в 1680-х годах, когда Василию Александровичу Языкову и его сыну Лаврентию, уже совершенно обрусевшим “государевым слугам”, были пожалованы земли в недавно образованном Симбирском уезде. Василия Языкова и следует считать основателем родового села Языково (в XVII—XIX веках оно именовалось и как Богородское).³

При Петре Васильевиче Языкове в 1773 году случился большой пожар, истребивший 60 крестьянских дворов, господскую усадьбу и деревянную церковь. В следующем году, в разгар крестьянской войны под водительством Емельяна Пугачева, родился Михаил Петрович, отец поэта.

Само тогдашнее приграничное положение поместья (вблизи Симбирско-Карсунской засечной черты, возведенной в 1640-х годах под руководством боярина Богдана Хитрово) во многом предопределяло обязательное служение Языковых Отечеству на ратном поприще. Эта патриотическая традиция нашла отражение в родовом гербе Языковых: “В щите, имеющем серебряное поле, на правой стороне изображен воин в латах и в шишаке, укра-

¹ Все даты приводятся по старому стилю.

² Руммель В.В., Голубцов В.В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. Т. 2. СПб, 1887, с. 76.

³ Мартынов П. Селения Симбирского уезда. С-к, 1903, с. 68.

шенном перьями, поражавший копьем крылатого змия; а в левом верхнем углу видна выходящая из облака рука, пускающая стрелу из натянутого лука. Щит увенчан обыкновенным дворянским шлемом с дворянскою на нем короною и тремя страусовыми перьями. Намет на щите серебряный, подложенный голубым”.⁴

Однако никто из Языковых не сделал блестящей военной карьеры: Петр Васильевич, дед будущего поэта, был прапорщиком и оба его сына, Василий и Михаил, имели такой же чин. Правда, Михаил Петрович удостоился чести состоять в знаменитом придворном лейб-гвардии Преображенском полку и в отставку вышел в 1794 году гвардии прапорщиком.

Чин небольшой для 27-летнего офицера. Но подкрепленный обширным родовым имением в Языкове и обладавший хозяйственной смекалкой, к тому же отличавшийся обаятельной внешностью, общительным характером, светскими манерами, начитанностью, Михаил Петрович сделался желанным гостем в домах симбирской знати. Сумел он покорить и сердце Екатерины Александровны Ермоловой — дочери губернского предводителя дворянства, одного из богатейших помещиков, статского советника Александра Федоровича Ермолова и его жены Прасковьи Ивановны (урожденной Яновой).

“Игрок и знаменитый хозяин” — так отзывался об отце поэта в своих “Записках” его дальний родственник Д. Н. Свербеев. Что правда, то правда: фортуна весьма благоволила к отставному гвардейцу. На доходы, которые приносили ему почти двадцать тысяч десятин земли, Михаил Петрович с завидной деловитостью и художественным вкусом повел благоустройство родовой усадьбы в Языкове. Ко времени же своей женитьбы он завершил сооружение в Симбирске нового, просторного, удобного и изящного двухэтажного белокаменного особняка на Спасской улице (ныне Советская, № 22), по соседству с городским магистратом и в двух минутах ходьбы до губернаторской резиденции, главного народного училища, Соборной площади, Спасского женского монастыря, да и до Большой Саратовской — главной улицы города. Близко находился

⁴ Общий гербовник дворянских родов Российской империи. СПб, 1799, ч. 3, с. 69.

и Венец, с которого открывалась великолепная панорама красавицы Волги и заволжских далей.

Дом Языковых, выстроенный в стиле позднего классицизма, выглядел особенно респектабельно со стороны Спасской, где находились балкон и парадный подъезд. Внутренние же интерьеры, украшенные ордерным декором и лепниной стен, карнизов и потолков, хрустальными люстрами и бра, картинами, обставленные мебелью из красного дерева, тоже ласкали взоры гостей. В главной зале, занимавшей южный торец особняка, лепные композиции на стенах между парными пилястрами изображали поэтические и музыкальные аллегории.⁵ Но вряд ли Михаил Петрович мог представить, что его дом на многие века действительно станет желанным пристанищем для служителей Аполлона.

В 1798 году у молодой четы Языковых родился первенец, которого в честь деда по отцу нарекли Петром. В 1799 году семья пополнилась вторым мальчиком, названным уже в честь деда по матери Александром. Еще через год появилась дочь — тоже Александра, а 4 марта 1803-го родился сын — Николай. Исполняя прихоть деда — воспреемника Ермолова, крестили его, как и старших братьев, в Вознесенском соборе, на Большой Саратовской улице, хотя более близкой к языковскому особняку была изящная Никольская церковь (кстати, она в это время перестраивалась).

В таком составе семья встретила 1807 год, когда появилась вторая дочь — Прасковья. Но первые свои четыре года Коля был меньшим в семье и, как водится, мать уделяла ему внимания больше, чем другим. Впрочем, чрезвычайно живой и веселый, добрый, отзывчивый и любознательный мальчик, которого за полноту называли в шутку “Весселем” (в переводе с немецкого — бочонком), по праву оставался всеобщим любимцем. В свою очередь, он был сердечно привязан к родным и близким, старался во всем подражать старшим братьям и охотно воспринимал их советы, наставления и поручения.

Но влияние братьев было неодинаковым. Петр с каждым годом становился все степеннее, рассудительнее и своим поведением так или иначе оправдывал прозвище

⁵ Перфильева Л. Паспорт на памятник истории “Дом Языкова”, л.2.

“Старик”. Так что он воспитывал младшего брата больше своим личным примером, нежели словом. Гораздо более подвижным, изобретательным в играх, интересным рассказчиком и чтецом был Александр, который за свое благородство приобрел уважительное прозвище “Дюк” (герцог) и навсегда стал опекуном Николая. С помощью Петра и Александра он познал азбуку, начатки чтения и письма, азы арифметики, которые те получали от домашних учителей и гувернеров, готовивших их к поступлению в петербургский Горный кадетский корпус. Не последнюю роль в стремлении родителей направить ребят так далеко от дома сыграло то обстоятельство, что в Симбирске гимназия возникла только в декабре 1809 года и находилась еще в периоде становления.

Отъезд Петра и Александра летом 1810 года в столицу тягостно переживался Николаем, который привык с ними и дневать и ночевать. Теперь же приходилось возвращаться в женском обществе — в основном старшей сестры Александры и матушки, которой было тридцать с небольшим лет. Екатерина Александровна, как и все ее сверстницы, имела только домашнее образование, говорила и писала по-простонародному. Но недостаток образования она восполняла чтением, а иногда и присутствием на уроках, которые давали детям учителя разных наук.

Михаил Петрович вел обычный для состоятельного помещика образ жизни: с глубокой осени и до наступления весны он с семьей жил в Симбирске. Непременно участвовал в уездных и губернских дворянских выборах, устраивал в своем особняке на Спасской званые обеды и приемы, наносил ответные визиты, а большую часть вечеров проводил в доме тестя, где за карточными столиками собиралось чуть ли не все сановное общество. За зиму, особенно на Сборной ярмарке (сразу после великого поста), он сбывал плоды своих хозяйств и закупал необходимые товары и продукты.

Но как только наступало апрельское тепло, глава семейства, к радости всех домочадцев, собирал обоз и отправлялся вместе с ними на лето в родовое Языково, где лично наблюдал за посевными работами на полях и посадочными в саду, оранжереях, парке. Продолжал он благоустраивать свое детище — двухэтажный деревянный дом на внушительном каменном фундаменте, возведенном на

холмистой площадке, которая господствовала над ниспадающей в сторону реки Урень местностью. С террасы дома открывался прекрасный вид на обширный и тщательно ухоженный сад, раскинувшийся севернее господской усадьбы, на поля, леса и меловые горы. Справа, в саду, в 1810 году иждивением Михаила Петровича была построена изящная каменная церковь, иконы для которой он заказывал в далекой Италии.

С каждым годом хорошел парк, к которому от дома вела вязовая аллея. В том же 1810 году на пруду, устроенном вблизи усадьбы, заработала в полую воду “мучная мельница об одном поставе”, на которой мололи “разный хлеб для господских и крестьянских расходов”.

Для Николая и его старшей сестры Александры пребывание в Языкове — незабываемая и самая лучшая пора года. Здесь было где разгуляться, пособирать ягоды и грибы, полакомиться плодами из сада и оранжереи, покупаться, спрятаться от солнца в гуще деревьев или кустарника, почитать и помечтать. Самые отрадные впечатления оставались в памяти от прогулок по окрестным полям, лугам и лесам. С недетским интересом наблюдал Николай за трудом крестьян на полях, в саду, на скотном дворе, конюшне; навсегда запали в его душу их песни и хороводы сельской молодежи в праздничные дни, романтические предания, которые рассказывали деревенские старожилы, с ранних лет пробудив в нем глубокий интерес к русскому фольклору.

Не случайно, будучи уже известным поэтом, заброшенный волей судеб на далекую чужбину, Николай Михайлович с сыновней признательностью не раз обращался к отчему симбирскому краю, где весенние цветы ему дарила жизнь молодая:

*Край прелестный — это ты,
Где видением игривым
Каждый день мой пролетал,
Каждый день меня счастливым
Находил и оставлял!
Вы, холмы, леса, поляны,
Скаты злачных берегов
И старинные курганы —
Память смелых праотцов, —
Сохраненные веками*

*Как свидетели побед,
Непритворными струнами
Вас приветствует поэт!*

Михаил Петрович не забывал и о духовной пище для родных. В доме была богатая библиотека, регулярно пополнявшаяся журнальными и книжными новинками, в том числе и не без содействия Н. М. Карамзина. Так, в письме от 7 января 1802 года к своему брату Василию Михайловичу писатель, сообщив о высылке из столицы первого номера “Вестника Европы”, просил его вручить новинку Ермолову, Аржевитинову, Языкову и некоторым другим, известным в Симбирске деятелям.⁶

В конце октября — начале ноября, когда устанавливался санный путь, Языковы с обозом всяческой сельской снеди возвращались в Симбирск, где в связи с предстоящими дворянскими выборами для Михаила Петровича и Екатерины Александровны наступала пора визитов, банкетов и нового театрального сезона в Доме дворянского собрания (находившегося в бывшем особняке Дурасовых, что стоял в Троицком переулке). Для дочери Александры родители приглашали гувернантку, которая занималась с нею чтением, арифметикой, французским языком, музыкой, танцами, рукоделием. На некоторых уроках, наверное, присутствовал и Коля.

Более или менее размеренную жизнь Симбирска и губернии прервал царский манифест от 6 июля 1812 года об объявлении войны Франции, последовавший после вторжения в Россию наполеоновской армии. В городе в спешном порядке создавалось 9-тысячное ополчение из ратников, в основном крепостных крестьян в возрасте от 17 до 45 лет и около трехсот офицеров, избранных дворянскими собраниями. Уже 26 октября ополчение, в составе конного и трех пехотных полков, двинулось в район театра боевых действий на Западе.

В семье Языковых оживленно обсуждался весь ход формирования симбирского ополчения. И это понятно. Ведь дед будущего поэта губернский предводитель дворянства А. Ф. Ермолов возглавлял губернский комитет из “пяти почтеннейших дворян” (в него вошел и В. М. Карамзин,

⁶ Атеней, 1858, №20, с.246.

старший брат историографа), организовал всю работу по сбору денежных и натуральных пожертвований для ополчения, обеспечению его вооружением, обмундированием и продовольствием. Нетрудно представить, как реагировали в семье Языковых, когда отец, Михаил Петрович, несмотря на солидный возраст, был все-таки зачислен в состав 3-го пехотного полка ополчения⁷.

С началом войны в Симбирск прибыло немало дворян-беженцев из западных и центральных губерний, в том числе из Москвы и Петербурга. В городе резко подскочили цены на жилье, значительно оживились строительство, оптовая и розничная торговля, возросло число судов на Волге. Как это ни парадоксально, но печальный для России 1812 год, по словам краеведа А. Яхонтова, “отразился, кроме того, выгодно и на материальном благосостоянии города: были хорошие урожаи, а хлеб стоял в огромной цене, потому что запрос на него велик и в армию, и в разоренную войной часть России”⁸. Естественно, что выгоду получили лишь помещики и купцы, а для простого народа война была бедствием.

Из газетных сообщений Языковы знали подробности о сражениях под Смоленском и Бородином, об оставлении Москвы, а затем и об отступлении французов на запад, о партизанской борьбе, в частности, о подвигах Дениса Давыдова, о заграничных походах русской армии. И с великой радостью и гордостью за возвращавшихся из европейских походов воинов-победителей они участвовали в торжественной встрече симбирского конного ополчения осенью 1814 года и слушали приветственную речь учителя мужской гимназии Дементия Успенского. Выразив землякам-ополченцам глубочайшую признательность за избавление Отечества от нашествия “свирепого врага рода человеческого”, метавшего жадные взоры и на земли, “орошаемые величавою Волгою”, оратор восторженно сказал: “Посмотрите, храбрые воины, на окрест стоящий вас народ, так много уже радостных объятий, готовых вас заключить в себя!”⁹

⁷ Апухтин В. Ф. Дворянские ополчения в Отечественной войне. Т. I. М., 1912, с. 73—74.

⁸ Яхонтов А. Симбирск (1648—1898). Историческая заметка. — Симб. епархиальные ведомости, 1898, №1, с. 37.

⁹ Прошлое нашего края / Сост. П. Д. Верещагин. Саратов, 1968, с. 72.

Одним из тех, кто испытывал такие же высокие патриотические чувства к героям Освободительной войны, был и Николай Языков, которому шел двенадцатый год. К этому времени, с помощью преподавателей гимназии, он завершил подготовку к сдаче вступительных экзаменов в Горный кадетский корпус, где уже два года учились его старшие братья.

Трудно сказать, кто именно сопровождал Николая в его первое дальнее путешествие — из Симбирска в таинственный Петербург — отец или инженер-подпоручик М. Лукин, который 3 июня 1814 года получил из рук губернского предводителя дворянства А. Ф. Ермолова “Свидетельство” о дворянском происхождении его внука, Николая Языкова, для доставления отъезжающему. Зато достоверно известно, что младший Языков не спасовал на испытании, которое хотя и носило характер собеседования, но было отнюдь не легким. Ведь по рассказу 10-летнего Ардалиона Иванова, его экзаменовал командир Горного кадетского корпуса так: “заставил прочитать страничку по-русски, столько же по-французски и по-немецки; написать с книги несколько строк на этих языках, спросил таблицу умножения, задал из немногих цифр деление, проверил задачу” и, не желая испытывать знания катехизиса, истории и географии, сказал, что для зачисления в первый нижний класс и этого довольно¹⁰. Замечу, что отец Иванова служил при императорском Дворе, и его сын Ардалион поступил в Горный корпус в качестве личного пансионера самой императрицы “сверх комплекта, по особому распоряжению министра”.

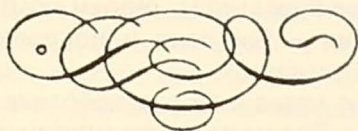
Надо полагать, что Николаю Языкову пришлось сдавать вступительные экзамены по полной программе, и мнение Д. Садовникова, что он поступал в корпус “после незавидного домашнего воспитания”, нельзя понимать в буквальном смысле¹¹. Совершенно очевидно, что Николай, как и его братья, сносно читал и писал не только на русском, но и на французском и немецком языках, знал наизусть образцовые стихотворения и басни русских классиков, умел решать задачи на все четыре действия по арифметике, усвоил программу по истории, географии и

¹⁰ Современник, 1859, № 8, с. 235.

¹¹ Языковский архив. Вып. 1, с. 406.

катехизису, словом все, что требовалось знать одиннадцатилетнему подростку, поступающему в первый низший корпусной класс, соответствовавший первому классу обычной гимназии.

Можно только удивляться, как веселый и вместе с тем большой любитель поспать и понежиться, довольно полный мальчик, не прошедший систематической учебы, без какой бы то ни было помощи родителей, сумел подготовиться к вступительным испытаниям в кадетский корпус. Но, покидая летом 1814 года родной Симбирск, Николай Языков уносил с собой нечто большее, чем требовалось абитуриенту: живой ум, удивительную память, острую наблюдательность, неумную любознательность, тонкое понимание прекрасного, кристальную честность и верность долгу товарищества, а главное — огромную любовь к отчему краю и редкостный поэтический дар.

В Петербургском горном кадетском корпусе

В самом конце Васильевского острова (между 21 и 22 линиями) высится трехэтажное здание Горного института им. Плеханова, возведенное по проекту выдающегося зодчего А. Н. Воронихина под помещение Горного кадетского корпуса. Оно и в конце XX века выглядит весьма внушительно и привлекательно. Главный фасад, выходящий на набережную Невы, украшен 12-колонным дорическим портиком, поддерживающим массивный фронтон с гербом СССР (ранее он украшался черным двуглавым орлом). По обеим сторонам наружной парадной лестницы, на открытых площадках, стоят почти четырехметровой высоты скульптурные группы: “Похищение Прозерпины Плутоном” и “Борьба Геракла с Антеем”.¹ В верхней части фасада бросаются в глаза изящные барельефы, героем композиций которых является Вулкан — бог огня и покровитель кузнечного дела у древних римлян.²

Еще полвека назад я не раз любовался этой достопримечательностью Ленинграда, органично сочетавшей в себе архитектурные формы и скульптурные композиции. Во время работы над очерком об Н. М. Языкове меня больше занимало выяснение в институтском музее всех подробностей об учении здесь поэта и его братьев Петра и Александра в далекие 1810-е годы. Кроме того я искал документы и материалы, которые помогли бы развеять различного рода ошибочные суждения и домыслы, утвердившиеся в литературе. Характерным в этом отношении является очерк “Драма Николая Языкова” С. Рассадина, опубликованный в 1983 году. Вот как московский литературовед описывает учение Николая Михайловича и его казенную службу: “Одиннадцати лет, в 1814-м, был отдан в Горный кадетский корпус, какого по лености не кончил. Побывал в Институте корпуса путей сообщения,

¹ Скульпторы Д. И. Демут-Малиновский и С. С. Пименов.

² Муштуков В. Е., Пашкевич А. А., Пукинский С. И. Ленинград, Путеводитель. Л., 1970, с.158.

но и оттуда был выключен “за нехождение в классы”. Отметим далее, что Николай Михайлович и из Дерптского университета вышел без диплома, Рассадин с сарказмом заметил: “не осилил... но и государственной службе вышло от Языкова немного проку. В 1832 году он попробовал служить в Межевой канцелярии, но ничего выше коллежского регистратора, последнего в табели о рангах, не выслужил, да и вообще через год службу бросил, хотя хлопот она ему не доставляла.”³

Замечу сразу, что Николай Михайлович никогда не получал чина коллежского регистратора. Что касается “хлопот” 1832 года, то их ему доставляла неизлечимо тяжкая болезнь. Относительно же “лености”, из-за которой Языков якобы “не осилил” программ тех учебных заведений, в которых обучался, то Рассадин лишь повторяет миф, о котором необходим обстоятельный разговор.

Во-первых, никто из пишущих о Николае Языкове не привел ни одного факта, который бы свидетельствовал о его легкомысленном отношении к учебе в Горном корпусе. Зато достоверно известно, что старшие братья Петр и Александр, отлично успевавшие по всем предметам, плотно опекали своего малолетнего кадета и не допустили бы того, чтобы он шел в класс неподготовленным. А в 1815 году опеку над всеми братьями Языковыми — племянниками по ермоловской линии — взял на себя отставной генерал-майор, прославившийся подвигами под Смоленском, Бородином и при взятии Парижа в 1814-м, Петр Андреевич Кикин. Трудно однозначно сказать, почему именно Кикин, человек с университетским образованием, занимавший высокий пост статс-секретаря канцелярии по принятию прошений на Высочайшее имя, уже в марте 1816-го подает в Горный кадетский корпус прошение о переводе своих племянников в пансионеры, то есть на казарменное положение.

Столь резкое изменение образа жизни свободолюбивых и самолюбивых братьев Языковых произошло либо потому, что они не пожелали согласовывать все свои действия с властным дядей-генералом, либо тот, убедившись, что юноши отнюдь не расположены к безоговорочному послушанию, решил снять с себя ответственность за их

³ Рассадин С. Спутники. Дельвиг, Языков... М., 1983, с. 96.

учебу и поведение и, получив согласие родителей из Симбирска, перевел братьев в общежитие Горного корпуса, твердо зная, что тамошнее начальство приучит воспитанников к соблюдению распорядка дня, послушанию, прилежности и прочим привычкам и навыкам, необходимым для учения и будущей службы.

Дело в том, что хотя Горный корпус и состоял в ведении министерства финансов, однако по порядкам немногим отличался от кадетского корпуса военного ведомства. Во главе Горного кадетского корпуса номинально значился директор департамента горных и соляных дел, но фактически им являлся командир, который через своих помощников и дежурных офицеров осуществлял руководство учебным процессом и выполнением распорядка дня. Кадеты-пансионеры находились на казарменном положении и увольнялись в город к родным только по воскресным и праздничным дням. Нарушение установленной формы одежды строго преследовалось. При встрече с начальством кадеты были обязаны стать "во фронт", на приемы пищи ходили строем, уроки готовили под наблюдением офицеров и унтер-офицеров (воспитанников старших двух классов), под их же надзором совершались прогулки, купание в Неве или катание на коньках. Провинившихся наказывали неувольнием в город, лишением пищи, содержанием в карцере и поркой розгами.

Для лентяев и шалунов в корпусе была создана невыносимая обстановка: за невыученный урок их заставляли надевать дурацкий колпак, в столовой усаживали за "штрафной стол", на котором красовалась черная доска с белой надписью: "За шалость и леность", а невдалеке от стола грозно ожидал очередную жертву пучок свежесоленых розог...

В корпусе широко практиковалась зубрежка. Многие преподаватели заставляли ребят учить тексты наизусть, а проверку знаний сверяли по учебнику. За изложение своими словами следовали нотации, а то и наказания, а за незнание урока — порка розгами. Злостные лентяи с помощью родителей покидали корпус, либо исключались самим начальством.

Судя по всему, Николай Языков при поддержке живших рядом Петра и Александра в целом сносно справлял-

ся с учебой и за пять лет пребывания в корпусе не только не подвергался унижительным наказаниям, но и пользовался уважением однокашников, старших по спальне, учившихся вместе с его братьями, и некоторые преподаватели, особенно словесник Алексей Дмитриевич Марков, открыто покровительствовали юноше, обладавшему незаурядным поэтическим даром.

Марков был сыном своего времени и, подобно коллегам, мог обзывать бранным словом кадета-лентяя за неисполнение домашнего задания. Но, несмотря на то, что Алексей Дмитриевич был обременен нуждой, да и после очередного поклонения Бахусу бывал не в настроении, обладая самобытным умом и обширными знаниями отечественной литературы, особенно конца XVII — начала XIX веков, он быстро распознал редкостный талант Языкова и полюбил отрока, как сына. Он же, во время частных занятий, по словам самого Николая Михайловича, “нежно... лелеял первые полеты едва проснувшейся мечты” и предсказал ему “прекрасную судьбину”.⁴ Если учесть, что Алексей Дмитриевич преподавал в Горном кадетском корпусе еще и немецкий язык, историю и географию, заставлял Языкова учить наизусть и переписывать стихотворения Ломоносова, Державина и неустанно работать над собой как поэтом, то уже эти отношения опровергают миф о “лености” кадета Языкова.

Следует иметь в виду и то обстоятельство, что с 1817 года директором корпуса стал Евграф Ильич Мечников, который поставил себе целью превратить вверенное ему учебное заведение в одно из престижнейших в столице. С одной стороны, произошел сдвиг в сторону большего внедрения в жизнь воспитанников воинского порядка, с другой — гуманизация программ обучения, проведения досуга и обращения наставников с ребятами.

Увольнение наиболее одиозных преподавателей, изъятие из практики унижительных наказаний сопровождалось возведением поэзии в ведущий предмет, а обучение музыке, танцам, пению, рисованию, фехтованию, равно как и участие кадетов в театральных представлениях и даже в симфонических концертах, становятся нормой

⁴ Языков Н. М. ПСС. Редакция, вст. статья и коммент. М. К. Азадовского. М.—Л., 1934, с. 335, 767.

жизни. На корпусных выпускных актах стали появляться министры и такие знаменитости, как Н. М. Карамзин, И. А. Крылов, В. А. Жуковский. К таким торжествам, по словам известного уже нам А. Иванова, “кадеты-стихотворцы принимались писать прощальные куплеты”, которые потом их “капельмейстер Кудлай клал на музыку для пения. Из корпусных поэтов отличался в этом роде Бальдауф”.⁵

В когорту “кадетов-стихотворцев” входил и Николай Языков, который состязался в поэтических турнирах с А. Бальдауфом, Александром Кулибиным (сыном известного механика-самоучки И. П. Кулибина). С помощью одноклассника Петра Очкина Николай Михайлович тогда сблизился с его братом-журналистом Амплием Николаевичем Очкиным и другими второстепенными литераторами.⁶ Из дошедших до нас посланий А. Бальдауфа к Языкову и нескольких посланий Языкова к А. Кулибину и А. Очкину видно, что на пятом году пребывания в Горном корпусе Николай Михайлович достиг неординарных навыков в стихосложении и пользовался уважением собратьев по поэтическому цеху.

Незабываемым же стал тот весенний день 1819 года, когда в трудах высочайше утвержденного Вольного общества любителей российской словесности — журнале “Соревнователь просвещения и благотворения” — появилось послание к Кулибину, подписанное “Н. Языков”, да еще с таким теплым сопровождением редакции: “Общество в поощрение возникающих дарований молодого поэта, воспитанника Горного кадетского корпуса, помещает стихи сии в своем журнале”.⁷

Дебют оказался успешным. Не случайно это послание через 12 лет еще раз будет опубликовано в “Невском альманахе на 1831 год”, а потом войдет в языковское “Избранное”. Первое послание 16-летнего симбирянина написано под заметным влиянием поэзии легендарного воина и барда шотландских кельтов Оссиана, с характерным для него романтическим описанием пейзажа, глубоким лиризмом и колоритной мечтательностью. Уже зная,

⁵ Современник, 1859, №8, с. 275.

⁶ Там же, с. 276.

⁷ Языков Н. М. ПСС, с. 709.

что Александр Кулибин после выпуска из корпуса отправится на горнорудные предприятия Урала, Языков призывает к мужественному преодолению грядущих трудностей, верить тому, что его ждет успех, счастливая любовь, которую воспевает его лира, и что его песнь до друзей домчится, возбудит воспоминания о юности беспечной, когда они доверчиво веряли друг другу пробы пера. В заключении послания выражалась уверенность, что Кулибин “наделен талантом песнопения”, дабы “героев воспевать!”.

Поздравили с поэтической удачей Николая и его братья, но в их жизни этим летом происходило тоже знаменательное событие: они с успехом заканчивали выпускной класс, причем Петр шел первым кандидатом на большую золотую медаль, с надписью по окружности: “За прилежание и благонравие”.

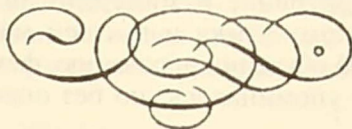
Но сам-то Николай Михайлович твердо решил покинуть Горный кадетский корпус и продолжить свое образование в столичном Институте корпуса инженеров путей сообщения. Неизвестно, какие доводы привел он Кикину, но и они оказались вескими, если генерал 10 августа 1819 года подал начальству Горного корпуса прошение с просьбой отчислить пансионера Николая Языкова и снабдить его “Надлежащим аттестатом”.

После того, как казначейство, библиотеки (классическая и подвижная), лазарет, “музыкальная часть” и бухгалтерия удостоверили, что за увольняемым недоимки не значится (за исключением разбитого в марте стекла и утерянной посуды), ему был выписан аттестат. В нем отмечалось, что при хорошем поведении Языков обучался с успехами **“очень хорошими** — в поэзии, французском языке, российской и всеобщей истории, ботанике и зоологии”, **“хорошими** — во всеобщей географии, физике, химии, фортификации и архитектуре”, **“довольно хорошими** — в статистике, в частном, римском и российском праве, логике, риторике и минералогии”, а по закону божьему, немецкому языку и высшей математике — на **“средственно”**. Об обучении рисованию, фехтованию и танцеванию только упоминалось, но без оценок.⁸

⁸ Языковский архив. Вып. I. Письма Н. М. Языкова к родным. СПб, 1913, с. 442.

Нетрудно подсчитать, что общий средний балл по 15 предметам позволяет считать Николая Михайловича твердым “хорошистом”. Что касается “средственных” отметок, то появление их в аттестате, в частности, по закону божьему, — явное недоразумение, обусловленное каким-то случайным эпизодом, шалостью подростка или чудачеством самого законоучителя. Такой же необъективной является слабая оценка и по немецкому языку, и вызвана она, скорее всего, мстью за проделки склонного к юмору Николая Языкова, ибо всей своей будущей жизнью он показал превосходное знание немецкого, овладевать которым начал еще в Симбирске. Одним словом, этот аттестат не дает никаких оснований литературоведам для суждений о “лености” Николая Языкова, “непривычке к регулярным занятиям”, как для вывода, будто точные науки были “чужды духовным устремлениям юного поэта”.⁹

Во-первых, эти выводы опровергаются общими итогами пятилетнего обучения в Горном кадетском корпусе, в частности, хорошими оценками по физике, химии, фортификации, статистике, минералогии, которые принадлежат к точным наукам. А во-вторых, тем, что без всяких проволочек уже 28 августа 1819 года Николай Михайлович подал директору Института корпуса инженеров путей сообщения генерал-майору Сеноверу прошение о своем желании “вступить в число воспитанников” учебного заведения, где точные науки играли не меньшую роль, чем в Горном корпусе. Наконец, генерал Сеновер, ознакомившись с вполне благополучным аттестатом Н. Языкова, счел возможным еще пойти на уступку, судя по его доброжелательной резолюции на прошении: “Сверх комплекта. 28 августа 1819 года”.

⁹ Языкова Е. В. Творчество Н. М. Языкова, с. 31.

Переходя из Горного корпуса в Институт корпуса инженеров путей сообщения, Николай Языков прекрасно понимал, что и здесь удельный вес высшей математики, черчения и других точных наук будет отнюдь не меньшим и что придется немало покорпеть над решением математических и технических задач. Чем же в таком случае вызван этот переход? Надо полагать, в первую очередь — желанием расстаться с опостылевшей казарменной обстановкой Горного корпуса, а также — надеждой, что уж в Институте, куда принимались юноши с 16 лет, отношение начальства к подопечным будет более гуманным.

Поначалу надежды “сверхштатного” воспитанника сбывались: Николай вместе с одним из товарищей снял частное жилье, недалеко от Института, находившегося на Забалканском проспекте. Хозяин, чиновник Фетин, брал с него “за уроки математики и содержание 1500 рублей ассигнациями” в год, то есть большую часть того, что присылалось родителями на все житье-бытье. Правда, глубокой осенью выяснилось, что неказистая передняя — холодная, а сосед оказался таким, что “не об чем было и поговорить”. И тем не менее Николай стойчески тянул новую лямку, пока в ноябре из Симбирска не пришло страшное известие о кончине 12 октября 1819 года его отца, Михаила Петровича. Невозможно было поверить, что после кратковременной болезни ушел из жизни энергичный, полный замыслов по благоустройству своего имения 52-летний глава семейства, не поставив на ноги шестерых детей, из которых младшей, Катюше, было всего два года...

Хотя бы одному из братьев надо было срочно отправиться в Симбирск, поклониться от имени всех троих праху родителя, утешить матушку и сестренку, решить неотложные формальности, связанные с управлением недвижимостью. У Николая — самый разгар учебной поры, Петру вскоре предстоял окончательный экзамен в Горном корпусе (по каким-то причинам он переносился), от которо-

го зависело получение чина 10-го класса (“гиттенфервальтера”). Отлучиться на два — три месяца было легче Александру, служившему в канцелярии родича, Петра Андреевича Кикина. Все заботы по поездке взял на себя Дмитрий Свербеев: получил у Кикина отпускной вид, подорожную, нанял “троичную повозку” и проинструктировал Моисея (камердинера Александра) обо всем, что надобно для путешествия в Симбирск.¹

От той драматической поры до нас дошло только одно письмо Николая Михайловича. 27 февраля 1820 года он обращался к матери и брату Александру, но уже без прямого упоминания о постигшей семью тяжелой утрате. Поблагодарив матушку за ее письмо, он выразил сердечную радость, что она здорова. О новостях же своей и Петра жизни в столице он поведал так: “Вы уверены, что братец давно к вам отправился, а в корпусе (Горном. — Ж. Т.) все еще экзамен не был: итак, он поедет весною, теперь здесь начинается слякоть. У нас в Институте на Святой неделе будет экзамен... Я думаю, мне лучше будет теперь жить с братцем, нежели у Дмитрия Николаевича (Свербеева. — Ж. Т.), хотя это будет и подальше от Института, но ему (брату Петру. — Ж. Т.) одному скучно”.²

На том же листке Николай Михайлович обратился и к “любезному братцу” Александру: “Мы (с Петром. — Ж. Т.) уже начинали вас ждать, а теперь опять надолго должны лишиться этой надежды. Братец к вам поедет весною, а вы к нам, вероятно, к лету. В Горном корпусе экзамен после Святой недели... В институт едут из Парижа новые учителя. Лукин вам кланяется; он хочет отправиться к вам (в Симбирск. — Ж. Т.) с Карповым. Мы готовимся к экзамену; может быть, мне дадут петлички, а Лукин глядит в подпоручики: они уже не будут учиться, а их разошлют по дорогам”.³

Эти скупые строчки убедительно свидетельствуют, что несмотря на потрясения, вызванные потерей отца, на разлуку с любимым братом и огромную любовь к поэтическому творчеству, Николай Михайлович отдался главному — подготовке к экзамену, венчавшему общеобразо-

¹ Свербеев Д.Н. Записки, т. 1, с. 290.

² Языковский архив, с. 4.

³ Там же.

вательный период в Институте, после чего давались “петлички” — право носить мундир с серебряным галуном на воротнике, то есть ступить на первую ступеньку чиновничьей лестницы... О серьезности его отношения к учебе говорят и желание жить под одним кровом с братом, и его совместные занятия со старшекурсником — земляком Лукиным. Когда казалось, что все идет хорошо, Николай Михайлович вдруг забросил подготовку к экзамену. Попытки брата Петра и Свербеева уговорить его продолжить учебу не имели успеха. Тогда Свербеев 6 апреля 1820 года обратился в Симбирск к Александру Михайловичу: “Брат твой Николай ленится и в Институт не ходит. Несмотря на советы Петра Михайловича и мои убеждения он непременно хочет оставить Институт, не имея в виду ничего лучшего. Мое мнение — что позволять сие ему никак не должно. Ни постом, ни на праздниках он не был у Петра Андреевича Кикина. Это должно огорчить тебя немного. Впрочем, дай пройти чаду молодость, приезжай скорее, заставь его заниматься, удали от него всякое рассеяние, ибо, по его характеру, оно для него совершенно опасно, и таким образом, он опять встанет на прямую дорогу”.⁴

Трудно сказать, что Свербеев подразумевал под “рассеянием”, но не последнюю роль в охлаждении к учебе сыграло недовольство Николая Михайловича институтскими порядками, особенно нововведениями директора полковника Резюмона, с помощью которых он намеревался держать учащихся в ежовых рукавицах. Солдафонские прихоти Резюмона зашли так далеко, что, по словам Языкова, полковник не позволял юношам вставать с места по “шесть часов сряду”.⁵

Но нежелание Николая Михайловича оставаться в Институте обуславливалось и другими причинами. Его возмужавшая поэтическая натура пришла в явное противоречие с занятиями инженерными дисциплинами, которыми долго вынужденно теснилась молодая муза. Последней же каплей, переполнившей чашу терпения нашего симбирянина, могло стать знакомство с “полной коллекцией стихов А. С. Пушкина”, попавшей к нему от земляка

⁴ Свербеев Д.Н. Записки. Т. 1, с. 290.

⁵ Языковский архив, с. 406.

А. Татаринова весной 1820 года. Именно в это время произошла высылка Александра Сергеевича из Петербурга на юг России за оду “Вольность” и другие свободолюбивые стихи и политические эпиграммы противоположительного характера.⁶ Глубоко переживая гонения на талантливого поэта, Николай Михайлович вместе с тем укрепляется в мысли, что он и сам способен создать нечто, достойное внимания широкого читателя. Вскоре после того, как институтское начальство “выключило” Языкова из списка воспитанников “за нехождение в Институт”, он начинает подготовку к поступлению в открытый в прошлом году Петербургский университет и возвращается летом 1820 года в отчий край, после шестилетней разлуки. Он ничуть не жалеет о разрыве с “точными науками”, не стыдится перед родными и знакомыми, что в свои 17 лет еще ищет путь к вершинам знаний, и рад, что наконец-то открывается возможность отдаться любимому занятию. И какими светлыми чувствами пронизано его послание к “другу и учителю” брату Александру в Петербург, написанное по приезду в любимое Языково:

*С того златого дня,
Как благотворный гений
В родительские сени
Вновь перенес меня, —
Я счастлив стал душою.
Здесь радость с тишиною,
Здесь все, что в жизни сей
Мне дорого и мило:
И прелесть юных дней
С свободой легкокрылой,
И дружеская сень,
И сень уединенья,
И светит наслажденья
Незаходимый день.
Творцу благодаренья! —
Так, мой любезный брат,
Прошедшие мученья
Меня не посетят;
И радость, слава богу,
Дружится вновь со мной!*

⁶ Языковский архив, с. 406.

*На ровную дорогу
Я выброшен судьбой
Из той темницы скучной,
Где жил всегда с одной
Подругою докучной, —
Ты знаешь, кто она:
И гордая и злая,
Как мертвая бледна,
Как мумия — сухая.
Так я, любезный брат,
Терпел от ней недавно;
А ныне — очень рад —
Прогнал ее — и славно! —
И не придет назад!..⁷*

Радость автора по поводу того, что порвал с “подругою докучной” (то есть с математикой и иными точными науками), вряд ли полностью разделялась Александром Михайловичем. Хорошо зная и понимая младшего брата, он просто смирился со свершившимся фактом. Его по-настоящему радовало то, что в послании Николай зримо показал, что добросовестно исполняет “долг священный свой разум просвещать” — всерьез готовится к продолжению образования, находя в себе силу воли отгонять “и муз и лень свою”.

Конечно же, поэт не был отшельником и, когда раздавался “часов полдненный бой”, оставлял занятия и присоединялся к обществу матушки и сестер, вникал в их дела и заботы, а во время обеда шутками и остротами поддерживал дружескую и веселую атмосферу, читал свои новые стихи.

С приближением осени Екатерина Александровна с домочадцами перебралась в Симбирск, в свой особняк на Спасской, а в сельской усадьбе остались Николай и муж его старшей сестры Александры — Александр Дмитриевич Валуев. Этот бывалый морской офицер, привезший в 1813 году П. А. Кикина из Англии на своем военном корабле, во время пребывания в Языкове красноречиво рассказывал, наверное, все, что мог, о своих путешествиях и приключениях и вольно или невольно отвлекал млад-

⁷ Языков Н. М. Стихотворения и поэмы. Л., 1988, с. 49, 50.

шего шурина от занятий. Обстановка изменилась в середине сентября, когда нарочный привез моряку весть о рождении сына, которого заранее решено было назвать Дмитрием, и счастливый молодожен умчался в город. Только-только наладилась рабочая обстановка, как в ноябре случилось новое семейное горе: скончался двоюродный дедушка Нил Федорович Ермолов, который за доброту и порядочность был особенно любим Языковыми, да и вообще всей многочисленной родней.

Замкнутая жизнь и затянувшееся осеннее ненастье в деревенской глуши угнетающе действовали на юношу и, как только установился санный путь, 22 ноября он мчит-ся в Симбирск, в надежде, что в отчей обители отыщет тихий уголок для занятий. Но в густонаселенном доме трудно было поддерживать деловую обстановку. Разговоры матушки и Петра о хлебе, винных бочках, заводе, "обжигательницах", самых разнообразных хозяйственных проблемах звучали, почти не умолкая. С наступлением дворянских выборов и бального сезона к Языковым навевались многочисленные родные и знакомые. Обычай требовал наносить ответные визиты, участвовать в званых обедах по случаю именин, юбилеев, праздников. И везде, как дома, так и в гостях, по словам Николая Михайловича, приходилось "приносить жертвы Богу объедения, и одна ночь остается на упражнения ума, к которым тело, отягченное дневными суетами, неспособно".⁸

Александр Михайлович из своего петербургского далека чувствовал, что происходит, и опасался, что симбирская суета способна скрутить брата и он может почить на лаврах местного поэта, сочиняющего по просьбе барышень вирши для их альбомов. Взвесив все за и против, Александр Михайлович решил вызвать Николая в Петербург. В письме, приуроченном к дню его именин (6 декабря), он сообщил, что в здешний университет можно поступить "с одним аттестатом из Горного корпуса". На следующий же день необычайно обрадованный поэт пишет ответное послание брату в столицу, квинтэссенцией которого стало речение: "Итак, мы счастливы! Наше образование скоро начнется, наши мысли будут обильнее, воображение живее и чувства истиннее!"⁹

⁸ Языковский архив, с. 408.

⁹ Там же.

Из писем Николая Михайловича видно, что он тяготился бесплодностью и бездуховностью жизни верхушки местного общества и даже в запальчивости назвал свой город “болотом человеческих глупостей”.¹⁰ Это нелестное мнение он подкрепил и словами А. Д. Валуева: “Если бы я должен был вечно жить в Симбирске, то скорее согласился бы быть лошадьё, чем симбирским дворянином”.¹¹ “Глупостей” в крае действительно хватало. Многие из них коренились в невежестве местной аристократии, разбогатевшей во время войны с Бонапартом за счет дороговизны хлеба и небывало высоких урожаев. На дикие кутежи и грандиозные балы денег не жалели, а уделить малую толику из своих богатств на поддержку единственной в губернии мужской гимназии, создание общественного театра или библиотеки — скупились. Казнокрадство и взяточничество процветали повсеместно. Впрочем, как это видно из письма Николая Языкова брату Александру в Петербург, власть имущие и в 1820 году приумножали состояния дедовскими способами. “Мужиков бесчеловечно грабят, — с горечью сообщал поэт, — коронному мужику стоит 25 обрить лоб — губернатор спит и ничего не видит, в его глазах обдирают мужиков в правлении”.¹² Чиновничий произвол, особенно в 1817—1819 годы, когда здесь губернаторствовал М. Л. Магницкий, был беспределен. Достаточно сказать, что этот мракобес, занимая в 1820-м пост попечителя Казанского учебного округа, приказал уничтожить сцену в зале симбирской гимназии, ибо он не признает “приличным образование юношества помощью театра”.¹³

Но Симбирск — это родина И. И. Дмитриева, Н. М. Карамзина, братьев Тургеневых, которые, хотя и проживали в столицах, но через родных и знакомых оказывали благотворное влияние на лучшую часть общества. Здесь жили и трудились сподвижники А. В. Суворова — начальник его штаба генерал-майор П. Н. Ивашев (отец декабриста) и флигель-адъютант полководца А. А. Столыпин

¹⁰ Языковский архив, с. 407.

¹¹ Там же, с. 408.

¹² Там же, с. 409.

¹³ Христофоров И. Очерки по истории симбирской гимназии. — Симбирские губернские ведомости, 1875, 8 февраля.

(двоюродный дед М. Ю. Лермонтова), ветераны Отечественной войны П. И. и А. И. Юрловы, И. С. Аржевитинов, А. А. Крылов, офицер-моряк Н. Н. Трегубов, воспитывавший будущего романиста Ивана Гончарова, основатель масонской ложи “Ключ к добродетели” князь М. П. Баратаев, литератор И. А. Второв. С симбирским краем тесно были связаны Аксаковы, Самарины, Вяземские, Филатовы, Сеченовы, Тютчевы, Бестужевы, Соллогубы, Минаевы и другие видные представители культуры. Наконец, сами Петр, Александр и Николай Языковы своей начитанностью и высокой нравственностью оказывали облагораживающее воздействие на окружающих.

Николай Михайлович, страстно мечтавший о дальнейшем образовании, старался помочь и своей любимой сестре 14-летней Параше: приобретал для нее учебную и художественную литературу, настаивал, чтобы она училась танцам, игре на фортепиано, овладевала разговорной французской речью, помогал ей составить “понятие о словесных науках”. Призывая в письмах из Симбирска брата Александра не оставлять без внимания Парашу, он полушутливо заметил: “к ней женихи начинают свататься...”¹⁴

Николай Михайлович намечал свой отъезд из Симбирска в Петербург на середину декабря 1820-го. Но отлично зная, как будет затруднительно “почти без имени и без звания” получать лошадей на почтовых станциях, он подыскивал попутчика с авторитетной подорожной. Найти же земляка, который согласился бы провести рождественские праздники в путешествии и встречать Новый год в дороге, было почти невозможно. Помог невероятный случай: из столицы на Неве в город на Волге прибыл секретарь попечителя С.-Петербургского учебного округа и президента Академии Наук графа С.С. Уварова 24-летний Геннадий Владимирович Грудев. Появился он здесь по приказанию своего начальника и с ведома супруги Александра I, которая, по примеру Москвы и Петербурга, соизволила разрешить открытие в Симбирске “Дома трудолюбия” для девиц-сирот дворянского происхождения.¹⁵

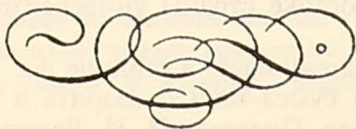
¹⁴ Языковский архив, с. 408.

¹⁵ Русский архив, 1898, № 9, с. 427.

Понятно, что Грудев нанес визит вежливости губернскому предводителю дворянства Александру Федоровичу Ермолову, а тот, помня, что его внук Николай нуждается в попутчике до столицы, свел их друг с другом. Вообще-то братья Языковы и столичный гость в какой-то мере были знакомы по Горному кадетскому корпусу, ибо Грудев в годы их учения был секретарем не только Уварова, но и директора Горного корпуса. И уж кого-кого, а золотого медалиста Петра Языкова и его брата кадета — “стихотворца” Геннадий Владимирович знал не только понаслышке.¹⁶

Несмотря на близость к Уварову и другим сановникам, Грудев, проложивший себе дорогу каллиграфическим почерком, трудолюбием, честностью, смекалкой и исполнительностью, остался добрым и отзывчивым человеком. Он не только охотно согласился проделать обратный путь в Петербург вместе с Языковым, но и предложил свое покровительство в столице. В частности, Грудев уговаривал Николая Михайловича “определиться в канцелярию Уварова и вместе с тем слушать лекции в университете”. Последняя перспектива шла вразрез с собственными планами, но в целом настроение поэта в преддверии нового, 1821 года стало приподнятым и в очередном письме к Александру в Петербург оно проявилось отчетливо: “Надеюсь, что мое переменчивое положение исчезнет и пристань спокойствия заменит прежние тревобления”.¹⁷

Сразу же после новогодних праздников Николай Михайлович вместе с Грудевым отправился в город на Неве, где, увы, он не обретет “пристани спокойствия”, а “прежние тревобления” сменяются новыми, еще более серьезными.

¹⁶ Языковский архив, с. 409.

¹⁷ Русский архив, 1896, № 4, с. 639.

Страсть к поэзии сильна и пламенна...

Еразу же по приезде в Петербург Николай Михайлович убедился, что, согласно новым положениям, требования по латинскому и немецкому языкам к поступающим в здешний университет значительно усилены. Кроме того, по почину Магницкого, экзаменаторам предписывалось выяснять у абитуриентов их подготовку и в “богопознании”, и в “христианском учении”.

Николай Михайлович с помощью Александра и Грудева нашел репетиторов по латыни и немецкому языку и старательно готовился к вступительным экзаменам. У братьев же были свои заботы. В связи с тем, что Петру Михайловичу, прибывшему из Симбирска в столицу, была предложена должность профессора минералогии в Горном кадетском корпусе, он, конечно, был поглощен различного рода хлопотами, связанными со столь заманчивой перспективой научной карьеры¹. Все дела по руководству имениями пришлось взять на себя Александру Михайловичу, который и отправился в Симбирский край на лето, до окончания уборки урожая.

Между тем обстановка в столичном университете с каждым днем накалялась. Начало наступлению реакции в области образования положил в 1819-м М. И. Магницкий, сменивший кресло симбирского губернатора на пост члена Главного правления училищ при министерстве духовных дел и народного просвещения (“министерства народного затемнения” — по словам Н. М. Карамзина). Исходя из итогов своей ревизии Казанского университета, Магницкий потребовал разрушить этот, единственный на востоке страны университет до самого основания.

Эту геростратову идею в столице все же не одобрили, но Магницкий сумел-таки сотворить в Казанском университете немало. Писатель И. И. Лажечников, на глазах которого там свершались нововведения, вспоминал: “На-

¹ Языковский архив, с. 410.

чальники, профессора, студенты, все подчинялись клерикальной дисциплине. Науки отодвигались на задний план. Гонение на философию доходило до смешного фанатизма... Профессор русской литературы читал большею частью духовное красноречие... Имена Карамзина, Батюшкова, Жуковского, Пушкина не смели произноситься на лекциях... Студенты подчинялись строгим монастырским правилам". Вовсю работал карцер, а особо непокорным юношам грозила многолетняя солдатчина.²

Коллега Магницкого по Главному правлению училищ Д. П. Рунич свое рвение в борьбе с либеральными идеями распространил на передовую профессуру столицы. Объектом первой своей атаки он избрал двухтомник "Естественное право" Александра Петровича Куницына, вышедший в свет в 1820 году. Суть разносной рецензии Рунича сводилась к тому, что этот труд "есть не что иное как сбор пагубных лжеумствований, которые, к несчастью, довольно известный Руссо ввел в моду и кои волновали и еще волнуют горячие головы поборников прав человека и гражданина". Несмотря на абсурдность обвинений против профессора Куницына, оказавшего благотворное влияние на умы и сердца А. С. Пушкина, А. А. Дельвига, И. И. Пущина, В. К. Кюхельбекера и многих их сотоварищей по Царско-сельскому лицей, книга "Естественное право" была изъята из продажи, библиотек и даже у частных лиц, успевших ее приобрести, а самого профессора в 1820-м удалили из лицея, а в 1821-м — и из университета.

Пушкин эту расправу со своим наставником (преподававшим ему энциклопедию права, логику, психологию, этику, политическую экономию и финансы) заклеил в "Послании цензору", правда, предназначенном только для близких друзей:

А ты, глупец и трус, что делаешь ты с нами?

Где должно б умствовать, ты хлопаешь глазами;

Не понимая нас, марашь и дерешь;

Ты черным белое по прихоти зовешь;

Сатиру насквилем, поэзию развратом,

Глас правды мятежом, Куницына Маратом.³

² Русский архив, 1866, № 1, с. 134.

³ Пушкин А.С. Полн. собр. соч. в 10 томах. Т. 2.Л., 1977, с. 112.

Деяния магницких и руничей пришлось по душе “суровому временщику” — графу Аракчееву и, не без его влияния, самому Александру I, который, в соответствии с целями “Священного союза”, поддерживал борьбу с либерально-демократическими кругами России, мечтавшими о конституционных порядках. Этим объясняется и то, что летом 1821 года попечитель столичного учебного округа С. С. Уваров ушел в отставку, а его место занял Д. П. Рунич, который громогласно обвинил ведущих профессоров университета в распространении “пагубных и разрушительных теорий”, опасных для “общественного порядка и благочиния”.

Профессор статистики, географии и истории К. И. Арсеньев оказался виноватым во “взращивании в душах своих учеников мысли о необходимости упразднения крепостного права и деспотического правления”⁴. Вина Э. В. Раупаха, профессора всеобщей истории (да к тому же поэта и драматурга), состояла в изобличении “барства дикого” среди крепостников. Профессор российской и латинской словесности, выдающийся философ А. И. Галич (который, по словам Пушкина, заставил его в 1814 году написать “Воспоминания о Царском Селе”), как и академик К. Ф. Герман (автор учебника “Всеобщая история статистики”), подверглись нападкам за преподавание в университете “в духе, противном христианству”.

Кто-кто, а братья Языковы знали, что, выдвигая эти грозные обвинения передовой профессуре, сановные обскуранты старались запугать мыслящую Россию, выступавшую против абсолютизма и крепостничества, за идею защиты свободы личности и человеческих прав, за подлинно научное образование. Насколько тягостно переживал Николай Михайлович оголтелые нападки магницких и руничей, можно судить по отрывкам из его писем, которые, к счастью, оказались в незавершенной статье Д. Н. Садовникова о поэте-земляке. Так, в августе 1821 года, рассказывая брату Александру, задержавшемуся в Симбирске, о серьезных затруднениях, возникших в результате драматических событий в столичном университете, он с горечью сообщил: “Восемь человек про-

⁴ Петербургский университет и революционное движение в России. Л., 1979, с. 134.

фессоров, разумеется лучших, назначены к выгону... Что же после этого останется в университете, и зачем будет в онный определяться? Слышно, что великий инквизитор Казанского университета (М. Л. Магницкий. — Ж. Т.) занимается теперь составлением устава для здешнего... На прошлой неделе в полночь пришел в университет Кавелин (директор. — Ж. Т.) и созвал к себе многих студентов, требуя от них “Записок” Раупаха и Галича: однако ж, он ничего не получил: студенты говорили, что они “Записок” не имеют, и просили его самого осмотреть их шкафы. Он идти с ними в верхний этаж общежития не осмелился и уехал, запретив им строго, страшая Сибирью, кому-либо сказывать о сем ночном его посещении, которое теперь разошлось по всему городу”.⁵

Выражая в письме от 2 сентября надежду, что когда-нибудь кончится это неопределенное, самому ему “ненавистное положение”, Николай Михайлович припоминает советы брата отправиться на учебу в Дерпт, а то и в Германию. Но для осуществления такой задумки необходимо ускорить “тихое шествие” своих занятий латынью и немецким за счет замены прежних учителей — “латинского языка на Клокова, а для немецкого взять Тилло”.⁶ В письме нет пояснений относительно новых учителей, но Александр Михайлович прекрасно знал, что В. Е. Клоков — это его бывший преподаватель “законоведения и науки государственного хозяйства” в Горном кадетском корпусе, а ныне — преследуемый руничками университетский профессор. Что касается Тилло, то он был известным адъюнкт-профессором Царскосельского лицея.⁷

30 сентября Николай Михайлович вновь возвращается к “университетскому погрому” в столице, к запрещению лучшим преподавателям читать лекции и приходит в ужас от призрачности мечты стать здесь студентом. Глубоко переживая за свою судьбу, за гонимых преподавателей, да и за затраты на частные уроки, он тем не менее заявляет брату: “Просвещение есть такая вещь, которую нельзя оценить деньгами, и как много за нее ни заплатишь —

⁵ Языковский архив, с. 410.

⁶ Там же.

⁷ Руденская М., Руденская С. “Наставникам... за благо воздадим”. Л., 1986, с. 302.

все купишь дешево.”⁸ И, словно в подтверждение этого глубоко афористичного высказывания, поэт сообщает о начавшихся занятиях латынью у Клокова, а также о намерении у него же “поучиться наукам политическим”, о которых пока знает “меньше, нежели о китайском императоре”. В октябре же он сообщает в Симбирск брату и о том, что “собирается учиться философии у Галича” — того профессора, у которого брал уроки и Александр Михайлович. (Кстати, именно Александру Языкову Галич посвятил ныне запрещенный сановными мракобесами труд “Естественное право”). Примечательно, что это решение Николай Михайлович принимает через несколько дней после университетского суда над Галичем и его коллегами, когда опальный профессор остался без всяких средств к существованию.⁹

Но и в самые трудные дни муза юного поэта не давала ему покоя. “Большая часть времени моего, — писал он 21 октября в Симбирск, — проходит в сочинении стихов. Проклятая страсть к поэзии! Я чувствую, что она много у меня отнимет хорошего, и может быть, и всегда будет то же. Но что делать, пусть это так и останется! Справедливо сказал Шиллер, что страсть к поэзии сильна и пламенна, как первая любовь. Не знаю, какова первая любовь, но совершенно чувствую справедливость этого выражения!”¹⁰

Судьба стихов складывалась по-разному. Одни скапливались в ящике стола, стоявшего у его синего дивана. Другие вписывались в альбомы друзей и поклонников, скажем, знакомому литератору Амплию Очкину. И лишь некоторые, не без участия того же Очкина, отдавались в редакцию журнала “Новости литературы”. Из тех немногих стихов 1821—1822 годов, которые дошли до нас, видно, что в Петербурге молодому поэту было нелегко, приходилось учиться “душою тосковать”... Тоскуя, он уходил в отрядные думы о прошлом:

*Но я еще люблю бывшее вспоминать;
Люблю в страну отцов в мечтах переселяться
И всем утраченным, всем милым наслаждаться,
И с вами быть душой, родимые друзья!*

⁸ Языковский архив, с. 411.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

*О незабвенный край, о родина моя!
Страна, где я любил лишь прелести природы;
Где юности моей пленительные годы
Катились весело незримою струей...*

Вспоминая отчий симбирский край, Николай Михайлович вновь и вновь с благодарностью обращается с посланиями к брату Александру, чья дружба, пишет он,

*К свободе вечный огонь в душе моей зажгла,
Облагородила желанья,
Учила презирать нелепый суд невежд
И лести суд несправедливый;
Смиряла пылкий жар надежд
И сердца ранние порывы.
И я душой не изменил
Ее спасительным стараньям:
Мой гений чести верен был
И цену знал благодеяньям.¹¹*

Издатель "Новостей литературы" профессор-литератор А.Ф. Воейков, публикуя это стихотворение в 23-м номере своего журнала, сделал теплую приписку: "Сердечно благодарим молодого поэта за сей прекрасный подарок отечественной публике. Предсказываем ему блистательные успехи на поприще словесности".¹² С легкой руки Воейкова (кстати, его близкие родственники тоже проживали в Симбирской губернии) заметили волжанина и другие литераторы, издатели и книгопродавцы. В это время с Николаем Михайловичем охотно завязывает дружеские отношения барон А. А. Дельвиг, который сыграет немаловажную роль в знакомстве молодого поэта со своим другом Александром Пушкиным. Воейков же подготовит почву для короткого знакомства Языкова со знаменитым В. А. Жуковским.

Положение литератора, как говорится, обязывало Языкова следить за журнальными и книжными новинками, и он стал своим человеком в книжной лавке Василия Алексеевича Плавильщикова (брата известного актера, писателя и издателя Петра Плавильщикова — компаньона

¹¹ Языков Н.М. Полн. собр. стихотворений. Под редакцией М.К. Азадовского. М.— Л., 1937, с. 93, 94, 95, 96.

¹² Там же, с. 711.

И. А. Крылова). Лавка находилась у Синего моста, на набережной реки Мойки (ныне дом № 70). Василий Плавильщиков не только торговал книгами, но и содержал большую библиотеку и типографию, в которой печатал приличные художественные издания. Доверием (и кредитом!) наш поэт пользовался и у книгопродавца - издателя И. В. Сленина. Он приобретал здесь и научную литературу старшему брату, и учебную для сестры Прасковьи, которую ласково называл Парашей, Пирушей или Пиринькой. Книги в Симбирск пересылал по почте или с оказией. Одной из удачных покупок для себя лично он считал томик избранных переводных произведений Байрона. Сообщая с восторгом об этом брату Александру в Симбирск, он советовал А. Д. Валуеву "прочитать его в подлиннике".¹³

Осенью 1822-го, когда Александр Михайлович приехал в Петербург, одиночество поэта, к его радости, закончилось. С открытием сезона братья довольно часто бывали в театре и любовались игрой Екатерины Семеновой в "Медее" и других ее коронных ролях. На память об этих незабываемых спектаклях Николай Михайлович повесил в своей комнате на почетном месте литографический портрет знаменитой актрисы. С наступлением заморозков появилась надежда, что Петр Михайлович, которого избрали в члены и "Московского общества испытателей природы", наконец-то, переберется для занятий наукой в Петербург, да еще привезет погостить на два-три месяца и матушку с сестрой. Однако эта поездка не состоялась.

Александр Михайлович, окончательно уверившись в том, что после разгрома столичного и Казанского университетов для брата нет иного выхода, как поступить в Дерптский, где ещё сохранились основы автономии, использовал все свое красноречие и убедил-таки Николая, не мешкая, отправиться в Дерпт, там завершать овладение немецким и латынью и стать студентом. Для того, чтобы обеспечить успех делу, он с помощью дерптских знакомых подыскивал такого немца, у которого бы брат квартировал и одновременно получал повседневную разговорную практику. Сообщая об этом плане старшему брату

¹³ Языковский архив, с. 411.

в Симбирск, он философски заметил, что Николай согласен, ибо для него “осталось честолюбие и сверх того постановление себя в такое состояние, в коем нельзя поступить иначе, как так, как должно ... Когда же кончится его образование в Дерпте, тогда мы вместе отправимся путешествовать по всей Европе...”¹⁴

Александр Федорович Воейков, узнав, что полюбившийся ему молодой поэт решился поступать в Дерптский университет, где он сам до 1820 года был профессором словесности, сделал все, чтобы помочь одаренному юноше: известил о нем своих дерптских знакомых, родню и ревнителей российской словесности, а главное, обеспечил проживание в немецкой семье, где русскую поэзию знали и любили.

В первых числах ноября 1822 года Николай Михайлович на почтовом дилижансе отправился в “ливонские Афины” — так нередко называли Дерпт — с твердым намерением “научиться учиться”.

¹⁴ Языковский архив, с. 446.

СТУДЕНТ ДЕРПТСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Рекомендация профессора А. Ф. Воейкова, с которой Николай Михайлович явился в Дерпте к секретарю окружного суда Карлу фон-дер-Боргу, оказалась чрезвычайно полезной: этот немец петербургского происхождения был страстным поклонником русской литературы и еще в бытность студентом Дерптского университета, под руководством Воейкова, подготовил и издал сборник переводов русских поэтов на немецком языке. В лице Борга Языков нашел не только любителя словесности, но и широко образованного интересного собеседника, а в его миловидной жене-немке, почти не говорившей по-русски, — столь нужную разговорную практику в овладении немецким и общении с местным обществом.

Месяца три симбирянин снимал комнатку недалеко от Боргов, тоже в центре города, но “на чердаке”, а с февраля 1823-го — в их доме, уплачивая за стол и уроки немецкого 1200 рублей в год.¹ Несмотря на то, что в Дерпте, выражаясь словами поэта, оказался “совершенно другой мир” — не только речь, но “даже наружность людей иная”, Николай Михайлович еще в письме от 13 декабря 1822 года к брату Александру заявлял, что начинает привыкать к немецкой среде и благодарен за совет перебраться из Петербурга в сравнительно свободную Ливонию, ибо

*Здесь человеку нет цепей,
Здесь ум божественный не скован,
И гений ласками страстей
И негой чувств не очарован.²*

Деловой настрой и искреннее стремление в сжатые сроки овладеть иностранными языками заметны в каждом письме абитуриента к родным в Петербург и Симбирск, и те старались способствовать ему во всем. Когда, скажем, Николай Михайлович убеждался, что у местных

¹ Языковский архив, с. 7, 16.

² Там же, с. 16.

книгопродавцов не оказывалось нужных учебных пособий, особенно необходимых для “языкоучения” словарей и разговорников по немецкому, латыни и французскому языкам, то брат Александр старался с первой же почтой прислать из Петербурга понадобившиеся книги. Николай Михайлович очень ценил участие среднего брата и без утайки делился с ним всеми сокровенными думами на ближайшее будущее: “Когда укрепляюсь в языках, то решительно оставляю Дерпт и поедем в чужеземие (Европу. — Ж. Т.). Здесь студенты живут очень весело, занимаются более танцами и фантами, и часто звон внутренней колокольни заглушает профессорские лекции; притом между ними царствует какое-то глупо-военное честолюбие, которое дает право на пьянство и буянство... Признаюсь, что я почти опасаюсь, чтоб из меня не сделалось то же, чему теперь я вовсе не хочу уподобляться...”

Души прекрасные порывы у него сохранялись даже во время рождественских и новогодних празднеств, когда, казалось, весь молодежный Дерпт пировал и веселился чуть ли не круглосуточно. Более того, поэт включил в свою программу вступления в университет географию, историю, философию, эстетику, политику и даже нелюбимую математику. Но главные усилия по-прежнему направлялись на овладение немецким, на котором читались почти все лекции в университете, а также латынью.

Разговорные уроки у Борга Николай Михайлович стремился дополнить общением на немецком с другими горожанами и занятиями письменными переводами. Примечательны такие факты. Когда брат прислал из Петербурга “Историю государства Российского” Н. М. Карамзина, поэт приобрел первые два тома на немецком и сверял тексты труда историка-земляка на двух языках, подобно тому, что делал Демосфен с творением Фукидида, — в надежде, что так быстрее “благословенный язык немецкий вкоренится” в его голову, как говорится в письме к Александру Михайловичу 17 января 1823 года. Затем Николай Михайлович взял карамзинскую “Историю” в переводе Гауэншильда и обнаружил, что тот обманул ожидания: “переводчик часто растягивает выражения автора и, так сказать, вялит его мысли”.

О подъеме, с которым шло овладение немецким, красноречиво говорит ответ поэта на вопрос среднего брата о

времени поступления в университет: “Когда утвержусь с немецким языком; а этого я не могу сказать наверно; вспомни слова Суворова: назад не отставай, а вперед не суйся. Мне главное немецкий, а прочее все легко приобрести с одним этим руководством”. И настойчивость дала-таки результат, 11 февраля Николай Михайлович “торжественно и радостно” сообщил родным, что наслаждается чтением трагедии “Дон Карлос” Шиллера на языке подлинника.³

Уверенность в своих силах крепла в ходе общения с профессором российской и немецкой словесности Василием Матвеевичем Перевошиковым, который, несмотря на свой возраст и положение, не скрывал высокого уважения к таланту поэта-симбирянина и оказывал ему всяческую поддержку, предоставляя, в частности, возможность знакомиться с выпускаемой столичной периодикой и вводя его в круг местной интеллигенции. Это у Перевошикова Языков впервые увидел номер журнала “Соревнователь” с сонетом Антона Дельвига “Н. М. Языкову”, в котором барон предрекал ему славное будущее:

Младой певец, дорогою прекрасной

Тебе идти к парнасским высотам.

Тебе венок (поверь моим словам)

*Плетет Амур с каменной сладкогласной.*⁴

Однако на предложение брата ответить Дельвигу сонетом должной пробы Николай Михайлович ответил сдержанно: “Настоящее положение моих душевных способностей, охладившихся от занятий более, так сказать, механических немецким и латинским языками, едва ли позволят мне стихотворствовать так, как я хочу и, может быть, могу. Впрочем, попробую...”⁵

Не произошло головокружения от успеха у него и после знакомства с приехавшим в Дерпт вместе с А. А. Воейковой к ее сестре Василием Андреевичем Жуковским, который, как это видно из письма к брату Александру от 5 марта, принял его “с отверстыми объятиями (в обоих смыслах), полюбил, как родного”, советовал пробыть в Дерпте как можно дольше и настойчиво изучать греческий язык. Маститый поэт по-отечески призывал “не

³ Языковский архив, с. 43, 53.

⁴ Поэты пушкинского круга. М., 1982, с. 466.

⁵ Языковский архив, с. 51.

верить похвалам, — продолжал Николай Михайлович, — доколе мое образование не докажет мне, что они справедливы... Жуковский советовал мне никогда не описывать того, чего не чувствую или не чувствовал: он почитает это главным недостатком новейших наших поэтов.”⁶

Время от времени знакомые с трудом вытаскивали Языкова в студенческую муссу (клуб), на маскарад или бал, но его не прельщало такое увесилительное времяпрепровождение, ибо, по его словам, “танцуя, вытряхиваешь ум из головы; этому примеров очень много”.⁷ И ни одна из красавиц, включая 23-летнюю жену Борга, не только не вскружила ему голову, но и не вдохновила на “стихотворство в любви”. Зато почти в каждом письме (а он родным писал дважды в неделю — с каждой почтой) поэт вспоминал Симбирск, живущих там родных и знакомых, обсуждал возможности своей поездки хотя бы в Петербург, чтобы повидаться там с Александром и Петром перед их отъездом на лето в отчий край. Но стойчески сдерживал свои порывы до того дня, когда сдаст вступительные экзамены и станет официально студентом. И оно-таки наступило, желанное 20 мая 1823 года, когда 20-летний волжанин “вступил в университет” и очередное послание к братьям подписал “студент Н. Языков”. А через два дня он обрисовал те горизонты, которые открывались после преодоления этого рубежа, своего рода Рубикона: “Наконец труды мои, в коих, как говорит Карамзин, скучает ум, вянет воображение, кончились. Теперь начинается для меня новое поприще, новый круг действий и вообще новое. По возвращении от вас и из Ревеля начну учиться фехтовать и верхом ездить, а танцевать едва ли буду: я здесь, пользуясь правом поэта, освобожден моими знакомыми от некоторых, как я где-то выразился, “законов моды беззаконной”; на меня смотрят совсем иными глазами, говорят об ином, требуют иного и вообще предоставляют мне вольности в обращении, словах и проч. и проч., какими мои товарищи — люди прозаические — не пользуются и даже не смеют пользоваться. Очень выгодно, хотя только в этом отношении, быть поэтом!”⁸

⁶ Языковский архив, с. 56.

⁷ Там же, с. 47.

⁸ Там же, с. 74.

Несмотря на “ливийские жары”, которые со второй половины мая установились в Дерпте, Николай Михайлович обещает родным твердо следовать плану на ближайшие недели: “Каждый день я буду брать урок частный, кроме университетских, за кои также платят, еще не знаю по сколько; буду учиться по гречески, по латыни, фехтовать, верхом ездить..., сверх того, хоть раз в неделю по французски, чтобы не забыть...”⁹

В этот личный план, однако, вошло несколько путешествий. Первое, вместе с профессором В. Перевошниковым и литератором Вл. Княжевичем, он совершил в конце мая, пройдя пешком 12 верст до живописной деревни, где отдыхала А. А. Воейкова, жена профессора и дальняя родственница Жуковского. Сообщая об этом 2 июня братьям, он восторженно отзывался о ней: “это такая женщина, какой я до Дерпта не видывал; прекрасно образована, а лицо — какого должно искать с фонарем между потомками ребра Адамова”.

По возвращении в Дерпт Николай Михайлович занимается с Боргом переводом 9-го тома карамзинской “Истории”, а в середине июня он в компании с Княжевичем и Перевошниковым отправляется в Ревель, чтобы насладиться там купанием в Балтийской купели. Побыв здесь считанные дни, поэт спешит в Петербург на свидание с братьями перед их отъездом в родной Симбирск.

Памятным днем стало 23 июля — начало учебного года в Дерптском университете. Извещая об этом родных, Николай Михайлович делится первыми впечатлениями: “Восхищен до крайности Еверсом”, который читает русскую и римскую истории. Кроме того, он записался на лекции по политической экономии и физике, а также возобновил занятия по греческому и латинскому языкам. Как и раньше, волжанин снимает весьма скромное жилье: на этот раз в доме Даненберга, который на своем фурмане регулярно колесил между Дерптом и Петербургом, перевозя почту и грузы.

В конце июля Николай Михайлович “имел честь и обязанность присутствовать” на традиционном “фукс-комерсе” студентов, устроенном вскладчину в пригородном кабачке. “Чтобы иметь какое-нибудь понятие об этом здесь

⁹ Языковский архив, с. 75.

весьма обыкновенном явлении, — писал он братьям в Симбирск 1 августа, — представьте себе человек более 90 пьяных, вместе шумящих”. Но если участие в этой пирушке было скорее по обязанности, чем по желанию, то визиты к Воейковым Языков совершал почти ежедневно, наслаждаясь общением с представительницей прекрасного пола и с мастером поэзии Жуковским.

Речь о книгах идет в каждом письме: то Николай Михайлович высылает в Петербург сочинения Еверса и В. Скотта, то, наоборот, получает понадобившуюся литературу от брата Александра. И какой радостью был день 4 августа, когда прибывший к нему на жительство симбирянин — “кухарь” доставил целый ящик с книгами.

О серьезном отношении Николая Михайловича к занятиям видно из распорядка дня, о котором он сообщал братьям в письме от 12 августа 1823 года: лекции в университете с 8 до 12, а потом с 16 до 17 часов. В промежутке между ними (с 13 до 16) — обед у Воейковых и беседы с его участниками. Если обедал в другом месте, то после обеда позволял себе несколько спать, чтобы “ранее вставать и позже ложиться”. Условия жизни поэта изменились к лучшему в конце августа, когда его хозяева сняли новую квартиру недалеко от университета и ему досталась “комната светлая, опрятная и не на чердаке”, причем оба окна выходили на центральную площадь.¹⁰

В уютной светелке он почувствовал себя “совершенно в своей тарелке” и в мажорном тоне стал описывать студенческое жите-бытие. Отвечая на вопрос старшего брата Петра, как читают лекции профессора, в частности, европейски знаменитый Г. Парот, Николай Михайлович с воодушевлением живописал: “Это человек необыкновенной учености, сильно любящий свою науку; говорит весьма точно и весьма пространно, потому что так знает; часто возвышается даже до поэзии, и тогда его выражения поражают сильною живостью и производят в слушателе самое чувство профессора; при каждой оказии делает опыты... Мне весьма понравились его уроки; я Петру обещаюсь прислать сюрпризом его “Разговоры о физике”; в следующем семестре он, кажется, будет читать физику Земли: говорят, что это чрезвычайно любопытно.

¹⁰ Языковский архив, с. 87.

Всех более из профессоров, — продолжает поэт, — меня восхищает Еверс; его лекции составляют самую приятную, можно сказать, амброзическую пищу моего ума: читает просто, ясно и необыкновенно выразительно; его искусство выражать характеры людей очень сильно... Теперь я вижу, что эпоха самозванцев может служить богатым предметом для истории, и жду с нетерпением Карамзина... Перевощиков читает историю русской словесности (а не эстетики, как слух носился прежде), и очень хорошо... Он меня избавил добровольно от двух лекций в неделю, когда он занимается со студентами переводами на русский с немецкого... для того, чтобы я лучше занимался в это время стихотворениями.”¹¹

Удовлетворяя любопытство братьев об отношениях с А. А. Воейковой и М. Н. Дириной, тоже горячей поклонницей его поэзии, Николай Михайлович подтвердил, что у него “с Воейковой теперь весьма сильная дружба” и он вписывает в ее альбом свои стихи, как, впрочем, и Дириной. Но, следуя примеру Александра, с юности чуравшегося девушек, Николай Михайлович старался не завести свое сердце “в темный лабиринт”, чтобы не совратить ум “с учебной дороги”.

С этой же благой целью он отказался от гимнастического образования и верховой езды и сдерживал служение своей поэтической музе. Ради достижения в “эллинизме” просит братьев в этом полугодии не ждать от него стихов, ибо тогда “пропадет усердие к сухим занятиям”. Что касается “десятки студенческих песен”, написанных экспромтом, то соглашается их прислать, ежели в Симбирске хотят видеть его музу “и в бархатной шапке, с дубовой ветвью”.

Да, в это напряженное время Николай Михайлович все же написал по просьбе однокурсников цикл студенческих песен, но, высылая их братьям, предупредил: “прошу помнить при чтении, что большая часть этих песен написана скоропостижно и не для Парнаса, и что предмет оных мне вовсе не нравится и не занимает меня так сильно, чтобы дело доходило до вдохновения..”. И в следующем письме (от 16 октября 1823 г. к брату Александру) вновь просит “не судить строго эти песни” за встре-

¹¹ Языковский архив, с. 89.

чающуюся непристойность: “это дань моя духу времени и настоящим обстоятельствам бытия моего... Я сам недоволен этими песнями, писал только для моциона пера...” Или, как теперь сказали бы, — “для разрядки”. Действительно песни эти не лишены молодежного озорства, бравады, показной удалы. И несмотря на то, что при жизни поэта они не были напечатаны, получили широкое распространение среди студенческой молодежи не только Дерпта, но и других городов. Ну какой студент, на досуге, сидя за длинным столом, за “чашей круговой”, не подтянет мощному хору друзей:

*Душа героев и певцов,
Вино любезно и студенту:
Оно его между цветов
Ведет к ученому патенту.*

*Проснувшись вместе с петухом,
Он в тишине читает Канта;
Но день прошел — и вечером
Он за вино от фолианта.*

*И каждый день его, как сон,
Пленя чувства, пролетает:
За книгой не скушает он,
А за бокалом кто ж скушает?*

*Свободой жизнь его красна,
Ее питомец просвещенный —
Он капли милого вина
Не даст за скипетры вселенной!*

Или:

.....
.....
*Здесь нет ни скиптра, ни оков,
Мы все равны, мы все свободны,
Наш ум — не раб чужих умов,
И чувства наши благородны.
Здесь нет ни скиптра, ни оков,
Мы все равны, мы все свободны.*

*Приди сюда хоть русский царь,
Мы от бокалов не привстанем.*

*Хоть громом бог в наш стол ударь,
Мы пировать не перестанем.
Приди сюда хоть русский царь,
Мы от бокалов не привстанем*¹²

.....

.....

Николай Михайлович очень дорожил мнением Александра о своем литературном творчестве и его советами по самообразованию. Характерно в этом отношении признание, которое сделал поэт в письме к нему от 15 сентября 1823 года: “Не дай Бог злому татарину попасться под перо твое, почтеннейший Александр: ты отделал Перевощикова — хоть брось, а мне самому несколько досталось за вопрос мой, сочинять ли или нет его предложение. Впредь не буду так неосторожен. Справедливо еще давние критики Лукин и Зубов заметили, что в нашей квартире нельзя слова сказать, чтоб его не осмеяли или не перевернули в смех”.

Впрочем, младший не стеснялся делать замечания страшим братьям. Когда в одном из писем матушка пожаловалась ему на безучастность Петра и Александра в “образовании сестер”, то Николай Михайлович призвал своих “почтеннейших” безотлагательно доставить сестрам, особенно... Параше, “хоть то, что еще можно успеть”, а иначе она останется необразованной.

Проходит неделя за неделей, и поэт, мобилизуя всю свою волю, продолжает заниматься греческим, с надеждой, что вскоре сможет “читать в подлиннике греческую литературу”, штудирует латинский лексикон и практикуется в немецком, заглядывает в теорию французского языка. Вот как выглядит картина его “язычных занятий” в письме от 26 сентября к обоим братьям: “Ежедневно имею два урока частных по сей части, т. е. либо греческий и латинский, либо греческий и немецкий, так что у меня остается не более двух часов в день на занятия сладчайшие, несмотря на то, что ложусь довольно поздно и встаю рано. Все время проходит в учении слов, грамматик и приготовлении переводов. Стихов писать вовсе некогда... Кстати: Воейков перепечатал в своих листках мою “Пес-

¹² Языков Н. М. Стихотворения и поэмы. Л., 1988, с. 80—82.

ню Регнера”, с припискою к его супруге... Вы уже, верно, видели тиснутое в “Благонамеренном” мое “Путешествие из Дерпта в Ревель”.¹³

Признаться, читая эти письма-исповеди любознательного поэта-труженика, как-то неловко становится за таких биографов, как скажем, В.П. Смирнов, который в своей книге “Жизнь и поэзия Н.М. Языкова” (Пермь, 1900, с. 35) утверждал, что “серьезная обстановка в научном отношении Дерптского университета, видимо, была не по плечу для Языкова...”

¹³ Языковский архив, с. 96.

По случаю рождественских и новогодних праздников занятий в университете с 18 декабря 1823-го и по 15 января 1824 года не было, и Николай Михайлович посвятил появившееся свободное время своей музе, а также поискам okazji для пересылки в Симбирск книг и своих стихов, которые знакомые “не советовали посылать через почту”.

Извещая братьев в письме от 18 декабря о новостях, поэт сделал приписку для Петра: “Напиши мне о твоих планах и надеждах по части жизни: я до сих пор еще ничего не знаю, как ты будешь, что будешь и где постоянно будешь”.¹ Эти вопросы возникли после получения письма Александра, в котором говорилось о намерениях Старика в отношении Елизаветы, дочери суворовского ветерана генерал-майора Петра Никифоровича Ивашева.

Николай Михайлович с глубочайшим уважением относился к семье Ивашевых, знал, и не понаслышке, весьма симпатичную, хорошо образованную, с высоко развитым чувством собственного достоинства Елизавету и, выражая в письме к Александру от 24 февраля одобрение намерению старшего брата, полушутливо заметил, что “такой выбор делает великую честь его эстетической способности, и вообще его Я”.² То, что Петр первым из них готов связать себя узами Гименея, было естественным. Поэт опасался лишь, что после того, как Старик обзаведется семьей и пойдут дети, он вряд ли оставит большое хозяйство и, махнув рукой на свои перспективы блестящей научной карьеры, превратится в обычного помещика.

Между тем письма из Симбирска подтверждали, что “дело Петра по части Амура или даже Гименея” пошло “в завязку”, и Николай Михайлович готовит подарок будущей невестке: отсылает Антону Дельвигу для публикации отрывков из будущей стихотворной повести о ливон-

¹ Языковский архив, с. 109.

² Там же, с. 115.

ских рыцарях с посвящением “Е. П. И.”, то есть Елизавете Петровне Ивашевой. В письме же к братьям от 6 апреля он торжественно пообещал: “Надеюсь впредь принести значительнейшую жертву существу, столь достойному поклонов Аполлоновых”³. Через неделю добавил, что “в Симбирске, т. е. в деревне”, намерен хорошенько поработать над ливонской повестью и, радуясь тому, что весной Петр собирается побывать в Петербурге, мечтает, что они вдвоем вернутся на родину и какое это будет счастье быть всем вместе⁴.

В ходе переписки родные выражали надежду, что Николай вернется из Дерпта пораньше, но тот настойчиво просил Петра приноровить свой приезд так, чтобы в начале июня еще находиться в столице. “Меня едва ли (по всем справкам), — пояснял он, — может отпустить ректор прежде законного срока. Приеду к вам в июне и возвращусь осенью, когда угодно Вам — и с тобою, Александр, как было предполагалось. А не приехать было бы мне и стыдно, и непозволительно, и бесчестно!” Свою радость по поводу того, что дело Петра “по части Гименей” движется к благополучному завершению, поэт поллушутливо выразил в расхожем речении: “жизнь без любви есть тело без души, — говорят критики, а с нею нечто райское и торжественное, особливо, когда она истинная, чистая”⁵.

Сам же Николай, порядком соскучившийся по матушке, братьям и сестрам, вообще по родимой “волжской стране”, где он надеялся обрести “более предметов и причин для вдохновения”, деятельно готовился к отъезду и стихотворчеству. “Воейкова прислала мне, — писал он 24 мая домой, — прекрасную белую книгу для стихов моих, ее возьму с собой и буду пополнять в Симбирске, где надеюсь ревностнее заняться моею Музою. Теперь собираю для нее фришток (новые заметки. — Ж. Т.); правда, что мне очень скучно читать лифляндские летописи: язык старинный, с трудом понятный, но делать нечего, если взялся за гуж — не говори, что не дюж. Делаю выписки, предполагая, что у вас есть Карамзин (имеется в виду его

³ Языковский архив, с. 123.

⁴ Там же, с. 129.

⁵ Там же, с. 130.

“История”. — Ж. Т.)”.⁶ В дорожный саквояж были уложены и некоторые книги, приобретенные в Дерпте по просьбам среднего брата (“Народы и кабинеты” Биньона и др.). Большую часть заказанного в Риге и за границей книгопродавцы обязались выслать прямо в Симбирск.

В первых числах июня Николай Михайлович наконец-то вырвался из Дерпта, а 6-го числа, уже в Петербурге, обнимал Петра, завершавшего здесь свои научные дела и покупки к предстоящему торжеству в Симбирске. В городе на Неве Языковы задержались до 20 июня, и Николай Михайлович в эти дни познакомился со Львом Пушкиным, младшим братом поэта, и Евгением Баратынским. Встречи с ними состоялись при содействии старых знакомых — В. Погожева и А. Очкина, которые всегда были в курсе важнейших событий литературной жизни столицы. Несмотря на мучительную жару, Николай Михайлович посетил А. А. Воейкову в Царском Селе, а в книжных лавках приобрел для сестры Парашы нужные для учения книги.

Сообщая Александру, что они с Петром, невзирая на предстоящую тряску, поедут на перекладных, поэт заметил: “Все лучше, чем ехать с Валуевым в дормезе, где поедет духота несносная, поедут няньки и мамки, и в ночь не поедут”.⁷ Как именно они добирались от Северной Пальмиры — неизвестно, но все обошлось благополучно, и в начале июля путники оказались в родном Языкове, в обществе матушки и всех домашних.

Около полутора месяцев дерпский студент наслаждался прелестями деревенской жизни и общением с любимыми родными. До конца августа, пока все они находились в Языкове, поэт не имел возможности для уединения и муза его тоже отдыхала. И только в конце августа, когда приготовления к свадьбе потребовали присутствия Петра и других взрослых членов семьи в Симбирске, где надо было приготовить дом к приезду многочисленных гостей и покои для новобрачных, Николай Михайлович выкроил время для работы над задуманной ливонской повестью и стихотворными импровизациями.

⁶ Языковский архив, с. 136.

⁷ Там же, с. 138.

Между тем стало известно, что проездом из Петербурга в Оренбург Александр I осчастливит Симбирск своим посещением. Многие дворяне, оповещенные об этом визите полицией, устремились с семействами из своих поместий в губернский город, желая принять участие в чествовании монарха на балу, устроенном в его честь, и присутствовать на закладке величественного кафедрального собора по проекту известного зодчего М. П. Коринфского. Не все, конечно, смогли прибыть к 5 сентября в Симбирск, например, по болезни остался в своем имении Знаменском (Карамзино тож) старший брат историографа Василий Михайлович Карамзин.⁸ Думается, что и Николай Языков тоже не был 5—7 сентября в губернском центре, иначе такое чрезвычайное событие, как пребывание здесь императора, нашло бы отражение в его переписке.

Немало помещиков, прибывших в Симбирск к этим знаменательным дням, осталось в городе до вторника 16 сентября, когда состоялось торжественное бракосочетание 26-летнего гиттенфервальтера Петра Языкова с 19-летней Елизаветой Ивашевой. Можно смело сказать, что после венчания в Никольской церкви на званый обед в расположенный поблизости языковский особняк на Спасской пожаловали как высшие светские и духовные лица, так и представители наиболее видных дворянских кланов — Языковы, Ивашевы, Ермоловы, Родионовы, Хованские, Тургеневы, Толстые, Аржевитиновы, Тютчевы, Наумовы, Бестужевы, Валуевы, Столыпины, Филатовы, Крыловы, Карповы...

Из “Месяцеслова на лето от рождества Христова 1824”, принадлежащего Д. Н. Родионовой (двоюродной сестре П. Н. Ивашева), видно, что на следующий день после свадьбы званый обед давали Ивашевы в своем доме на Венце, а 17 сентября гостей принимали Родионовы.⁹ Это — в городе, а потом веселье продолжалось в великолепном ундоровском имении Ивашевых и родовом языковском — в Языкове.

Николай Михайлович был знаком с невестой старшего брата. Теперь же более близкое общение укрепило ува-

⁸ Атней, 1858, №27, с. 115.

⁹ Блохинцев А. Н. По страницам месяцеслова. Краеведческие заметки. Вып. VIII. Ульяновск, 1989, с. 52.

жение к ней. В свою очередь, Елизавета Петровна оценила его начитанность и поэтический талант и просила присылать ей новинки беллетристики, а также записывать стихи в альбом, который передала ему. Добрые чувства укрепились у поэта к отцу невестки — доблестному суворовскому сподвижнику и герою 1812 года генералу Петру Никифоровичу, к его жене, Вере Александровне (дочери первого симбирского губернатора А. В. Толстого), и их сыну 27 летнему Василию Ивашеву (будущему декабристу), который хотя и значился адъютантом командующего 2-й Южной армией, но находился в отпуске “по домашним обстоятельствам” с осени 1823 года. Начитанный, скромный по характеру и честный, он, по словам Николая Михайловича, был “добрым малым, в полном смысле слова”.¹⁰

Но ни с Ивашевыми, ни с кем-либо из других уважаемых симбирян поэт на сей раз не сблизился настолько, чтобы завести переписку. В октябре из Симбирска отправлялся на свое место военной службы Василий Ивашев, и Николай Михайлович с удовольствием составил бы ему компанию до Москвы, но задержался, ибо появилась надежда совершить путешествие вместе с братом Александром, которому предстояло ехать в Петербург.

А в ноябре в Симбирск дошла весть о страшном наводнении, случившемся в Северной Пальмире, и братья вынуждены были отправиться туда позже, уже перед рождественскими праздниками. Дерптский студент запасся справкой доктора о своем нездоровье для представления в ректорат университета в оправдание полугодового опоздания на занятия.

С двойственными чувствами покидал поэт родную сторону. От всего сердца он благодарен матушке, братьям и сестрам, близким знакомым за то, что они сделали, чтобы он вволю наслаждался благами обустроенного домашнего быта, всеми прелестями деревенской жизни. Лстыло, конечно, ему, еще не достигшему совершеннолетия, что окружающие в городе оказывали особое внимание, считали за честь беседовать с ним о новинках поэзии и театра. Но радушие и гостеприимство родных и знакомых имели и оборотную сторону: визиты и приемы занимали

¹⁰ Языковский архив, с. 283.

много времени, и муза поэта, вопреки его ожиданиям, не испытала вдохновения: “белая книга для стихов”, подаренная Воейковой, сохранила девственную чистоту, и выписки из лифляндских летописей негодились, и для “Истории” Карамзина не нашлось должного времени... Да и общественная атмосфера в Симбирске оставалась менее интересной, нежели в университетском Дерпте.

В письме от 9 января 1825 года из Петербурга к родным Николай Михайлович с юмором успокоил их относительно последствий наводнения: “Оставляя Симбирск, где ничего не знают, и проезжая Москву, где все знают — но навыворот, с прибавлениями, — мы думали, что найдем здесь одни развалины, одни выжимки Северной Пальмиры”, но город стоит на месте... “Из Москвы, — продолжал он, — отправлены вам “Талия”, “Старина” и проч.; отсюда едет сегодня табак для Петра Михайловича, “Северные цветы” и др. Часы Елизаветы Петровны отданы в починку”.¹¹

Через две недели в послании к Александру из Дерпта в столицу поэт сообщил, что заказал “себе мундир, без которого нельзя ходить на лекции в университет”, тогда как прежде обходился форменным сюртуком. Поделился с братом и более приятной новостью: послал А. А. Бестужеву, издававшему вместе с К. Ф. Рылеевым “Полярную Звезду”, отрывок “из повести “Разбойники”, написанной в Симбирске”.¹² 25 января он выслал и сестре Пируше стихи (“Родина”), навеянные пребыванием в симбирском крае:

*Краса полуночной природы,
Любовь очей, моя страна!
Твоя живая тишина,
Твои лихие непогоды,
Твои леса, твои луга,
И Волги пышные брега,
И Волги радостные воды —
Все мило мне, как жар стихов,
Как жажда пламенная славы,
Как шум прибрежной дубравы
И разыгравшихся валов.*

¹¹ Языковский архив, с. 141.

¹² Языков Н.М. ПСС. М.—Л., 1934, с.190.

*Всегда люблю я, вечно живы
На крепкой памяти моей
Предметы юношеских дней
И сердца первые порывы;
Когда волшебница-мечта
Красноречивые места
Мне оживляет и рисует,
Она свежа, она чиста,
Она блестит, она ликует.*

*Но там, где русская природа,
Как наших дедов времена,
И величава, и грозна,
И благодатна, как свобода, —
Там вяло дни мои лились,
Там не внимают вдохновенью,
И люди мирно обрелись
Непринужденному забвенью¹³.*

В послании к брату Александру в столицу поэт с гордостью сообщил и о такой новости: “Мне присылают “Сын Отечества” — итак, я все лучшие русские журналы получаю даром”.¹⁴ На деле же это было проявлением признания его таланта издателями, рассчитывавшими на ответную любезность — предоставление им новых стихов для публикации.

Приятный сюрприз преподнес ему “студент военных наук” Алексей Вульф, вернувшийся в Дерпт из поездки к своей матери в Тригорское Псковской губернии. Оказывается, еще во время летних каникул прошлого года он расхвалил своего товарища по университету Николая Языкова родным и навещавшему их соседу по имению Александру Пушкину, сосланному туда по повелению самого царя. Впрочем, Пушкин сам уже читал стихи Языкова и разделял большие надежды, которые возлагали на талант поэта-волжанина А. Дельвиг, П. Плетнев, и 20 сентября 1824 года он направил Алексею Вульф в Дерпт дружеское приглашение:

*“Здравствуй, Вульф, приятель мой!
Приезжай сюда зимой,*

¹³ Языковский архив, с.150.

¹⁴ Там же.

*Да Языкова поэта
Затащи ко мне с собой
Погулять верхом порой,
Пострелять из пистолета.
Лайон, мой курчавый брат
(Не михайловский приказчик),
Привезет нам, право, клад...
Что? — бутылоч полный ящик.
Запируем уж, молчи!"¹⁵*

В приписке Александр Сергеевич доверительно добавил Алексею: "Уговори Языкова да отдай ему мое письмо; так как я под строгим присмотром, то если вам обоим заблагорассудится мне отвечать, пришли письмо под двойным конвертом на имя сестры твоей Анны Николаевны".

Анна Николаевна Вульф приложила к письму поэта свою записку: "Александр Сергеевич вручил мне это письмо к тебе, мой милый друг, он давно собирался писать к тебе и к Языкову... Отдай тут вложенное письмо к Языкову и, ежели можешь, употреби все старание уговорить его, чтоб он зимой сюда приехал с тобой. Пушкин этого очень желает... Отвечай скорее на это письмо и пришли ответ от Языкова скорее".¹⁶

Глава семейства П. А. Осипова поддержала приглашение: "Очень хорошо бы было, когда б вы исполнили предложение приехать сюда... Хотя я не имею чести знать Языкова, но от моего имени пригласи его, чтобы он оживил Тригорское своим присутствием".¹⁷

Дружеское послание самого Пушкина "К Языкову", помеченное тем же 20 сентября, провозглашало верность "издревле сладостному союзу" поэтов, "жрецов единых муз":

*Друг другу чужды по судьбе,
Они родня по вдохновенью.
Клянусь Овидиевой тенью:
Языков, близок я тебе.
Давно б на Дерптскую дорогу
Я вышел утренней порой*

¹⁵ Пушкин А. С. ПСС в 10 т, Т. 10. Л., 1979, с. 79.

¹⁶ Русский архив, 1867. №5—6, с. 154—155.

¹⁷ Там же.

*И к благосклонному порогу
Понес тяжелый посох мой,
И возвратился б, оживленный
Картиной беззаботных дней,
Беседой вольно-вдохновенной
И звучной лирою твоей.*

Доверяя Языкову сокровенное, Пушкин поведал о тягостных обстоятельствах своей жизни:

*Но злобно мной играет счастье:
Давно без крова я ношусь,
Куда подует самовластье;
Уснув, не знаю, где проснусь.
Всегда гоним, теперь в изгнание
Влачу закованные дни...*

Александр Сергеевич надеется, что собрат-поэт навестит его в деревенской глуши, и, давая понять, что серьезной опасности появиться у поднадзорного нет, он общается Языкову, что с ними будет и друг Антон Дельвиг:

*Наш Дельвиг все для нас оставит,
И наша троица прославит
Изгнанья темный уголок.
Надзор обманем караульный,
Восхвалим вольности дары
И нашей юности разгульной
Пробудим шумные пиры...¹⁸*

Читая эти любезные приглашения Александра Сергеевича и родных Вульфа, Языков, конечно же, был польщен таким вниманием к своей особе, но поездка на Псковщину могла состояться только после окончания семестра, летом 1825 года. При этом следует иметь в виду и особенности характера волжанина, о которых историк М. И. Семевский писал в 1866 году в очерке "Поездка в Тригорское": "Языков, по словам его друга Вульфа, был не из тех, которые податливы на знакомства; его всегда надобно было неволей привести и познакомить даже с такими людьми, с которыми внутренне он давно желал познакомиться, — до того застенчив и скромн был этот человек, являвшийся в стихах господином иного характера".¹⁹

¹⁸ Пушкин А.С., Т. 2, с. 172—173.

¹⁹ С.-Петербургские новости, 1866, № 157.

Не исключено, что до Дерпта дошли те слухи, которые И. И. Пущин воспроизвел в своих “Записках о Пушкине”. Перед отъездом из Москвы в январе 1825 года в гости к своей сестре на Псковщину Пущин встретился с симбирянином А. И. Тургеневым, и когда тот узнал о его намерении заехать к Пушкину, воскликнул: “Как! Вы хотите к нему ехать? Разве не знаете, что он под двойным надзором — полицейским и духовным?”²⁰

Как бы то ни было, а Языков с момента получения столь лестного послания первого поэта России ни на день не забывает о нем. Поделиться сокровенными мыслями в письмах, нередко просматриваемых жандармами, он не хотел, и поэтому в послании к брату Петру в Симбирск от 20 февраля о важной новости говорится весьма завуалированно: “Пушкин живет теперь верст за 200 отсюда, за Псковом; он меня зовет к себе — не знаю, что отвечать на это:

Ведь с ними вязаться

Лишь грех, суета.

Впрочем, Впрочем теперь я никак не могу ехать к нему...”

Пока же студенту университета, пропустившему семестр, надлежало наверстать упущенное в занятиях, иначе пропадет учебный год.

²⁰ Пущин И.И. Записки о Пушкине. Письма. М., 1988, с. 64.

Наконец, в долгожданном Тригорском

Не так-то просто было наверстывать упущенное за полгода в университетской учебе: штудировать чужие конспекты лекций, читавшихся профессорами, как правило, на немецком языке, доставать первоисточники, издававшиеся в Западной Европе... Но Николай Языков в феврале 1825 года был настроен в целом оптимистично. Более того, опасаясь, как бы Петр после женитьбы не забросил службу и свои научные занятия по геологии и другим естественным наукам, он берет на себя смелость наставлять старшего брата и пишет ему в Симбирск: “Надеюсь, что твое отставное состояние не погасит в тебе ни любви к наукам, ни желания быть полезным, потому что и то и другое не должно зависеть от чего-нибудь внешнего...”

Сбери свои все силы ныне,

Мужайся, но не стой —

так писал ко мне Дюк (брат Александр. — Ж. Т.) после первого моего приезда в Дерпт. Прощай, любезнейший, будь всегда собою, будь тверд, как камень, и не давай другим высекать из него искры; высекай их сам: твердость и самостоятельность да будут твоими девизами в важнейших делах твоих, а что может быть важнее наук для человека?”¹

В письмах к Дюку, служившему в Петербурге, поэт благодарит его за присланные “Невский альманах” и “Онегина”, выражает радость, что Грибоедов переводит “Фауста”, и просит передать ему и Одоевскому “почтение”, а А. А. Бестужеву напомнить, чтобы он поставил под стихами, присланными еще из Симбирска: “Симбирск”.² В своих суждениях о литературных новинках Николай Михайлович лаконичен, выражается без околичностей и порой резко. Так, узнав, что Погожев осмеливается говорить, что в комедии “Горе от ума” Грибоедова “нет логи-

¹ Языковский архив, с. 156.

² Там же, с. 157.

ки, знания света и много ошибок против гения языка русского”, он называет его “пигмеем в поле ума и образованности”. Вместе с тем Николай Михайлович просит поблагодарить от его имени К. Ф. Рылеева за поэмы “Думы” и “Войнаровский”, в которых “есть места восхитительные”. Пришлись ему по душе и повести А. А. Бестужева в “Полярной звезде”.

Само собой разумеется, что с того январского дня, когда Алексей Вульф передал письмо Пушкина из Тригорского, Языков принялся за ответное послание Александру Сергеевичу, и в начале марта оно уже приняло такой вид:

“А. С. Пушкину

Не вовсе чуя бога света
В моей неполной голове,
Не веря ветреной молве,
Я благосклонного привета —
Клянусь парнасским божеством,
Клянуся юности дарами:
Наукой, честью и вином
И вдохновенными стихами —
В тиши безвестности не ждал
От сына музыки своенравной,
Равно — торжественной и славной
И высшей рока и похвал.
Певец единственной забавы,
Певец вакхических картин,
И <дерпт>ских дев, и <дерпт>ских вин,
И прозелит журнальной славы,
<Как тóроватому царю
За чин почетный благодарен
Его не стоящий боярин>,
Так я тебя благодарю.
Бог весть, что́ в мире ожидает
Мои стихи, что́ буду я
На темном поле бытия,
Куда неопытность моя
Меня зачем-то порывает;
Но будь что будет — не боюсь;
В бытописаньи русских муз
Меня твое благоволенье
Предаст в другое поколение,

*И сталь плешивого косца,
Всему ужасная, не скосит
Тобой хранимого певца.
Так камень с низменных полей
Носитель Зевсовых огней,
Играя, на гору заносит”.*³

Алексей Вульф переписал эти чеканные строки и вместе с новейшей языковской “Элегией” отправил родным в Тригорское для передачи Пушкину, а тот не замедлил с выражением благодарности: “Обнимаю Вас братски. Также и Языкова — послание его и чувствительная Элегия — прелесть — в послании, после **тобой хранимого певца**, стих пропущен. А стих Языкова мне дорог. Перешлите мне его”.⁴

Александр Сергеевич ни словом не обмолвился в письме о своем прошлогоднем приглашении Языкову. Ничего не говорится об этом и в записке Николая Михайловича А. Вульфу, в которой он просил: “Кланяйся от меня в пояс Пушкину. Благодарю бога и всех святых, что наш первосвященитель опять засвященнодействует!..”

Переписка, как видим, велась только через Вульфа, а его письма из Дерпта к Пушкину не сохранились. Поэтому останется только предполагать, почему же оба поэта избегали говорить о встрече на псковской земле. Думается, что решающее значение имело то, что Пушкин еще не оставил замысел при содействии Вульфа (через Дерпт!) бежать за границу, и приглашать к себе в гости просто не мог. А так как у Вульфа не было тайн от Языкова, то и тот был в курсе намеченного опасного предприятия.

Как бы то ни было, а летние каникулы волжанин решил провести в Питере с братом Александром. Сообщая ему об этом 24 мая, он добавил: “Я все еще не поправился в здоровье — завтра окончательно принимаю рвотное; впрочем, я сам виноват, что мое лечение так продолжительно: надобно было начать его гораздо ранее... Да, чуть было не забыл: сделай милость, напиши мне к 7 июня (разочти) какую-нибудь причину, по которой мне необ-

³ Языков Н.М. Стихотворения и поэмы. Л., 1988, с. 132.

⁴ Пушкин А.С. ПСС, т. 10, с. 109

ходимо должно быть в Петербурге в начале каникул, это мне очень нужно, это моя политика, как узнаешь после”.

Из последующих же писем видно, что Николаю Языкову — одному из авторитетнейших студентов — поручили представлять в начале июня свою корпорацию прибывшему в Дерпт министру народного просвещения, и от этого могла произойти задержка с намеченной поездкой. Но числа десятого Николай Михайлович все же выехал в столицу, где провел почти все каникулы. Причем не очень удачно. ”Неблагорастворенность погоды, — пояснял он родным в письме от 17 июля в Симбирск, — совершенное отсутствие лета (дожди долгодневные, грады, ветры, холода — предвестники зимы и другие неприятности севера), утомление сил душевных и телесных многотрудными занятиями в Дерпте и т. п.”.⁵

Алексей Вульф все-таки побывал летом у родных и по возвращении в Дерпт поделился новостями с Николаем Михайловичем, который, в свою очередь, сообщил письмом 19 августа брату Александру: ”Сюда приехал из Пскова студент здешнего университета, приятель Пушкина; говорит, что Пушкин уже написал два действия своей трагедии ”Годунов”, что она будет прекраснее всего, им доселе написанного, что ”Цыгане” скоро напечатываются, что Пушкин не хотел лечиться у Мойера (дерптского врача, который по просьбе Жуковского намеревался лечить Пушкина в месте его ссылки. — Ж. Т.) потому, что надеялся получить позволение ехать для лечения за границу, что он пишет новую поэму ”Эвнух” и проч. и проч.”⁶

Кто-кто, а Николай Михайлович знал, что лечение Пушкина за границей могло затянуться и на годы. У самого же осенью 1825 года появились первые наметки о проведении летних каникул будущего года. ”Я здесь в великой славе и благоволении, — писал он 12 сентября брату Александру в Симбирск. — Вот пример: генерал Кноринг, муж века отцов наших, в деревне которого (Камби) жила летом Воейкова, предлагает мне на будущее лето переселиться к нему для уединенного беседования с Музою...”⁷

⁵ Языковский архив, с. 194

⁶ Там же.

⁷ Там же, с. 213

Рождественские же каникулы, по приглашению брата Александра, вернувшегося в Петербург, он провел с ним. В столице он многое узнал о недавнем восстании 14 декабря 1825 года. В ходе начавшихся репрессий были схвачены близкие ему по духу А. А. Бестужев и К. Ф. Рылеев, которые охотно печатали его стихи в “Полярной звезде”. Глубоко переживал он за участь земляков-симбирян Н. И. и А. И. Тургеневых, литератора В. К. Кюхельбекера.

Казенной почте Николай Михайлович не доверял и в письмах к родным в Симбирск оттенял лишь тягостные последствия разгрома восстания декабристов для литературы. “Теперь поле альманахов легче возделывать: бывало, “Полярная звезда” брала много хорошего у наших поэтов и непоэтов — теперь ее нет и не будет долго, долго...”, — с горечью писал он брату Александру 26 апреля 1826 года в Симбирск.⁸ В письмах же к матери Николай Михайлович не касается таких острых тем и ограничивается рассказами об усиленных занятиях в университете и намерении лето провести в деревне Камби, что в 15 верстах от Дерпта.⁹ Однако 5 мая он сообщает брату в Симбирск сенсационно новое: “...в начале летних каникул я поеду на несколько дней к Пушкину; кроме удовлетворения любопытства познакомиться с человеком необыкновенным, это путешествие имеет и цель поэтическую: увижу Изборск, Псков, Печоры, места, священные музе русской, а ты знаешь, как на меня они действуют!”¹⁰

Об этом намерении Языкова Алексей Вульф известил Пушкина, а тот в письме от 7 мая выразил надежду, что в начале июня сможет обнять его. “Не правда ли, — продолжал Александр Сергеевич, — что вы привезете к нам и вдохновенного (Языкова. — Ж. Т.)? Скажите ему, что этого я требую от него именем славы и чести России. Покамест скажите мне, не чрез Дерпт ли проедет Жуковский в Карлсбад? Языков должен это знать... привезите же Языкова и с его стихами”.¹¹

Николай Михайлович со всей душой откликнулся на столь горячий зов, и хотя для поездки нужны были день-

⁸ Языковский архив, с. 248

⁹ Там же, с. 247

¹⁰ Там же, с. 284—285

¹¹ Пушкин А.С. ПСС, т. 10, с. 160

ги, а их-то не прислали из Симбирска к началу каникул, он все-таки отправился к Пушкину. Извещая об этом своих братьев 23 июня уже из Тригорского, студент-поэт с удовлетворением заметил: “Я, что называется, перевернулся, и теперь там, где желал быть — и хвала за то Провидению”.¹²

Хвалу заслужила и хозяйка имения Прасковья Александровна Осипова (по первому мужу — Вульф). В свои 45 лет, несмотря на вдовью долю (второй ее муж И. С. Осипов тоже почил, в 1824 году), на заботы и хлопоты, связанные с обучением и воспитанием семерых детей и взрослой падчерицы, она была энергичной и хлебосольной хозяйкой, разносторонне образованной женщиной, с которой можно было поговорить на самые разнообразные темы. Благодаря Пушкину Прасковья Александровна была знакома с В. А. Жуковским, П. А. Вяземским, П. А. Плетневым, Е. А. Баратынским и другими видными литераторами. Необыкновенно тонкой ценительнице поэзии, ей было лестно принимать у себя такого блестящего поэта, как Языков. Как мать она, конечно, надеялась, что общение с ним будет интересным и полезным для старших детей.

Сама наружность молодца-волжанина 23-летнего Николая Языкова вызывала симпатию у каждого, кто с ним соприкасался. Выше среднего роста, широкоплечий, с выдающейся вперед грудью. Лицо — кровь с молоком. Непокорные светлокаштановые кудри над открытым широким лбом, слегка вздернутый нос, добродушно улыбающийся довольно широкий рот с пухлыми губами и, по выражению современника, небольшие, “плутовски веселые серые глаза”.

Таким увидел гостя из Дерпта и Пушкин. Вскоре он сам убедился в справедливости того, что говорила молва о Языкове: “Нрава он был отличного: остряк и балагур от природы, любил он подшучивать; но шутки его бывали всегда благодушно-наивные и никогда не пошлые, да и сам он не обижался дружеским подтруниваниям, так что нельзя было не любить его”.¹³ Александр Сергеевич к тому

¹² Языковский архив, с. 256.

¹³ Анненков П. Александр Сергеевич Пушкин в Александровскую эпоху. СПб, 1874, с. 319.

же чрезвычайно высоко ценил в волжанине его редкостный поэтический дар. “Он был польщен, — подчеркивал П. В. Анненков, — виртуозностью, так сказать, его стиха, ни у кого не достигавшего, ни прежде, ни после, таких мастерских, поражающих и ослепительных поворотов...”

Что касается чувств, которые обуревали Николая Михайловича летом 1826 года на Псковщине, то ученый — пушкинист так характеризовал их: “Языков исполнен был почти религиозного чувства к нашему поэту, для которого не находил достаточно песен и восторгов на своей лире — и оно понятно. Соединение в одном лице простого обращения с даром угадывать людей и ценить их верно по душевным признакам, полное отсутствие чего-либо похожего на мелочное тщеславие при постоянных проблесках гениального таланта и ума — все это должно было поразить воображение пылкого, еще не установившегося студента...”¹⁴

Несмотря на “противоположность натур” Пушкина и Языкова, они, по словам П. Анненкова, весьма близко сошлись на ниве Тригорского и Михайловского: “так очаровательны были берега Сороти, сени и рощи обоих селений; так грациозно и весело встречало друзей молодое женское население первого, так вдохновенны и поэтичны были ночи и долгие дни, проведенные ими вместе”.¹⁵

“Молодое женское население” — это 25-летняя Анна и 17-летняя Евпраксия Вульф, а также 21-летняя падчерица хозяйки Александра Ивановна Осипова. Эти милые, образованные и начитанные барышни обладали умом и чувством юмора, умели поддерживать жизнерадостную атмосферу. Александра Ивановна к тому же прекрасно играла на фортепьяно, а Евпраксия, которую, впрочем, все звали “Зиночкой”, мастерски заваривала жженку... По мнению П. Анненкова, Анна и Евпраксия — это прототипы Татьяны и Ольги в “Евгении Онегине”.

Сравнительно быстрому и тесному сближению застенчивого Языкова с обитателями Тригорского способствовала теплая и ясная погода, стоявшая тем летом на Псковщине. Под благотворными солнечными лучами буйно

¹⁴ Анненков П. Александр Сергеевич Пушкин в Александровскую эпоху, с. 319.

¹⁵ Там же.

расцвело и благоухало все растительное царство. К середине июня хорошо прогрелись воды прозрачной и глубоководной Сороти. Словом, было где погулять, покупаться, порезвиться верхом на аргамаках или посостязаться в стрельбе из пистолетов.

Господский дом, в котором когда-то помещалась па-русиновая фабрика, скорее был похож на сарай или ма-неж, оба конца которого украшали незатейливые фрон-тоны. Зато местность, где располагалось имение, была чрезвычайно живописная. Над извилистой Соротью сто-яли три холма: первый — деревня Вороницы, второй — древнее Вороническое городище и третий — усадьба Вульф-Осиповых с огромным парком. Красивейшим мес-том парка была площадка у самого ската холма, с кото-рого Языков не раз любовался прозрачно голубой Соро-тью, пойменной растительностью, крестьянскими поля-ми и запечатлел это место в стихах:

*Все видно: цепь далеких гор,
И разноцветные картины
Извивов Сороти, озер,
Села, и берега, и долины!*

С этой площадки была видна дорога в Михайловское, и, по словам П. Анненкова, “много сердец билось тре-петно, когда по ней, огибая извивы Сороти, показывал-ся Пушкин или пешком, в шляпе с большими полями и с толстой палкой в руках, или верхом на аргамаке, а то и просто на крестьянской лошадке”.¹⁶

Сначала с Пушкиным, а потом и один Языков не раз побывал в Михайловском и своими глазами видел, на-сколько скромной была обстановка, в которой уже почти два года проживал первый поэт России. Старый одно-этажный деревянный дом, крытый и обшитый тесом. По обе его стороны располагалась банька, кухня и два фли-гелька. Перед домом зеленел небольшой газон, обсажен-ный сиренью и жасмином. Справа от дома — спуск к ку-пальне на Сороти; левее служб — фруктовый сад, а пря-мо напротив дома — парк, через который аллея вела на почтовый тракт.

¹⁶ Анненков П. Александр Сергеевич Пушкин в Александровскую эпоху, с. 319.

Комната Александра Сергеевича находилась возле крыльца, и вход в нее был прямо из коридора. Кровать с пологом, письменный стол, диван, шкаф с книгами — вот и вся обстановка комнаты, служившей ее хозяину спальней, кабинетом и гостиной. Здесь-то Арина Родионовна радушно приветствовала Языкова и пригласила к столу, на котором были “и соты, и плоды, и вина”.

За трапезой друзья весело проводили время до той поры, когда “уж гасит ночь свои светила, зарей алеет небосклон”. Воссоздавая эти незабываемые картины, Языков напишет:

*Что восхитительнее, краше
Свободных, дружеских бесед,
Когда за пенистою чашей
С поэтом говорит поэт?
Жрецы высокого искусства,
Пророки воли божества!
Как независимы их чувства,
Как полновесны их слова!
Как быстро, мыслью вдохновенной,
Мечты на радужных крылах,
Они летают по вселенной
В былых и будущих веках!
Прекрасно радуясь, играя,
Надежды смелые кипят,
И грудь трепещет молодая,
И гордый вспыхивает взгляд!*

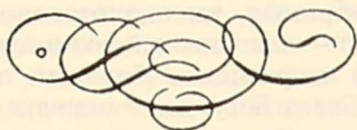
Причем и няня запомнилась волжанину не только хлебосольством:

*Ты занимала нас — добра и весела —
Про стародавних бар пленительным рассказом:
Мы удивлялися почтенным их проказам,
Мы верили тебе — и смех не прерывал
Твоих бесхитростных суждений и похвал...*

П. В. Анненков справедливо отмечал, что благодаря дерптскому гостю лето 1826 года для обитателей Тригорского и Михайловского сделалось “непрерывным рядом праздников, гуляний, шумных бесед, поэтических и дружеских излияний...” Но рядом с внешней веселостью и беззаботностью присутствовала серьезная умственная работа. Собратья по Парнасу следили по газетам и журналам за общественной и литературной жизнью страны,

живо обсуждали прочитанное. Языков познакомился с новыми главами “Бориса Годунова” и “Евгения Онегина”. С юношеским азартом состязались в сочинении апологов (нравоучительных четверостиший), пародируя переводные апологи маститого баснописца И.И. Дмитриева за их наивное морализирование. И, конечно же, Пушкин и Языков, имевшие друзей среди декабристов, остро переживали за их трагическую судьбу.

Николай Михайлович намеревался погостить в Тригорском несколько дней, а пробыл больше месяца! И даже уезжал он из Тригорского не один, а вместе с Александром Сергеевичем, который решил составить ему компанию в коляске до Пскова, в надежде ускорить там продвижение своего прошения царю о разрешении выехать для лечения “в Москву или Петербург или в чужие края”. 18 июля 1826 года поэты провели вместе в городе, а на следующий день, обменявшись клятвенными обещаниями поддерживать связь между собою, расстались, как окажется, на целых четыре года. Пушкин был несказанно рад тому, что тесное общение с поэтом-волжанином подтвердило надежду о “едином пламени”, который волнует их сердца и музыки. Языков же, без преувеличения, назовет дни, проведенные с Пушкиным, “счастливейшим временем”¹⁷ в своей жизни.

¹⁷ С.-Петербургские ведомости, 1866, № 163.

“ОГНЕМ СТИХОВ ОЗНАМЕНУЮ ТЕ ДОСТОХВАЛЬНЫЕ КРАЯ...”

Двухсотверстовой путь от Пскова до Дерпта Николай Языков преодолел довольно скоро — за двое суток — и уже 24 июля оказался в своей комнатке, невдалеке от университета. Как только студенческая и холостяцкая жизнь более или менее вошла в обычную колею, он прежде всего сел за письмо к матушке в Симбирск. Ведь в это тревожное лето она наверняка не успокоится, пока не узнает, что он вернулся в довольно спокойный от политических бурь город. И Николай Михайлович не пожалел красок, чтобы нарисовать картину своего “полного удовольствия” в Тригорском: “Изобилие плодов земных, благорастворение воздуха, благорасположение ко мне хозяйки, женщины умной и доброй, миловидность и нравственная любезность и прекрасная образованность дочерей ее, жизнь или, лучше скажу, обхождение совершенно вольное и беззаботное, потом деревенская прелесть природы, наконец, сладости и сласти искусственные, как-то варенья, вина и проч., — все это вместе составляет нечто очень хорошее, почтенное, прекрасное, восхитительное, одним словом — житье!”¹

В мажорном тоне рассказал поэт и об обстановке, сложившейся для него в Дерпте: “Нынешнее полугодие начинаю я жить вовсе один: маленькая квартира светлая, уютная, благообразная, высокопотолочная — и вообще прекрасная. Это — для большей возможности заниматься плотнее и для несравненно большей возможности же писать стихи. Слава Богу, все в порядке — и хорошо!”² На самом же деле, как это видно из письма к брату Петру от 11 августа, новая комната — это что-то вроде мансарды, из окошка которой видна только “лазурь небесная”. Свой образ жизни назвал “совершенно пустынным”: его могли видеть только на лекциях или на обеде. “Работаю как-то ревностнее, пишу стихи пламеннее — короче сказать, — продолжал поэт, — я начинаю

¹ Языковский архив, с.257.

² Там же.

походить на народ французский после знаменитого политического переворота: чистый от тиранства, гордый правами человечества, веселый новой жизнью и полный сил на завоевания блистательные!”

Не подлежит никакому сомнению, что этот одушевленный прекрасными идеями настрой являлся благотворным следствием поездки на Псковщину и общения там со своим великим “родней по вдохновенью”. Об этом прямо говорится и в письме от 11 августа в Симбирск: “Об знакомстве моем с Пушкиным и о пребывании в Тригорском я уже писал вам довольно подробно и сладостно, что моя муза начала уже воспевать оное в образе небольшой поэмы, пламенно и торжественно!”³ К сожалению, этот рассказ до нас не дошел. Итоговое же впечатление о Тригорском и встречах с Александром Сергеевичем Языков выразил 16 августа в послании “А. С. Пушкину”:

О ты, чья дружба мне дороже

Приветов ласковой молвы,

Милее девицы пригожей,

Святее царской головы!

Огнем стихов ознаменую

Те достохвальные края

И ту годину золотую,

Где и когда мы — ты да я,

Два сына Руси православной,

Два первенца полных муз, —

Постановили своенравно

Наш поэтический союз.⁴

В сопроводительной записке, обращаясь к Пушкину на “вы”, Николай Михайлович писал: “Таково, с моей стороны, начало нашей переписки! Ради бога, в вас живущего, поддержите ее; и я верно буду постоянно ревнивен в деле, которым могу гордиться. У меня есть еще другая до вас просьба; вот она: один мой приятель, увлеченный духом времени, собирается издать на будущий год альманах; вследствие сего намерения человека добросовестного и литератора, и вследствие надежды на вашу ко мне благосклонность — и прошу и молю вас не отказаться способствовать — и сему богоугодному предприятую.

³ Языковский архив, с. 259.

⁴ Языков Н. М. Стихотворения и поэмы, с. 183—184.

Аполог:

Удел гения

Змея увидела подснежник, ранний цвет,
И ядом облила прелестное растение,
Так гений, наглости завистника предмет,
Страдает без вины и терпит угнетенье.

Хорош ли? Прощайте покуда. Засвидетельствуйте мои почтения и поклоны Прасковье Александровне и всему миру, в котором я был вполне счастлив”.

Александру Сергеевичу пришлось по душе занимательное начало переписки, и, не мешкая, он набросал ответное послание:

Языков, кто тебе внушил
Твое посланье удалое?
Как ты шалишь, и как ты мил,
Какой избыток чувств и сил,
Какое буйство молодое!
Нет, не кастальскою водой
Ты воспоил свою камену;
Пегас иную Иппокрену
Копытом вышиб пред тобой.
Она не холодной льется влагой,
Но пенится хмельною брагой...⁵

Наверное, положительно отнесся Пушкин и к просьбе Николая Михайловича о поддержке близкого ему литератора и одобрил очередное (12-е) нравоучительное четверостишие, созданием которых они упражнялись в Тригорском.

Почти одновременно Языков завел переписку и с П. А. Осиповой. В послании к хозяйке Тригорского дни, проведенные им там, провозглашались такими “милыми и священными”:

И я, счастливец, забывал:
Реку, где Разин воевал,
Поля родимого предела,
Симбирск, и кровных, и друзей,
И все, что нравилось когда-то
Моей фантазии крылатой,
Душе неопытной моей.

⁵ Пушкин А.С., т. 2, с. 299.

Воспев Псковщину, где все “достойно песнопений”,
волжанин с восторгом отзывался о Пушкине:

*А вольномыслящий поэт,
Наследник мудрости Вольтера!
Ни тени скуки, ни сует,
И с полным жаром юных лет
В свободу сладостная вера!
Все это радует меня,
Все мне пленительно доньше,
Здесь, где на жизненной пучине
Нет ни ветрила, ни огня.*

В эти августовские дни случилось то самое страшное, чего опасался Николай Михайлович еще перед поездкой к Пушкину — некоторые из его “литературных товарищей” (К. Ф. Рылеев, А. А. Бестужев) были по делу 14 декабря 1825 года казнены, а другие — осуждены на каторгу. Свои боль и возмущение он в едином порыве выразил в небольшом, но очень емком стихотворении:

*Не вы ль убранство наших дней,
Свободы искры огневые, —
Рылеев умер, как злодей! —
О, вспомяни о нем, Россия,
Когда восстанешь от цепей
И силы двинешь громовые
На самовластие царей!*

Посылать по почте стихи, за которые самому можно было поплатиться в лучшем случае ссылкой, он не решился, но в письме к брату Петру в Симбирск поэт смело высмеял “милостивые манифесты по случаю царевенчания” Николая I некоторым декабристам: “смягчение наказаний из отсечения головы на вечную или 20-летнюю, что равно, каторгу напомнило было равномерно милосердные поступки императрицы Анны Ивановны”.

Коснувшись своего бытия, Николай Михайлович отметил, что занятия в университете идут своей чередой, стихов он пишет даже больше прежнего и собирает их в “особую папку”, с тем чтобы затем переслать Александру в Петербург. Самое же отрадное событие выделил особо: “У меня завелась переписка с Пушкиным — дело очень любопытное. Дай Бог только, чтобы земская полиция в него не вмешалась!”

В следующем письме к Петру Михайловичу, от 23 сентября, поэт как бы продолжает начатый разговор: “Вот новость: Пушкина привезли на казенный счет в Москву, и он освобожден. Это хорошо, но вот что худо — чрезвычайно: вышел и начинает приводиться в действие новый устав о цензуре — совершенная инквизиция; а это никак нельзя было ожидать после манифестов, в которых ясно выказывалось желание добра во всех смыслах. Кроме того, сей устав мог бы подписать и монарх Высокой Порты (Турции. — Ж. Т.), в нем еще обнаруживается и глупость, и невежество — необыкновенные спутники угнетения в нашем веке, когда все стараются прикрывать личиною благорасположения к просвещению и общему благу. Странно и досадно — и несносно!”⁶

Цензурная инквизиция имела прямое отношение и к подготовке самого Николая Михайловича к выпускному экзамену. “Из здешней библиотеки, — сообщал он брату Александру, — нельзя получить ни одной порядочной книги ни по истории, ни по наукам политическим вообще; все таковые запрещены до крайности, должно будет ограничиваться одними тетрадами профессоров, а можно решительно сказать, что покойный профессор наук камеральных (Ф. Э. Рамбах. — Ж. Т.) был человек, отставший от настоящей степени просвещения по крайней мере на полвека. Таковое приготовление будет чрезвычайно сухо, бессовестно и Бог знает на что похоже... Государь сказал Пушкину, чтоб он писал больше, зане он сам его цензор!”⁷

К несносным переживаниям, связанным с наступлением позорных “*mores et tempora*”, добавились необыкновенно сильные и странные боли в голове. “Вдруг делается такой лом в этом местопребывании мыслей и всего духовного человека, — не теряя чувства юмора рассказывал Николай Михайлович Александру в письме от 29 октября, — что я почти падаю; через несколько мгновений все проходит и через час или два опять возвращается — это несносно! Для противодействия сему недугу мучительному мне предписано ходить как можно больше (прошрое полугодие я учился рубиться — это лучше всякого

⁶ Языковский архив, с. 263

⁷ Там же.

пешеходства двигает тело — и жил полный здоровья); таковое хождение отнимает у меня часа три!”

Отвечая на вопрос Александра о предстоящем экзамене, поэт пишет в письме от 3 ноября: “В начале сего полугодия я стал было кое-чем заниматься и плотно для сего важного предприятия (стихи не мешали: они были отдохновением, иначе — я написал бы и больше, и торжественнее), но после этого непрестанного сидения и напряжения всех способностей умственных голова моя стала болеть несносно, так что целый месяц, без хвастовства сказать, я ходил как угорелый; для отвращения дальнейших худых следствий сего недуга предписано мне многохождение, отнимавшее у меня большую и лучшую часть времени и принудившее меня отложить решительное занятие до разгулки головы, до будущего полугодия. Между тем — да не пропадет это время даром для главного божества моего, для Музы — я обращусь преимущественно к ее величеству с новою просьбою о награждении меня орденом ее почетного легиона.

...Здесь носятся слухи, что Пушкин приедет скоро в Петербург. Сделай милость, — просит поэт Александра, — познакомься с ним: этим благословенным поступком ты меня сильно удовлетворишь и, сверх того, можешь получить от него понятие о моем с ним знакомстве, которого главные черты так разительно изъяснены в моем к нему послании (послание от 16 августа 1826 года, начинающееся словами: “О ты, чья дружба мне дороже...” — Ж. Т.).⁸

Знаменательно, что во время перерыва в учебных занятиях Николая Михайловича его “главное божество” — муза — действительно оказала сильное благотворное влияние, и уже в следующее письмо к любимому брату он вложил большое стихотворение “Тригорское”, над которым трудился последние месяцы. Без преувеличения можно сказать, что каждая строка этого замечательного произведения, навеянного общением с Пушкиным и посвященного хозяйке Тригорского П. А. Осиповой, — и те, где воздаются хвала псковитянам, героически отразившим нашествие ливонцев, и те, где обрисованы природа Тригорского, картины жатвы на ниве или купания в Сороти

⁸ Языковский архив, с. 269.

студеной — прекрасные плоды вдохновенного мастерства молодого поэта.

Отыскал Языков и новые сочные краски для выражения своей большой приязни к Пушкину и воспоминаний о встречах с ним:

*Приют свободного поэта,
Не побежденного судьбой!
Благоговею пред тобой,—
И дар божественного света,
Краса и радость лучших лет,
Моя надежда и забава,
Моя любовь и честь и слава —
Мои стихи — тебе привет!*

.....

.....

*Певец Руслана и Людмилы!
Была счастливая пора,
Когда так веселы, так милы
Неслись наши вечера
Там на горе, под мирным кровом
Старейшин сада вековых,
На дерне свежем и шелковом,
В виду окрестностей живых;
Или в тиши благословенной
Жилища граций, где цветут
Каменами хранимый труд
И ум, изящно просвещенный...*

.....

.....

*Придут ли дни? Увижу ль снова
Твои холмы, твои поля,
О православная земля
Священных памятников Пскова?
Твои родные красоты
Во имя муз благословляю
И верным счастьем называю
Все, чем меня ласкала ты.⁹*

С этим языковским шедевром Александр Сергеевич познакомился после изнурительного недельного путешествия из Москвы в Михайловское. Под свежим впечатлением от

⁹ Языков Н.М. Стихотворения и поэмы. Л., 1988, с. 192, 194, 196.

прочитанного тут же начертал лаконичное, но очень теплое благодарственное письмо в Дерпт: "Милый Николай Михайлович — сейчас из Москвы, сейчас видел Ваше "Тригорское". Спешу обнять и поздравить Вас. Вы ничего лучше не написали, но напишете — много лучшего. Дай бог Вам здоровья, осторожности, благоденственного и мирного жития! Царь освободил меня от цензуры. Он сам мой цензор. Выгода, конечно, необъятная. Таким образом, "Годунова" тиснем. О цензурном уставе, — словно продолжая разговор с Языковым на эту тему в Тригорском, продолжал Александр Сергеевич, — речь впереди. Пишите мне. Обнимаю Вас и Вульфа.

Получили ли Вы мои стихи?¹⁰ У меня их нет. Пришли-те мне их, да кстати и первое послание ("Издревле сладостный союз..." — Ж. Т.).

О Москве напишу Вам много.¹¹

В этот же день 9 ноября Пушкин написал письмо в Москву князю П.А. Вяземскому, в котором дал восторженную оценку "Тригорскому": "Здесь нашел я стихи Языкова. Ты изумишься, как он развернулся, и что из него будет. Если уж завидовать, так вот кому я должен бы завидовать. Аминь, аминь глаголю вам. Он всех нас, стариков, за пояс заткнет".¹²

В свою очередь, Николай Михайлович был искренне рад тому, что общественное положение Александра Сергеевича после прекращения ссылки радикально изменилось к лучшему, и спешит поделиться приятной новостью с родными. А брата Александра Михайловича, находившегося в Петербурге, настоятельно просит познакомиться с прибывающим туда А. С. Пушкиным, поклониться ему от собрата по Парнасу и передать, что Алексей Вульф вскоре покинет Дерпт и тоже появится в столице.³

Весьма доброжелательным было и письмо Языкова к Пушкину, но оно не сохранилось. Судя же по ответному

¹⁰ "К Языкову" ("Языков, кто тебе внушил...").

¹¹ Пушкин А.С. ПСС, т. 10, с. 168.

¹² Там же, с. 543. Князь П. А. Вяземский, по его же признанию, как-то дружески упрекнул А. С. Пушкина в зависти к И. И. Дмитриеву.

¹³ Языковский архив, с. 287.

письму Александра Сергеевича от 21 декабря 1826 года из Москвы, видно, что он тоже желал закрепить узы дружбы, завязавшиеся на Псковщине. "Письмо ваше, — писал он Николаю Михайловичу, — получил я во Пскове и хотел отвечать из Новгорода — вам, достойному певцу того и другого. Пишу, однако ж, из Москвы — куда вчера привез и ваше "Тригорское". Вы знаете по газетам, что я участвую в "Московском вестнике", следственно и вы также. Адресуйте же ваши стихи в Москву на Молчановку в дом Ренкевичевой, откуда передам их во храм бессмертия. Непременно будьте же наш. Погодин вам убедительно кланяется. Я устал и болен — потому вам и не пишу более. Вульф у кланяюсь, обещая мое высокое покровительство.

21 ноября

(описка: должно быть "21 декабря". — Ж. Т.).

"Тригорское" ваше, с вашего позволения, напечатано будет во 2-м номере "Московского вестника". Рады ли вы журналу? Пора задушить альманахи. — Дельвиг наш. Один Вяземский остался тверд и верен "Телеграфу" — жаль, но что ж делать".¹⁴

Пушкинский похвальный отзыв о "Тригорском" и приглашение к сотрудничеству, конечно же, польстили самолюбию Николая Михайловича и одушевляюще подействовали на дальнейшее его служение музе. А вот проза жизни напоминала о себе какими-нибудь невзгодами. Пришлось, в частности, объясняться относительно содержания своих писем домашним на родину. "Не помню, — писал он 10 ноября 1826 года Александру, — чем встревожил я маминьку в моих посланиях; впрочем, ты сам знаешь, как я осторожен в этом роде моей литературы, — разве проговорился нечаянно, неумышленно, увлеченный предметом письма, важностью дела и так далее. Обязуюсь впредь сохранять всевозможное хладнокровие в сношениях моих с Симбирском". В заключение же озадачил брата интригующим заявлением: "В следующих письмах напишу тебе много важного о моих приготовлениях к экзамену, о некоторых неожиданных препятствиях, оным встречавшихся от меня независимо, наконец, — о плане моей будущей жизни вообще".¹⁵

¹⁴ Пушкин А.С. ПСС. т. 10, с. 172—173.

¹⁵ Языковский архив, с. 279

План будущего пути гражданского

В конце 1826 года, когда остался семестр до окончательного экзамена в университете, братья попросили Николая Михайловича сообщить о ходе подготовки к финишу четырехгодичной учебы, а также о планах на ближайшее будущее. Поэт и сам считал необходимым обсудить этот “предмет важный, многоследственный, требующий прений или рассуждения с разных сторон”, и на рождественские каникулы собирался приехать в Петербург, чтобы обговорить все с Александром “на просторе, у безделья, с душой и сердцем на устах”.¹

Однако Петр не прислал из Симбирска вовремя денег, и каникулы были использованы Николаем Михайловичем для переезда в Дерпте на другую квартиру, более удобную и уединенную, нежели прежняя. Здесь, пояснял он Александру в письме от 26 декабря, “пойдет далее мое приготовление к экзамену, который, замечу стороною, не может ни в коем случае произойти иначе, нежели блистательно; это обещают мне моя память, мое самолюбие и желание даже и не в своем околотке явиться косцем деятельным и достохвальным”.²

Через три дня, поздравляя Петра с наступающим Новым годом, поэт набрасывает “абрис” своего будущего: “Выдержав здесь кандидатский экзамен, я съезжу на несколько месяцев к вам в Симбирск, откуда возвращусь в Петербург, где прослужу Отечеству только время, потребное для получения чина (несмотря на мое сильное неуважение к суете мирской, где в первую голову чины и почести являются взору беспристрастного мыслителя, все-таки мне надобно иметь хоть какой-нибудь чин, чтоб не остаться бесчинным в мнении людей даже необразованных, которым нельзя пренебрегать в наших странах полудиках). После этого начнется мое бытие торжественное, поэзия моей жизни: я перееду навсегда, навсегда жить в

¹ Языковский архив, с. 283.

² Там же, с. 287.

деревню, с книгами, с пылким желанием и крепкими силами далее просвещаться, буду проводить время в занятиях великодушных, в жертвах учению и Музе, совершенно свободной, не имеющей обязательств, приличий, забывающей все, кроме высокого и прекрасного, следственно, очень, очень много мирского, следственно, все, что обыкновенно занимает нашу братью, людей русских!

Для сей-то цели достохвальной, — продолжал он исповедь о самом заветном, — и образуется уже теперь моя библиотека — сокровищница золота умственного, полжатвы благодетельнейшей всех прочих жатв. В надлежащее время ты получишь мою просьбу о приготовлении для меня приличного места, получишь план рукописный мне нужной резиденции — и я, о! я достигну тогда самой высокой степени своего счастья, зане оно состоит в самодовольстве, в свободе и просторе жизни — и все! Только дай мне Бог здоровья, а я наделаю чудес в мире литературном; по исполнении описанного намерения все пойдет у меня в гору, время запляшет по моей дудке, и все, не имеющее связи с моими предметами, от меня удалится, как дьявол от распятия, — и слава, и слава!

Пушкин в большой милости у Государя: это будет иметь благодетельное действие на нашу литературу. Он хочет напечатать свою трагедию “Борис Годунов”, которую мне читал; она лучше всего, что он сочинил доселе, удивительно верно изображает нравы тогдашнего времени — и вообще подвиг знаменитый.

...Выписываете ли вы, почтеннейший и почтеннейшие, альманахи на будущий 1827 год? Это необходимо для оживления безжизненной жизни деревенской и однообразной хозяйственной. Теперь обещают в них много хорошего, да и без того всякий человек, желающий имени человека образованного, должен преследовать (т. е. следить. — Ж. Т.) отечественную литературу, какова бы она ни была; а у вас в этом случае есть и семейственное удовольствие — не так ли?”³

В письмах к родным конца 1826 — начала 1827 годов поэт без всяких оговорок вновь заявлял, что в ближайшие месяцы 8-го полугодия он завершит учение в университете сдачей кандидатского экзамена. Согласно уни-

³ Языковский архив, с. 289—291.

верситетскому уставу, студент, добивавшийся ученой степени кандидата, пишет на предложенную советом факультета тему сочинение, затем подвергается “изустному испытанию, состоявшему из двух вопросов” по главному предмету избранной специальности, после чего профессора — члены комиссии устраивают соискателю “произвольное испытание, не исключая и наук вспомогательных”.⁴ Другими словами, происходила проверка знаний по всем предметам, изучавшимся в течение всего курса обучения. Понятно, что на испытания по столь обширной и непредсказуемой программе мог решиться только хорошо успевающий юноша. Все остальные универсанты после сдачи выпускного экзамена довольствовались званием “действительного студента”.

Николай Михайлович, как он сам выразился, жаждал “блистательного” финиша своего учения в университете, чтобы тем самым доказать, что он может преуспевать не только на Парнасе, но и в научном “околотке”. Задача эта была отнюдь не из легких, но самолюбивый волжанин, полагаясь на свою хорошую память, надеялся на успех и отважно перешел Рубикон. “С завтрашнего дня я уже начну принадлежать к числу молодых филистимлян города Дерпта, — сообщал он Дюку 16 января 1827 года, имея при этом в виду, что исключается из числа студентов, — буду сидеть крепко за книгами, как некогда сидел мой предок в стенах московских, осаждаемых поляками... Скрепясь сердцем, примусь за труды прозаические: математику, физику, политическую экономию, статистику, науки торговли, финансов, полиции и проч. и за полупрозаические — историю, всеобщую и русскую”.⁵

И он стоически старался сдержать слово, данное себе и братьям. Однако усиленное “сиденье” за книгами и конспектами стало сказываться на состоянии здоровья: из-за “приливов крови” возникали сильные боли в голове. По настоянию врачей Николаю Михайловичу пришлось ежедневно совершать продолжительные прогулки на воздухе, пить какую-то горькую микстуру, перейти на строгую диету и сократить время занятий. Выяснилось также, что многие книги, особенно по политическим наукам (как пра-

⁴ Педагогическая энциклопедия. М., 1965, т. 2, с. 349.

⁵ Языковский архив, с. 297.

вило, на немецком языке), необходимые для подготовки к экзамену, даже в Дерпте стало трудно достать. Деловой настрой поэта перебивали и просьбы издателей альманахов и журналов (А. Ф. Воейкова, М. П. Погодина, Е. В. Аладына) прислать стихи для публикации.

Среди немногих корреспондентов, с которыми поэт охотно продолжал переписку, был Алексей Вульф, блистательно выдержавший в декабре месяце экзамен по военным наукам и теперь, до определения в полк, наслаждавшийся свободой от учения в Петербурге, Тригорском, Москве. Как добрый товарищ Вульф сообщал Языкову о всех важных новостях, горячо благодарил за публикацию "Тригорского" в "Московском вестнике" и, конечно же, делился впечатлениями о встречах с Пушкиным. Николай Михайлович от души выражал признательность за "очень любопытные известия о нашем Бейроне (Пушкине. — Ж. Т.)" и просил и впредь делать это. "Само собой разумеется, — продолжал он, — что мне всегда хочется знать все, касающееся до человека, с которым вместе и так роскошно и весело пьянствовал в стране, видевшей лучшее, т.е. счастливейшее время моей жизни. Он ко мне писал из Москвы: манит и блазнит меня посылать стихи в "Московский вестник" и хочет, кажется, вовсе втянуть меня в эту единоторговицу словесности русской".⁶

Развивая в письме к Алексею от 17 февраля разговор о Тригорском и Бейроне, Языков с восторгом признался: "Я вопрошал совесть мою, внимал ответам ее и не нахожу во всей моей жизни ничего подобного красотой нравственною и физическою, ничего приятнейшего и достойнейшего сиять золотыми буквами на доске памяти моего сердца, нежели лето 26 года". Затем, отвечая на встречный вопрос Вульфа, продолжал: "О Пушкине ничего не слышно. В половине прошлого месяца я писал к нему в Москву, но ответа не получил. Полагаю, что он загулялся в Белокаменной, занят очарованием тамошних красавиц и не имеет времени отвечать на письма существ отдаленных! Я почти не верю, будто он намеревается жениться; кроме того, что Пушкин, кажется, не создан для мирной жизни семейственной, еще и то сказать, что женатый поэт не может уже так ревностно, как должен,

⁶ С-Петербургские ведомости, 1866, № 163.

служить господу своему, ибо лишен главного условия поэтической деятельности — свободы”.⁷

Свою же свободу от уз Гименея Языков сумел сохранить: ни одной дерптской красавице так и не удалось покорить его сердце. Свято будет соблюдаться им обет безбрачия и в будущем. Но настоящим злом для его поэтической деятельности были холостяцкие пирушки, на которые правдами и неправдами нет-нет да и завлекали Николая Михайловича студенты — поклонники его таланта. Особенно грешили этим симбиряне Александр Татарин, Андрей Тютчев, Владимир Наумов. Но нет худа без добра: в результате общения с земляками родилась песня, которую будут распевать несколько поколений русских студентов:

*Из страны, страны далекой,
С Волги-матушки широкой,
Ради сладкого труда,
Ради вольности высокой
Собралися мы сюда.
Помним холмы, помним доли,
Наши церкви, наши села,
И в краю, краю чужом,
Мы пируем пир веселый
И за родину мы пьем*⁸

Чтобы избежать общества “хмельных собратьев”, поэт решает весной 1827 года уединиться в Камби. Поздравляя 5 мая матушку и всех симбирских родных с пасхальными праздниками, он заметил: “Вы уже, конечно, переехали в деревню (Языково. — Ж. Т.), радуюсь вашей радостью; и мне придется с месяц пожить где-нибудь недалеко от Дерпта, на воздухе вольном, для окончания моих дел к экзамену...”

С наслаждением бродил он в Камби по лесам, любовался хлебными нивами, игрой морских волн у побережья и отдавался “раздолью сладостных трудов”. Под “отшельническим кровом” не забыл он и о лестном приглашении П. А. Осиповой пожаловать на летний отдых в Тригорское. Объясняя Алексею Вульфусу невозможность вновь воспользоваться гостеприимством его матушки, Языков от чистого сердца заверил его:

⁷ С-Петербургские ведомости, 1866, № 163.

⁸ Языков Н.М. Стихотворения и поэмы, с. 218

*Поверь, товарищ, сладко мне
О мирной думать стороне,
Где я, разгульный и свободный,
Заветным преданный мечтам,
Бродил реки губоководной
По величавым берегам...
Мне все пленительно в Тригорском,
Все свято: Пушкин, ты да я —
Там не в одном вине заморском
Мы пили негу бытия!..
И пообещал:
Придет пора моих желаний,
Осуществится милый сон:
Покину дерптского пената,
Возвеселюсь, как Сион,
И обниму тебя, как брата.⁹*

Весной и летом 1827 года Николай Михайлович особенно часто вспоминал о родимой волжской стороне. И какой тоской пронизаны строки его письма от 19 мая к брату Петру в связи с долгим отсутствием весточек из Симбирска: "Напиши же мне хоть что-нибудь и хоть один раз в наступающее лето: утешь меня утехой мысли, что обо мне помнят в отдаленной Болгарии..."¹⁰ И как он завидовал А. Татаринову, отправившемуся на каникулы в симбирский край: "Сидит в кругу милых и кровных; давно лакомится сельским родимым воздухом, плодами и яствами некупленными и ласками непроданными..."¹¹

В надежде на то, что к зиме ему все-таки удастся сдать злополучный экзамен, Николай Михайлович еще раз меняет условия житья-бытья. По договоренности с братом Александром он отправляет к нему навсегда своего дворового Ивана Чухломского (с грузом книг), а сам перебирается в другую квартиру — "не столь подверженную влиянию палящих лучей солнца", меньшую по размерам, но более приличную по виду. Ради более успешного хода занятий работает теперь ночью, а днем спит. И все-таки в разгар жары он уезжает снова в Камби, где предается "самым благородным занятиям" — писанию стихов, —

⁹ Языков Н.М. Стихотворения и поэмы, с. 205.

¹⁰ Языковский архив, с. 326.

¹¹ Там же, с. 332.

как, “потупив глаза”, признается он в письме к Александру в Симбирск от 19 августа 1827 года.

Одним из радостных дней сентября для Николая Михайловича стал тот, когда Александр Татаринов прибыл из Симбирска в Дерпт, передал ему письмо от родных и посвятил во все новости отчего края. В ответном послании к своим поэт особо поблагодарил за постройку дома в Языкове, усовершенствование там сада и вообще всего домашнего быта. “Мила нам добра весть о нашей стороне! К нашей стороне в некотором смысле принадлежу и я...”, — с теплом писал он.¹²

С осени весь Дерпт был охвачен подготовкой к торжествам, посвященным 25-летию со дня основания университета. В вихрь торжеств, проходивших 12—15 декабря 1827 года, был вовлечен и Языков. В числе избранных студентов и как единственный поэт он участвовал в устроенном начальством торжественном обеде. Рождественские и новогодние праздники прошли в городе тоже необычайно пышно и весело. Все это, конечно, отвлекало Николая Михайловича от учебных занятий... А с начала 1828 года помехой стало и тесное общение со своими соседями по дому “свитскими офицерами” — Федором Федоровичем Ортенбергом (“прекрасным человеком”) и Михаилом Павловичем Вронченко, заинтересовавшим его своими стихотворными переводами байроновского “Манфреда” и шекспировского “Гамлета”.

В начале марта офицеры уехали в Петербург, получив от поэта рекомендательное письмо к А.М. Языкову. После их отъезда Николай Михайлович сменил жилье, и вскоре в нем появился любимый с детства Дюк! О многом братья переговорили в откровенных беседах. Главный вывод из них поэт так сформулировал в послании к Александру от 27 мая 1828 года:

*Ты прав, мой брат: давно пора
Проститься мне с ученым краем,
Где мы ленимся да зеваем,
Где веселится немчуря!*

Сам-то он не очень ленился: в июне вместе с земляком Наумовым совершил недельное путешествие (большую часть оно было “пешешествием”) в Печоры, для

¹² Языковский архив, с. 342.

осмотра знаменитого монастыря. Целью его было — “исторические наблюдения, обозрения... освежение духа своего на Руси православной; протрясение тела” и надежда, что и голове тоже станет легче и с новыми силами он “опять воссядет на седалище трудов и чести...” Шествие по горам и долам, лесам и болотам, знакомство с живописною местностью Печер и “достопримечательными дарами царей и цариц” — все это, действительно, освежающе подействовало на самочувствие поэта, оставило незабываемые впечатления, помогло в конкретизации давнего замысла о создании исторического произведения.

По возвращении в Дерпт Николай Михайлович получил из Симбирска известие о предстоящей помолвке сестры Пируши с добропорядочным и весьма образованным помещиком-симбирянином Петром Александровичем Бестужевым. От души одобряя этот выбор, он просил родных подробнее рассказывать ему, “как идут дела к свадьбе и вообще все хозяйственное, семейное, ученое...” В сентябре поэт внес вклад и в семейное хозяйство — отправил старшему брату 20 видов элитного картофеля. “Старайся же разводить его, — писал он в связи с этим Петру, — распространять в чертогах и хижинах, думая при этом о пользе своей и человечеству вообще! ...Утешу тебя присылкою и луковиц цветочных... Вот вам сильное, разительное, можно сказать, — живое, плодovitое доказательство моей любви к родине, к вам, ко всему полезному...”¹³

В сообщениях о литературной жизни в столицах Николай Михайлович, хотя бы в лаконичной форме, обычно передавал все, что было связано с именем Пушкина. Стихи Александра Сергеевича “К друзьям”, не пропущенные царем в печать, ему не понравились. Зато от чтения “Онегина” и “Черепы” он получил удовольствие, за которое был благодарен выдающемуся автору. “Здесь проехал в чужеземию некто Соболевский, московский юноша, приятель, обожатель, бирюч и *last freund* Пушкина, — сообщал поэт братьям 8 ноября 1828 года. — Он обрадовал мою совершенно пустую, бесталанную жизнь теперешнюю известием, что Пушкин написал новую прекрасную, все его прежние превосходящую, поэму “Мазепа”;

¹³ Языковский архив, с. 360.

множество баллад, песен, сказок и т. д.; что “Северные Цветы” на 1829 будут наполнены его стихами, что Дельвиг на меня сердится за мое непроходимое молчание на Парнасе... Петерсон (Александр Петрович. — Ж. Т.) уже стоит на праге экзамена; он теперь живет в одном доме со мною, выше меня; я с ним вместе занимаюсь русскою историею — и очень приятно и сладостно!”¹⁴

Однако А. Н. Татаринов в своих воспоминаниях скептически охарактеризовал эти занятия: “Этот Петерсон, тоже старый экс-студент, за несколько лет оставивший университет и воротившийся в Дерпт для получения академической степени, кажется, много вредил занятиям Языкова... Н. М. с какою-то детской радостью рассказывал нам, как у него с Петерсоном всю ночь кипит самовар, и они, по очереди, до восхода солнца читают вслух Карамзина. Но добро бы читали, а то, кажется, они более рассуждали о великом значении славян, о будущности России...”¹⁵ И большой помехой для подготовки поэта к экзаменам были пирушки, на которые, по свидетельству того же Татаринова, нет-нет да завлекали студенты Языкова. Причем он оплачивал не только эти застолья; некоторые из сотоварищей “употребляли во зло его доброту, жили на его счет”, увеличивая тем самым и без того большие долги трактирщикам и купцам.

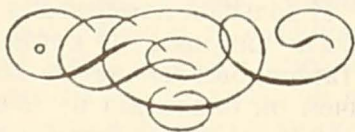
Весной 1829 года издатель “Невского альманаха” Е. Аладьин доставил Николаю Михайловичу горестное известие о смерти А. А. Воейковой, лечившейся от туберкулеза легких в Италии, и гибели посла России А. С. Грибоедова в Тегеране от рук исламских экстремистов. Гнетущее настроение усугублялось необычайно ненастной погодой. В марте же прибыл из Симбирска Владимир Наумов. Земляк, по словам Николая Михайловича, привез, “кроме халата и получулков, много известий про житье Симбирское”, но не доставил тех восьми тысяч рублей для уплаты долгов, без которых теперь приходится бесцельно сидеть в Дерпте...

Через месяц, когда прислали братья часть денег, поэт рассчитался с некоторыми кредиторами и отправил в Симбирск большую часть своих книг. А в начале мая он пошел

¹⁴ Языковский архив, с. 370.

¹⁵ Там же, с. 374.

на крайний шаг: по его просьбе В. Наумов поручился уплатить кредиторам оставшиеся 2800 рублей долга. 8 числа Языков взял в университете "Вид" на проезд до Симбирска, а в середине месяца вместе с Петерсоном на тройке, в сопровождении двух десятков универсантов, поскакал к печерскому монастырю. Там-то, на чистом воздухе, и состоялись проводы, на которых пили только русское "горское" и распевали только что сочиненную Языковым песню со словами: "В последний раз приволье жизни братской, друзья мои, вкушаю среди вас..." Со слезами на глазах распрощавшись с товарищами, экс-студенты направились по маршруту Псков — Новгород — Тверь — Москва.

”Крылья поэта встрепенулись...”

Еще из Дерпта Николай Михайлович уведомил родных в Симбирске о намерениях задержаться в Москве, чтобы как можно подробнее познакомиться с этой “живой историей старины русской”, ставшей навсегда священной для поэта российского. С такими “поэтическими видами” подкатил Языков 19 мая 1829 года на тройке с Александром Петерсоном к особняку у Красных ворот, где жила родственная ему семья Елагиных-Киреевских.

Это довольно внушительное каменное двухэтажное, с полуподвальным помещением здание с большим садом числилось за отставным капитаном Алексеем Андреевичем Елагиным, ветераном Отечественной войны 1812 года, весьма образованным человеком и хлебосольным хозяином. Однако среди литераторов Москвы особняк у Красных ворот пользовался известностью во многом благодаря его хозяйке — Авдотье Петровне Елагиной (урожденной Юшковой, по первому мужу Киреевской), племяннице В. А. Жуковского. Это она устроила дома литературный салон, привлекавший по воскресеньям как жрецов Камены, так и любителей словесности. Сама Авдотья Петровна внимательно следила за новинками отечественной и европейской литературы, публиковала в печати свои переводы с французского, имела репутацию добросовестного собирателя фольклора, поборницы просвещения и незаурядной рисовальщицы. Высокому авторитету салона Елагиной способствовали ее сыновья — Иван Васильевич и Петр Васильевич Киреевские (которым в момент приезда Языкова было 23 и 21 год). Оба они после окончания Московского университета всерьез занимались литературой. Иван Васильевич в 1828 году обратил на себя внимание статьей “Нечто о характере поэзии Пушкина”, которую В. Жуковский назвал “умной, сочной, философической прозой”. Петр Васильевич пришелся по душе Языкову как толковый переводчик и увлеченный собиратель русских народных песен и легенд.

В доме Елагиных-Киреевских были давно наслышаны о лирических стихах и студенческих песнях Николая Языкова и, высоко ценя его талант, окружили поэта трогательной заботой, стараясь лаской обогреть настуженную житейскими невзгодами его душу. Благодаря их протекции Николай Михайлович в первые же недели пребывания в Москве познакомился с редактором-издателем “Московского вестника” Михаилом Петровичем Погодиным, дядей Пушкина — Василием Львовичем, издателем альманаха “Денница” Михаилом Максимовичем, поэтами Каролиной Яниш и Анной Готовцевой, другими литераторами.

Пребывание Языкова в Белокаменной оказалось настолько насыщенным различного рода отрадными впечатлениями, и в первую очередь общением с Елагиными-Киреевскими, что, по меткому выражению родственника и приятеля по Симбирску и Петербургу Д. Н. Свербеева, “крылья поэта встрепенулись”.¹ Да и он сам, выкроив на одиннадцатый день московской жизни время для написания послания в Симбирск, в присущей ему образной форме заявил родным: “... я нашел так много ума, образованности и любезности, что только надежда найти у вас и того, и другого, и третьего не менее еще стремится меня на берега Волги-матушки широкой...”²

Стремление на родину было неудержимым и, с благодарностью отклонив приглашение Елагиных-Киреевских отправиться вместе с ними на лето на подмосковную дачу, Николай Михайлович в день летнего солнцестояния отправился в отчий край. Если он выехал “на долгие”, то добирался до Симбирска одиннадцать суток, если же в кошельке нашлись 150 рублей ассигнациями, то на “почтовых переменных лошадях” путь в 800 с лишним верст преодолел вдвое быстрее.

Много дум передумал за это путешествие 26-летний поэт. Трудно было осознать, что после учения в столичном Горном кадетском корпусе, Институте инженеров путей сообщения и в “ливонских Афинах”, продолжавшегося (с небольшими перерывами) уже пятнадцатый год, он возвращается в родные пенаты бездипломным студен-

¹ Свербеев Д. Н. Записки. СПб, 1899, т. 2, с. 96

² Языковский архив, с. 388.

том философских наук, которому предстоит еще сдача кандидатского экзамена. Иначе не получишь права на классный чин и останешься в глазах обывателей как бы недоучившимся недорослем, к которому станционный смотритель будет относиться, как к семинаристу.

Драматизм и в то же время комизм положения состоял в том, что в реальной жизни Николай Языков уже считался одним из лучших поэтов, а по уровню своей разносторонней образованности, знанию языков и начитанности он никак не уступал обладателям престижных дипломов, высоких должностей и чинов. Более того, В. Жуковский, А. Пушкин, А. Дельвиг, Е. Баратынский, М. Погодин и многие другие литераторы считали для себя честью общаться и сотрудничать с ним. И тем не менее слово, данное братьям, да и собственное самолюбие обязывали использовать пребывание в отчем крае и для подготовки к экзаменам. Затем, придется съездить в Москву, сдать в тамошнем университете экзамен и только тогда, с сознанием исполненного долга, можно будет целиком отдаться своей музе в родовом Языкове.

Встреча с матушкой и другими родными, которых Николай Михайлович не видел четыре с половиной года, была волнующей и особенно теплой. Никто из домашних не только не корил его в эти летние месяцы за “бесдипломность”, а, наоборот, все старались сделать экс-студенту что-то приятное, интересное.

Свои благодарные впечатления он выразил в немногих, но проникновенных поэтических строках:

*Свершились плоды моих желаний,
Сбылся души благословенный сон!
И вот они, места мои родные...
Кругом леса и горы меловые;
По скатам их разбросано село;
Вон божий храм, и барский дом, и нивы,
Луга, реки подгорные извивы
И двух прудов спокойное стекло.³*

Но надежды на то, что здесь, на лоне родной природы, он застихотворствует, не сбывались. Элегии и послания к К. Яниш, А. Готовцевой и графу Д. Хвостову (с благодарностью за присланные три тома его творений) рож-

³ Языков Н.М. Стихотворения и поэмы, с. 248.

дались с трудом. И лишь строки стихотворения, посвященного памяти своего любимого учителя в Горном кадетском корпусе, заискрились “поэтическим огнем”. С благодарностью припоминая, что именно А. Д. Марков в нем “лелеял первые полеты едва проснувшейся мечты”, Языков написал:

*О! Мне ль забыть тебя! Как сына,
Любил ты отрока меня;
Ты предугнал, кто буду я
И что прекрасного судьбина
Мне даст на подвиг бытия!*

.....
*Лета прошли. Не камню предал
Ты семена благих трудов:
Для светлой жизни я готов,
Я сердцем пламенным уведал
Музыку мыслей и стихов!⁴*

Приподнятый настрой поэта проявился поздней осенью, когда вслед за родными он перебрался в фамильный особняк на Спасской улице в Симбирске. В двух минутах ходьбы отсюда — Венец, откуда открывается прекрасный вид на Волгу и заволжские дали. Этой осенью, в связи со вспышкой холеры в астраханском крае, плавало меньше парусных судов, но артелей бурлаков, тянувших на бечеве расшивы, барки, беляны, было довольно много.

Симбирск справедливо называют “городом семи ветров”, а осенью они особенно часты и свирепы. В ненастную погоду, даже заядлые рыбаки не отваживаются отчаливать от берега. Но почти всегда находится человек, которому позарез нужно на левый берег Волги или добраться до какого-то пригородного селения, и он, рискуя жизнью, устремляется на своем суденышке вперед, навстречу бушующей стихии. Поразительная смелость такого волгара действовала воодушевляюще, и здесь, в Симбирске, поэт создает своего непревзойденного “Пловца”, которому суждено будет стать песней и жить века:

*Нелюдимо наше море,
День и ночь шумит оно;
В роковом его просторе
Много бед погребено.*

⁴ Языков Н.М. Стихотворения и поэмы, с. 242, 243.

*Смело, братья! Ветром полный,
Парус мой направил я:
Полетит на скользки волны
Быстрокрылая ладья!*

*Облака бегут над морем,
Крепнет ветер, зыбь черней, —
Будет буря: мы поспорим
И помужествуем с ней.*

*Смело, братья! Туча грядет,
Закипит громада вод,
Выше вал сердитый встанет,
Глубже бездна упадет!*

*Там, за далью непогоды,
Есть блаженная страна:
Не темнеют неба своды,
Не проходит тишина.*

*Но туда выносят волны
Только сильного душой!..
Смело, братья, бурей полный
Прям и крепок парус мой.⁵*

Первый чистовик стихотворения Николай Михайлович отправил в Москву собрату по предстоящей сдаче кандидатского экзамена Александру Петерсону, надеясь тем самым подвигнуть его на учебный труд. Через Елагиных-Киреевских молва о новом языковском шедевре достигла Михаила Максимовича, готовившего к изданию альманах "Денница на 1830 год", и тот обратился в Симбирск к автору с настоятельной просьбой разрешить включить "Пловца" в альманах.

Николай Михайлович знал, что Пушкин отдал в "Денницу" две сцены из "Бориса Годунова", что проза там будет представлена повестями М. Погодина, Н. Полевого, А. Веневитинова, поэзия — стихами П. Вяземского, А. Хомякова, А. Дельвига, Е. Баратынского, Д. Веневитинова, а обзор русской словесности составляет И. Киреевский, и дал добро Максимовичу на публикацию своего детища в столь почтенной компании.

⁵ Языков Н.М. Стихотворения и поэты, с. 240, 241.

Иван Киреевский, поздравляя Николая Михайловича с выходом в свет "Пловца", писал ему в Симбирск: "Славно, брат! Он не утонет. В нем все, что недоставало тебе прежде: глубокое чувство, обнявшееся с мыслью. О силе твоих стихов и говорить нечего. Давно известно, что их куют черти в аду на бриллиантовой наковальне, при всем адском пламени, из чертовского булата, и делают на них насечку из звезд, украденных на небе, чтобы они так и горели, не сгорая".⁶ В "Обозрении русской словесности 1829 года", напечатанном в "Деннице", И. Киреевский дополнил похвальную характеристику автору "Тригорского" и "Пловца" словами: "Говоря о писателях образцовых, коих имена блистали в литературе прошедшего года, можно ли не упомянуть об одной из лучших надежд наших? Немногие получили в удел такую силу и мужество, коими красуются произведения Языкова. Каждый стих его живет огнем, как саламандра".⁷

В январе 1830 года в Петербурге вышел "Невский альманах", в котором были языковские "Элегия", "Памяти А. Д. Маркова" и "Прошальная песня". Эта подборка стихов волжанина пришлась по душе Пушкину, и в своей рецензии на альманах, опубликованной 25 февраля в "Литературной газете" А. А. Дельвига, Александр Сергеевич вновь дал высокую оценку "твердому, точному и полному смысла" слогу Николая Михайловича: "Стихотворную часть украшает Языков. С самого начала появления своего сей поэт удивляет нас огнем и силою языка. Никто самостоятельнее его не владеет стихом и периодом. Кажется, нет предмета, коего поэтическую сторону не мог бы он постигнуть и выразить с живостью ему свойственной. Пожалею, что доныне почти не выходил он из пределов одного слишком тесного рода" (лирики. — Ж. Т.).

Лучшие столичные альманахи, журналы и газеты поступали в Симбирск, в частности, в Дворянское собрание, поэтому и родные, и знакомые ведали из печати, каким большим успехом пользуется творчество Николая Михайловича. И начиная с рождественских праздников 1829 года до великого поста года будущего, когда именитые помещики, съехавшиеся на зиму в город, давали балы,

⁶ Языков Н. М. Полн. собр. стихотворений. М.—Л., 1934, с. 794.

⁷ Там же, с. 791

пришлось знаменитому поэту принимать некоторые приглашения и бывать у Татариновых⁸, Столыпиных⁹ и других знакомых.

В общем же Николай Михайлович, время от времени страдавший от болей в спине и солитера, был домоседом, предпочитал коротать часы досуга с матушкой, сестренкой Катей (“Пикоть”), литературным чтением которой он постоянно руководил, и, конечно, с братьями Петром и Александром (когда тот приезжал из своего уфимского имения). А в марте, как только набралась необходимая сумма денег, поэт отправился по еще сохранившемуся санному пути в Белокаменную. “В Москве я надеюсь не предаться лени, — писал он Алесандру, — надеюсь действовать под руководством Погодина и в сообществе Петерсона — людей деятельных и ко мне доброжелательных как нельзя больше”.¹⁰ А в следующем письме к брату наш поэт, имея в виду нападки Ф.Б. Булгарина на себя лично, на Пушкина и других авторов “Денницы” и “Литературной газеты”, задиристо заметил: “Должно ожидать великой войны литературной”.

Вскоре после приезда в Москву в доме Елагиных-Киреевских Николай Михайлович встретился с Пушкиным, который приехал из Петербурга, чтобы повидать Наталью Гончарову, а также решить некоторые литературные дела. Что именно каждый из них поведал о своем житье-бытье за прошедшие со времени общения в Тригорском и Михайловском четыре года, можно только догадываться. Известен итог: встречи между ними стали регулярными. Гостивший в это время у брата в Москве Александр Языков в письме к сестре Прасковье в Симбирск 9 апреля 1830 года сообщал: “Пушкин у Весселя (то есть у Николая Михайловича. — Ж. Т.) часто бывает, он большой забавник и доставляет нам много удовольствия”.¹¹

Можно не сомневаться, что Языковы, сами большие любители юмора, охотно участвовали в пушкинских за-

⁸ Татариновы Николай Ильич и Анна Семеновна — родители студента А. Н. Татаринова.

⁹ Столыпин Александр Алексеевич — адъютант Суворова, двоюродный дед М. Ю. Лермонтова.

¹⁰ Ежегодник рукоп. отд. Пушкинского дома на 1976 год. Л., 1978, с. 150.

¹¹ Там же, с. 160.

бавах. Наверняка они напутствовали Александра Сергеевича сердечными и вместе с тем шутивными пожеланиями перед тем, как тот 6 апреля отправился к Гончаровым просить руки 18-летней красавицы Натальи Николаевны. Братья Языковы одними из первых и поздравили Пушкина с благополучным исходом сватовства.

В десятых числах мая Николай Михайлович в компании с Авдотьей Петровной Елагиной, ее дочерью Марией, Петерсоном и Погодиным совершил двухдневное путешествие (через Мытищи, Пушкино, Братовщину и Хотьково) в Троице-Сергиеву лавру, где осмотрели древние соборы, гробницу Сергия Радонежского, усыпальницу Годуновых и богатейшую академическую библиотеку. И только сильный дождь заставил путников отказаться от посещения еще и Спасо-Вифанского мужского монастыря и возвратиться в Москву “посредством наемной езды”.

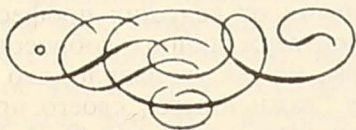
Сообщая в Петербург брату Александру об этом путешествии, поэт заверил его, что несмотря на наступившую “несноснейшую жару” (19 градусов в тени) он приступил к подготовке к экзамену. “Я достал тетради здешних студентов, — пояснял он в письме от 16 мая, — и начинаю читать их с сокрушенным сердцем — голый вздор. Кстати, здесь прошел и с большим вероятием слух, что, дескать, чины уничтожены! Напиши мне, что это значит, кого это освобождают и от каких причин, и не освобождают ли нашу братию от труда приготовляться к экзамену! Дай-то бог. Обещаюсь написать торжественную оду на случай этого случая...”¹² Увы, слухи об “уничтожении чинов”, то есть “Табели о рангах”, не оправдались, и Николаю Михайловичу пришлось обратиться в Дерптский университет с просьбой выслать ему “аттестат” на право экзаменоваться в Московском университете.

Не миновала Николая Михайловича и “литературная война”. Н. А. Полевой в № 8 “Нового живописца общества и литературы” (приложения к “Московскому телеграфу”) в эпиграмме “На ниве бедной и бесплодной” наряду с Дельвигом, Баратынским, Пушкиным и другими вывел и Языкова (под именем “Пырея Ливонии удалого”). Но он пока не считал нужным отвечать на эти “глупости”.

¹² Ежегодник рукоп. отд. Пушкинского дома на 1976 год. Л., с. 155.

С наступлением лета, когда брат Александр возвращается в Симбирск, поэт регулярно информирует его о литературных новостях столицы. “Пушкин усакал в Питер печатать “Годунова”: свадьба его будет в сентябре. По годин собирается в чужеземию... “История” Полевого еще так и не вышла — все ждут, умы волнуются. Здесь теперь Баратынский: он написал роман в стихах под заглавием “Цыганка”. Недавно познакомился я с Деларю (М. В. Деларю — поэт, сотрудник “Литературной газеты”. — Ж. Т.)... Чуть было не забыл сказать тебе самую важную новость не только для нас — для России, не только для России — для всего человечества! В провинциях заводятся от правительства публичные библиотеки...”¹³

Последняя новость была почерпнута из циркуляра министра народного просвещения от 5 июля 1830 года. Но потребуется еще не один год, пока Николаю Михайловичу, его родным и близким знакомым удастся создать в Симбирске публичку — Карамзинскую общественную библиотеку.

¹³ Ежегодник рукоп. отд. Пушкинского дома на 1976 год. Л., с. 160.

В начале августа 1830 года Николай Михайлович вместе с М. Погодиным совершил путешествие в Новый Иерусалим, чтобы осмотреть достопримечательности Воскресенского Истринского мужского монастыря, основанного еще патриархом Никоном, и познакомиться с древними рукописями. В середине месяца в Москву из Петербурга прибыл Пушкин, а через пять дней скоропостижно скончался его “парнасский отец” — дядя Василий Львович Пушкин. Вместе с близкими знакомыми Александра и Льва Пушкиных — И. И. Дмитриевым, П. А. Вяземским и М. П. Погодиным — Николай Языков проводил прах известного стихотворца и активного участника литературной жизни столиц на кладбище Донского монастыря.

Передавая в письме от 28 августа эту печальную весть своим братьям, Николай Михайлович с огорчением сообщил, что получил из Дерптского университета отрицательный ответ на просьбу о высылке “аттестата на право экзаменоваться”. Отказ мотивировался тем, что, покидая Дерпт, он не получил от ведущих профессоров “записок” (справок), подтверждающих добросовестное посещение лекций. Увы, но так уж вышло, что поэт вовремя не взял записки у “важнейшего” своего профессора кафедры камеральных наук и торговли Ф. Э. Рамбаха, а тот вскоре скончался. Ректор университета И.—Ф.—Г. Эверс, читавший лекции по русской истории, народному праву и политике, обещал Языкову без промедления прислать все, что потребуется, когда он “вздумает где бы то ни было экзаменоваться”. Но сейчас, по словам Николая Михайловича, “Эверс при смерти болен (у него делается рак в голове)”, а его преемник без предъявления профессорских “записок” не выдает аттестата на право экзаменоваться в другом университете. “Лучший из моих планов, — сокрушенно констатировал он, — кажется, рушится, потому что, в некотором смысле, основывался на моем кандидатстве!”¹

¹ Ежегодник на 1976 год, с. 165.

Авдотья Петровна Елагина, близко принимавшая к сердцу любые неприятности и невзгоды дорогого поэта-волжанина, энергично взялась за поправку беды и обратилась за помощью к профессору Дерптского университета И. Ф. Мойеру (через его жену, свою родственницу), и тот, отлично зная Языкова как поэта и студента, сделал все, чтобы состоялось положительное решение, о котором 22 октября 1830 года Николай Михайлович с удовлетворением сообщил родным в Симбирск.

В присланном из Дерпта злополучном аттестате совет университета свидетельствовал, что студент философских наук Николай Языков за время учения, с 17 мая 1823 по 18 января 1827 года, "надлежащим образом окончил полный свой академический курс и по выданному от философского факультета аттестату с большим прилежанием прослушал следующие курсы: по энциклопедии философских наук, философскому учению о религии, логике, теоретической физике, римской истории (дважды), средневековой истории, новейшей истории Европы, истории Руссов, о современном состоянии европейских государств, истории европейских государств, о русском государственном устройстве и управлении, по европейскому международному праву, политической экономии, энциклопедии наук, относящихся к политической экономии (II часть, один семестр), науке торговли, римским древностям, истории живописи и архитектуры у древних народов, эстетике, истории русской литературы, объяснению избранных мест из русских поэтов и прозаиков".²

Этот документ, как подчеркивал в 1907 году профессор Е. А. Бобров в биографическом очерке о Языкове, является убедительным свидетельством профессоров-специалистов, что "сын гвардии прапорщика из Симбирска" прослушал их лекции с прилежанием, занимался усердно, а поведение его "во все время учения было безупречным". Вместе с тем в этом аттестате указывалось, что "права на чин 12 класса", который даруется студентам-выпускникам, Языков не получает, "потому что он не подвергал себя испытаниям". "В прежнем Дерптском уни-

² Бобров Е. К биографии Н.М. Языкова. Сб. учено-литерат. о-ва при Юрьев. ун-те, т. XI. Юрьев, 1907, с. 18—58.

верситете, — пояснял Е. А. Бобров, — не было обязательных курсовых годовичных экзаменов, но господствовала система добровольной (по прошению) явки на экзамены... С робкими студентами дело оканчивалось обыкновенно так, что товарищи тащили на экзамен буквально чуть ли не на веревке”.³ Николай Языков, безусловно, был робким студентом, но его робость была особого рода, ибо он взвалил сам на себя трудную ношу кандидатского экзамена.

Как бы то ни было, а теперь, имея дерптский аттестат, поэт приобрел право на сдачу экзамена в Московском университете. Но с 12 сентября, в связи с тем, что холера, надвигавшаяся с юго-востока страны, достигла первопрестольной, все учебные заведения были закрыты, а дом Елагиных на два месяца оказался “в самом строгом оцеплении” — никого не впускали и не выпускали, всех окуривали. Согласно правилам карантина, почта не принимала посылок, и Николай Михайлович не мог переслать в Симбирск даже книги. Зато хлора послал “достаточное количество” не только домой, но и “на всякий случай” полпуда “оного вещества благодатного и в Сызрань” — для семьи сестры Прасковьи Бестужевой. И только в начале декабря появилась надежда, что “холера, кажется, прошла”, и поэт поделился с родными приятной новостью: “Пушкин здесь; он во время холеры сидел в деревне (Болдине. — Ж. Т.) и написал множество стихов и прозы: две последние главы “Онегина”, несколько отрывков драматических, критик, эпиграмм на Булгарина, статей полемических и проч. Вот каково!”⁴

В начале января 1831 года закончилось длительное четырехмесячное сидение Языкова в доме Елагиных-Киреевских. Он даже проехался по городу, но неудачно: простудил себе голову, и врачи обязали его две недели не выходить на морозный воздух. Больным он узнал, что в Петербурге от простудного же заболевания на 33 году жизни скоропостижно скончался Антон Антонович Дельвиг — лицейский друг Пушкина и поэт, с которым он тоже давно поддерживал очень добрые отношения, со-

³ Бобров Е. К биографии Н.М. Языкова. Сб. учено-литерат. о-ва при Юрьев. ун-те, т. XI. Юрьев, 1907, с. 18—58.

⁴ Ежегодник... на 1976 год, с. 173.

трудничал в редактируемых им “Литературной газете” и альманахе “Северные цветы”.

“Вчера совершилась тризна по Дельвигу, — писал поэт 28 января в Симбирск, — Вяземский, Баратынский, Пушкин и я, многогрешный, обедали вместе у “Яра”, и дело обошлось без сильного пьянства”. Обсудили даже серьезное дело: как общими усилиями вместо “Литературной газеты”, которая со смертью Дельвига прекращала существование, наладить издание нового журнала.⁵ Однако выход в свет оказался преждевременным, и недуг, постигший Николай Михайловича, заставил его еще две недели лечиться в доме Елагиных. Но когда Пушкин прислал письменное приглашение пожаловать 17 февраля к нему на мальчишник — прощание с холостой жизнью, Языков не усидел дома. В числе приглашенных в только что изысканно отделанную пятикомнатную квартиру на Арбате, близ Смоленской площади, оказались особо близкие хозяину люди: брат Лев Сергеевич, П. Нащокин, Д. Давыдов, Е. Баратынский, П. Вяземский, И. Киреевский, А. Елагин, А. Верстовский и он, Языков.⁶

Александр Сергеевич в этот вечер был необыкновенно грустен, и даже стихи, которые он читал, не отличались веселостью. Сказались переживания, связанные и с кончиной дяди и Дельвига, и с переносами времени свадьбы (то из-за траура, то из-за холерного карантина, то из-за нехватки средств на приданое Наталье Николаевне), и с хлопотами по найму и обустройству квартиры.

Грустил и Николай Михайлович, считавший, что женитьба стесняет свободу творчества поэта. Но незаметно осушал бокал за провозглашаемый тост... а это было противопоставлено ослабевшему от хвори организму. Одним из виновников того, что он охмелел, был новый знакомый — Денис Васильевич Давыдов, чье имение в селе Верхняя Маза Сызранского уезда Симбирской губернии соседствовало с владениями мужа сестры Прасковьи П. А. Бестужева. Легендарный поэт-партизан с генеральским званием, не стесняясь того, что на 20 лет был старше Николая Михайловича, уверял его, что никакой другой

⁵ Языков Н. М. Песни русского поэта, с. 293.

⁶ Волович Н. М. Пушкинские места Москвы и Подмосковья. М., 1979, с. 165.

поэт “не имеет дара” так волновать душу, возвышать ее, “умножать бодрость духа и жажду к битвам и славе”, как Языков.⁷ Сообщая о мальчишнике брату Петру в Симбирск, Николай Михайлович назвал Д. Давыдова “человеком чрезвычайно достойным любопытства во всех отношениях...”⁸ На состоявшемся на следующий после мальчишника день бракосочетании Пушкина Языков не смог присутствовать. Тем не менее пообещал родным, что как только увидит Наталью Николаевну, которая, по слухам, “совершенство красоты”, то опишет ее “с ног до головы”, и заключил: “Думаю, что и то и другое — дела важные в быту супружеском”.⁹

В эти же дни Николай Михайлович сообщает братьям, что его дворовый Иван Чухломский, “по общему свойству сердец человеческих, влюбился здесь в девственницу — дочь отца, не состоявшего в рабстве”, а посему он дал обещание сделать все, чтобы соединились сердца любящих, и просит оформить необходимые бумаги по предоставлению свободы Чухломскому.

Несмотря на нездоровье, поэт скрупулезно выполняет те или иные просьбы родных и в каждом письме уведомляет, какие удалось выполнить. Так, 25 февраля он извещает брата Петра о том, что сочинение профессора Московского университета Г. И. Фишера “Ориктография Московской губернии” еще не вышло в свет. А вот “решета (ситы)”, чертежи которых он прислал из Симбирска для создаваемой машины “для обдελывания овса”, вышлет на будущей неделе. Брату Александру Николай выслал “вещь важную, знаменитую, запрещенную: именно “Историю революции французской” Тьера, вышедшую в Париже в 10 томах.”¹⁰

В этом же письме поэт поведал Александру о созревшем плане: “Отложить попечение об экзамене, потому что, кажется, пора назвать глупыми все мои толки об нем и сборы к нему, а определиться здесь куда-нибудь, хоть в архив (Министерства иностранных дел. — Ж. Т.), примерно на год, прожить этот год в стихописании, а

⁷ Сочинения Д. В. Давыдова, Т. 3. СПб, 1893, с. 182.

⁸ Ежегодник на 1976 год, с. 176.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

потом, получив чин, переселиться в деревню, видя в этом последнем слове глушь заволжскую, жизнь глухую, трудолюбивую и, следственно, благородную и прекрасную”.

Надеясь, что Александр проявит снисходительность к “слабости” и возьмет в соображение талант, поэт излагает брату еще один проект: “Погодин, кажется, оставит университет... нельзя ли его приютить у нас — да наша троица прославит спасенный чудом уголок! Из этого выйдет благословенный монастырь литературный, и бог возлюбил нас, чистых, несвоекорыстных и презревших все суеты мира, обманчивого и пустого!”¹¹

М. Погодин остался профессорствовать в университете, а Николай Михайлович в марте 1831 года сменил гостеприимный, но несколько шумный дом Елагиных-Киреевских на жилье в доме сенатора Алексея Федоровича Малиновского (“два шага от Красных ворот”), возглавлявшего здешний архив МИДа, а на старости лет пустившегося еще писать стихи... Но и на новом месте хворь настигла Языкова. “Я, брат, — писал он 21 апреля Александру, — теперь нахожусь в страдательном положении, вот уже две недели, как не встаю с одра болезни... Теперь, слава богу, кажется, вся эта передрыга, которой одной только не доставало мне, чтобы вовсе знать, что такое жизнь молодая, прославленная поэтами, скоро кончится. Кроме неудовольствия быть больным, теперешние мои обстоятельства возымели вредное влияние и на план мой поскорее определиться в Архив...”

Обострение болезни, конечно, сказывалось на творчестве поэта, но он твердо надеялся, что к концу года напишет 2000 стихов, чтобы выиграть пари, заключенное с отчимом братьев Киреевских Алексеем Андреевичем Елагиным, и, словно отрезая себе путь назад, заявляет брату: “это необходимо: заклад, от которого зависит вся грядущая судьба моя, оселок моей поэтической силы; после того времени соберу все вместе и издам. На лето, — продолжал он, — разумеется, по совершенном выздоровлении, переселюсь я в Ильинское. Туда отправляются через неделю Елагины, у меня будет особенное местопребывание. Деревенская жизнь, вообще приятная сердцу человеческому, теперь мне необходима для восстано-

¹¹ Ежегодник на 1976 год, с. 177.

ления жизненных сил, освежения моего духа после долговременного пребывания в духоте столицы, наконец, для стихописания..."¹²

Когда оно не ладилось, Николай Михайлович читал журнальные новинки, а иногда и романы. Собирался с духом, чтобы проштудировать 10-томную "Историю французской революции" А. Тьера, хотя кое-кто ее критиковал за отсутствие высоких идеалов. "В истории главное факты, — писал он в связи с этим Александру, — а взгляд да будет у всякого свой, тогда только польза истории самодействительна, а вытвердить чудную идею, не переварившуюся на фактах, едва ли полезно, и мне кажется, что главное искусство истории состоит совсем не в сообщении множества фактов и выведении из них мысли, а в расставлении и гармонивании фактов так, чтобы мысль сама собою рождалась в голове читателя — тогда только она будет ему своя, родная, вечная!"¹³

С установлением теплой погоды публика стала разъезжаться из Москвы. Молодая чета Пушкиных переехала в Петербург, М. Погодин — в новоприобретенное имение. Языков же, по приглашению Елагиных-Киреевских, переселился к ним на дачу. В письме от 14 июня к Дюку он с горечью рассказывал: "Нахожусь в деревне, зовомой Ильинское, находящейся верстах в 20 от Белокаменной, на берегу Москва-реки, на месте высоком, осененном различными древами садов и лесов. Я, брат, еще все только что оправляюсь, слаб и бледен..."¹⁴

Словно злой рок довлел над поэтом. После четырехмесячного сидения в доме по случаю холерного карантина в начале 1831 года заболевает "простудой головы", на фоне которой происходит обострение старых хворей. Он настолько ослабевает, что порой и перо не в состоянии держать в руках. Естественно, что в такой тягостной обстановке, продолжавшейся с осени "холерного" года, из-под его пера выходили отнюдь не былые разгульные и веселые вирши. Но творил он и в это сумрачное время достаточно много. В дельвиговых "Северных цветах" на 1831 год была напечатана элегия "На смерть няни Пуш-

¹² Пушкин. Исследования и материалы. Т. XI. Л., 1983, с. 271.

¹³ Там же, с. 272.

¹⁴ Там же.

кина", а в "Деннице" М. Максимовича появилось "Подражание псалму XIV", в котором, правда, редактор по трусости напечатал вместо "свободы" — "природы", и, по выражению автора, "галиматья родилась".¹⁵

На слова Языкова, по случаю прекращения холеры в Москве, композитор А.И. Верстовский написал музыку, и этот гимн 8 марта 1831 года исполнялся хором в концерте в Благородном собрании.¹⁶ Два стихотворения, написанные в связи с кончиной А. Дельвига, были напечатаны в "Северных цветах". Увидели свет, правда, в "Одесском альманахе", три стихотворения, посвященные знаменитой цыганской певице Татьяне Дмитриевне, которая пела свадебную песню Пушкину накануне венчания.¹⁷

Пребывание в Ильинском, хотя и медленно, но благотворно сказывалось на выздоровлении поэта. В письме от 12 июля к брату Александру он назвал очень "полезительным" то, что за последнее время похудел. "Главное и единственное мое занятие и удовольствие, — продолжал он, — составляют мне теперь русские песни. П. Киреевский и я ... нашли довольно много еще не напечатанных и прекрасных. Замечу мимоходом, что тот, кто соберет сколько можно больше народных песен, сличит их между собою, приведет в порядок и проч., тот совершит подвиг великий и издаст книгу, какой нет и быть не может ни у одного народа, положит в казну русской литературы сокровище неоценимое и представит просвещенному миру чистое, верное, золотое зеркало всего русского. Не хочешь ли и ты участвовать в сем деле богоугодном и патристическом?"¹⁸

А Александру Михайловичу и всем другим членам семьи в это время было не до песен: 26 июня на 54 году жизни скончалась матушка, Екатерина Александровна Языкова. Об этом огромном горе братья решили какое-то время больному Николаю не сообщать, ибо это могло совсем подкосить его, да и подорвать стремление к получению чина.

¹⁵ Языков Н.М. Полн. собр. стихотворений, с. 804.

¹⁶ Там же.

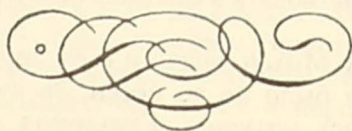
¹⁷ Там же, с. 807.

¹⁸ Литературное наследство, Т. 79, М., 1980, с. 339.

Не ведая о случившемся в Симбирске, Николай Михайлович постепенно набирался сил. Познакомился в Ильинском с 80-летним сенатором — главным директором Межевой канцелярии Иваном Богдановичем Гермесом, принял его приглашение занять в его канцелярии место, которое еще недавно занимал... поэт Е. А. Баратынский!

В конце лета вместе с Иваном Киреевским Языков сочинил водевиль “Вавилонская принцесса”, в котором, впервые в жизни, отважился сыграть (халдейского принца) и, по словам Елагиной, удачно провел свою роль. Обещал он поддержку намерению Ивана Киреевского издавать с 1832 года свой журнал “Европеец”. А брата Петра он теребит 8 сентября просьбой: “Ты, которому известна вся подноготная сельского хозяйства вообще и русского в особенности, ты, который наблюдал многое по сей части и можешь (должен?) писать о ней, потому что грех и великий грех закапывать талант в землю: не решишься ли ты сообщить мне некоторые твои замечания, обратив их в статьи? Я найду им место достохвальное на будущий 1832 год! Воспрянь-ка ото сна и явись на делание общепользное и торжественное!”¹⁹

В эти же сентябрьские дни 1831 года он готовит документы и гардероб, приличный для появления на казенной службе.

¹⁹ Пушкин. Исследования и материалы. Т. XI, с. 273.

Родину свою и пел, и Межевал

Полагаясь на опыт Евгения Баратынского, который за два года службы (без жалованья) под руководством Гермеса был в Межевой канцелярии один лишь раз — когда надо было “присягнуть на чин”, Николай Михайлович 16 сентября 1831 года тоже явился в канцелярию и подписал клятвенное обещание на верную “службу царю и Отечеству”. А через две недели в радужном настроении писал домой брату Петру:

“Я теперь, слава богу, служу благополучно, сидя дома и пища стихотворения; зимой приеду в Симбирск на побывку, посмотреть на вас и показать вам себя, утонченного в теле и устремленного духом на службу Отечеству, на деятельность государственную! Человеку, уже облеченному чином и украшенному святостью присяги царю, вообще лучше под луною, а всего лучше на дорогах: едешь как-то спокойнее, свободнее и проч., а не то, как бывало студентом: почтовые смотрители принимают тебя за семинариста и подсмеиваются...”¹

В письме от 4 ноября в Симбирск к обоим братьям Николай Михайлович поведал о заветном желании издать собрание своих стихотворений: “вообще пора — и потому особенно, что пора переменить мне направление моей Поэзии. Так и будет с 1832 года. А что до сего времени написано, надобно напечатать особо, как своехарактерное. Пришлите же мне зеленой книги!”² “Зеленая книга” — это, по его словам, собрание собственных “прежних грехов и добродетелей”. Новые же стихотворения поэт переплел в три тетради и по окончании этой работы обещал выслать в Симбирск. Стихописание, правда, в связи с приездом в Москву Василия Андреевича Жуковского, почти приостановилось, ибо, как пояснил Николай Михайлович, он все вечера имеет счастье проводить со знаменитым поэтом. А ведь эти часы — главные для его

¹ Пушкин. Исследования и материалы. Л., 1983. Т. XI, с. 275.

² Там же.

творчества: “утро годится только на поправку того, что написано вечером, несмотря на то, что оно слывет мудренее...”³

Среди литературных новостей, о которых поэт поведал в письме в Симбирск, упоминалась баллада, обещанная Жуковским для № 1 “Европейца”, а также пушкинские новинки — “Повести Белкина” и сказка “Балда”. “Не правда, — заявил он в заключение, — что Пушкин сделан историографом Петра: он получил только дозволение от Государя рыться в архивах и в библиотеках!”⁴

В ноябре сановное общество вернулось с дачных мест на зимние квартиры в Москву и, как выразился Языков в очередном послании домой, “здесь теперь все скачет, пляшет и веселится: то и дело балы, театр и проч., украшенные присутствием венценосцев”. Случалось и ему принимать у себя визитеров, да и самому облачаться в модные одежды и ехать в свет. Складывались обстоятельства и так, что приходилось писать стихотворные мелочи-комплименты, то молодой жене своего родича Д. Н. Свербеева, то после концерта “соловья российского” — Прасковьи Бартеновой, ученицы М. И. Глинки. Не оставлял Николай Михайлович и сбора “сказок и присказов” и обработки таковых же, присылаемых родными из Симбирска и Языкова (управляющим имением Иваном Денисовичем Балдовым).

Самым аккуратным образом выполнял он роль поставщика журнальных и книжных новинок братьям и сестрам. В свою очередь, он просил их проводить среди знакомых подписку на журнал “Европеец”, в котором будет участвовать “все лучшее в нашем кругу литературном”, будут печататься “заграничные новости”, написанные симбирянином Александром Ивановичем Тургеневым — “человеком очень образованным, знакомым со всеми лучшими головами в Европе”, а также “Картины частной жизни” О. Бальзака в мастерском переводе на русский Авдотьи Петровны Елагиной.⁵

В те дни, когда удавалось забыть о болящей правой руке и работа ладилась, поэт в письмах к братьям с боль-

³ Пушкин. Исследования и материалы. Л., 1983. Т. XI, с. 275.

⁴ Там же, с. 276

⁵ Там же, с. 276, 277

шой заинтересованностью расспрашивал о круге чтения сестренки — пятнадцатилетней Кати (домашнее прозвище — Котел), о том, что делает для души Дюк в своем “уфимском улусе”, и просил Старика постараться женить его: “он и в чинах, и человек, умеющий жить домом. Или пусть он приедет в Москву: здесь невест вдоволь — каких угодно. Мы ему сыщем самую тонкую и проч., пожалуй, хоть литературную, но заметь, что сие последнее нехорошо для брачного сожития — так же, как и модницы, — надоедят, как можно скорее, а жена не гуся: поигравши на стену не повесишь”.⁶

В самом конце 1831 года Николай Михайлович высылает в Симбирск посылку, а в сопроводительном письме к старшему брату с юмором сообщает: “Тебе, Петр, я посылаю подарок — трубу подзорную, английскую: смотри в нее на месяц, на звезды, на высь беспредельную неба! Она и для хозяйственного наблюдения вещь не лишняя: глаз, ею вооруженный, видит дальше и больше, чем простой...”⁷ Среди литературных новостей поэт счел нужным упомянуть о выходе альманаха “Северные цветы”, которым, однако, Пушкин не вполне доволен: “Он, дескать, не успел ими заняться. Еще важная новость: Д. Давыдов написал биографию Суворова, и мы ее прочтем еще в рукописи, должна быть отлично-хороша: он знает военное дело, любит Суворова, сам герой, и перо у него огненное. Кстати, Петр Никифорович (генерал-майор Ивашев. — Ж. Т.) сказывал, что у него есть собственно-ручный проект Суворова, как идти в Царь-град. Правда ли это? И зачем же он таит под спудом сие государственное сокровище, если точно его имеет?”⁸

Узнав от Петра, что он “открыл в Симбирске голову мамонта и еще огромный остов какого-то допотопного зверя — весь целый”, поэт в письме к Дюку от 20 января 1832 года называет подобные дела “достославными и радующими сердце человека мыслящего!”

Письмо писалось больной правой рукой так, что Николай Михайлович сомневается, сумеют ли родные разобратся в его писании. И тем не менее был повод для

⁶ Пушкин. Исследования и материалы, с. 280.

⁷ Там же, с. 282.

⁸ Там же, с. 283.

мажорного настроения: первые два номера “Европейца”, среди авторов которого были Жуковский, Баратынский, Александр Тургенев, Хомяков, быстро получили признание самого Пушкина, который писал из Петербурга Ивану Киреевскому: “Дай бог многие лета вашему журналу! Если гадать по двум первым № №, то “Европеец” будет долготелен... Кажется, “Европеец” первый соединит деятельность с заманчивостью”. Вместе с тем Александр Сергеевич советовал соблюдать “журнальную экономию”: “Вы напечатали две капитальные пьесы Жуковского и бездну стихов Языкова; это неуместная расточительность... Языкова, довольно было бы двух пьес. Берегите его на черныи день... Сердечно кланяюсь Вам и Языкову”.⁹

Николая Михайловича, естественно, одушевляла столь высокая оценка своего творчества Пукшиным, укрепляла веру в необходимость обработать присланную из Симбирска “зеленую книгу” и довести до конца давнее намерение “по части Музы” — подготовку своего сборника избранного. Увы, уже 3 февраля он с горечью пишет старшему брату: “Излечение десницы (правой руки. — Ж. Т.) моей силой электричества приостановилось было: я ездил электризоваться в Шереметьевскую больницу и при сей верной оказии простудил голову: дело дошло до испанской мухи... Сегодня же водворил в свою обитель оную лечебную машину, нанимая за 50 р. в месяц. Это очень дорого, но ездить за полторы версты ежедневно стоило бы втрое больше, потому что дома могу шпиговаться по несколько раз в день и проч. Да сверх того оно и спокойнее...

Мне чрезвычайно скучно, — продолжал Николай Михайлович, — работа поправлять то, что писано много лет за 8, под другим небом, при иных обстоятельствах, в ином духе, при меньшем числе лет автора и меньшем количестве парнасских опытов, есть работа и очень непривлекательная, утомительная и едва ли благодарная. Многое придется вынимать: много было хорошо прежде, а теперь хоть брось.”¹⁰ И тем не менее поэт подготовил рукопись книги и сдал ее в московскую цензуру, чтобы после проверки издать за свой счет.

⁹ Пушкин А. С. ПСС. Т.10, с. 331—314.

¹⁰ Пушкин. Исследования и материалы, с. 285.

Увы, в это время разразилась гроза: Николай I, познакомившись с № 1 “Европейца”, разгневался на И. Киреевского за то, что в статье “XIX век” тот якобы под словом “просвещение” намекал на “свободу”, а под выражением “искусно отысканная середина” — на конституцию... Издание “Европейца” было запрещено, а цензуре было приказано усилить свой надзор. Печальная участь постигла и рукопись Языкова. Извещая об этом в письме от 15 марта 1832 года брата Петра, он с горькой иронией заметил о результатах работы цензора: “Мои стихотворения вышли чрезвычайно обкарнанными из-под пера Льва Цветаева (профессора. — Ж. Т.): этот Лев — осел! Не знаю уже, почему не пропустил он “Ливонию”. Слово “свобода” я должен был везде заменить другим, где было только возможно, я ставил “природа” и проч. Сношусь со Смирдиным (книгопродавцем. — Ж. Т.) через Комовского”.¹¹

В письме к Алексею Вульффу от 30 марта Николай Михайлович, не вдаваясь в подробности, невесело констатировал: “У меня было намерение издать собрание своих стихотворений. Цензура не пропустила; но рука времени так пригладила вольные кудри моей Музы, что она больше походит на рекрута, нежели на студентскую прелестницу, и я решился подождать других обстоятельств”.¹² К этим неприятностям прибавились глубокие переживания, связанные с потерей в семье Елагиных. Евгений Баратынский, находившийся в Казани, с сердечным участием вопрошал у Ивана Киреевского: “Что с бедным Языковым, больным и пораженным смертью матери? Уведомь меня о нем. Сколько вам горя в одно время!”¹³

Случились еще какие-то неприятности у Николая Михайловича, и он решает на время перебраться из Москвы в родные волжские края. Воспользовавшись оказией (через зятя Валуева — мужа сестры Александры), он передал братьям свой “план приезда в Симбирск”, а в письме от 30 марта 1832 года к Дюку отвел душу откровением: “Я все как-то не на своем месте, пишу не в приволе, а урывками, все надеясь на будущее лучшее, а оно покуда еще

¹¹ Языков Н. М. Сочинения. Л., 1982, с. 352.

¹² С.-Петербургские ведомости, 1866, № 175.

¹³ Баратынский Е. А. Стихотворения. Письма. М., 1987. с. 236.

не приходит! Если совершится желание мое, вероятно совершится в мае, посетить ваши страны приволжские, то я пробуду у вас долго — например, хоть до зимы, проводя время в семейственном счастье, какое только возможно человеку молодому-холостому, и работая стихи и таким побытом заживая и зарабатывая оную сумму!”¹⁴

На сей раз ничто не помешало осуществлению поездки, и 27 апреля поэт сообщает старшему брату в Симбирск: “Я занимаюсь уже приготовлением экипажа, разных разностей и всякой всячины к моему путешествию: бричка, в которой приехал сюда в прошлом году Василий Афанасьевич, является очень удобною для сего моего важного предприятия, которое есть подвиг. Не знаю еще куда, которого числа совершится мой выезд из Белокаменной, не знаю, одинок ли и тих поеду я, канцеляристом, существом вовсе безоружным против всех притеснений, задержек и проч., или под генеральскою формою Д. Давыдова... Ганемановых сочинений (по го-меопатии. — Ж. Т.) в Москве нет ни у единого из книгопродавцев, и должен ты, Петр, отнестись теперь к Александру, прося его отнестись к Комовскому, — в Питере, верно, их сколько угодно”.¹⁵

По каким-то причинам воспользоваться генеральским прикрытием поэта-партизана не пришлось, и в начале мая московская газета “Молва” (1832, № 68) оповестила читателей, что “Языков уехал на лето в Симбирск”, где займется перестройкой своей “звучной лиры”. Корреспондент не совсем точен: Николай Михайлович, как и его родные, летние месяцы проводил не в городе, а в Языкове, где сама природа оказывала благотворное влияние на здоровье и настроение поэта и где каждый обитатель приветливо относился к этому добродушному человеку.

Свою радость возвращения в отчий край Николай Михайлович выразит в звучных и задушевных строках:

*Прими ж привет, страна родная,
Моя прекрасная, святая,
Глубокий, полный мой привет!
Отныне вся моя судьбина
Тебе! Люби же и ласкай*

¹⁴ Пушкин. Исследования и материалы, с. 286.

¹⁵ Там же.

*И береги меня, как сына,
А, как раба, не угнетай!
Даруй певцу приют смиренный
В виду отеческих лесов,
Жить самобытно, неизменно
Для дум заветных и стихов!..*¹⁶

Окрестные деревни оказались богатой целиной для сбора народных песен. По призыву Николая Михайловича в этом деле с увлечением участвовали его братья и сестры. Киреевский, Баратынский, Комовский и Пушкин не забывали его. Кстати, 11 июля Александр Сергеевич обратился к Ивану Киреевскому и Языкову с сердечной просьбой о сотрудничестве в разрешенной ему политической и литературной газете “Дневник”. “Николай Михайлович ленив, — писал Пушкин Киреевскому, — но так как у меня будет как можно менее стихов, то моя просьба не затруднит и его... Прошу у вас советов и помощи”.¹⁷ (Увы, советы и помощь не понадобятся: власть предержавшие аннулируют свое разрешение на издание пушкинской газеты).

Этим летом Николай Михайлович вместе со Стариком всерьез занялся переводом “Гомеопатических таблиц” Гартлауба. 11 августа он сообщил Дюку в уфимское имение: “Ежедневными и решительными опытами удостоверяемся в истине великого закона природы, открытого Ганеманом. Мы уже одолели, — с удовлетворением заключил он эту новость, — головные, глазные и ушные боли... Работа довольно трудная”.¹⁸ И как братья были рады, когда получили от столичного книгопродавца “Гомеопатическую библиотеку”, изданную на французском языке в Женеве.

В начале октября Василий Дмитриевич Комовский (брат лицейского товарища А. С. Пушкина, чиновник Главного управления цензуры) сообщил Николаю Михайловичу о том, что книгопродавец Смирдин издал “Русские сказки из предания изуственного на грамоту гражданскую положенные и поговорками ходячими разукрашенные Владимиром Луганским”, из которых под № 4 (“Новинка-дикое

¹⁶ Языков Н.М. Стихотворения и поэмы, с. 289.

¹⁷ Пушкин А.С. ПСС. Т.10., с. 321.

¹⁸ Языков Н.М. Свободомыслящая лира. М., 1988, с. 218.

винка, или Назидательное чудо, несравненное диво”) автор, то есть Владимир Даль, посвятил Н. М. Языкову. Одновременно Комовский настоятельно просил Николая Михайловича возобновить дело об издании сборника своих произведений.

“Не знаю, что сказать вам об печатании собрания моих стихотворений, — отвечал поэт в письме от 20 октября, — не лучше ли отложить его — даже в долгий ящик? Впрочем, и это дело вовсе зависит от брата Александра, потому что я сам имею честь от него зависеть: им, так сказать, живу и движусь. Сердечно благодарю вас за известие о печатании повестей А. Бестужева (Марлинского. — Ж. Т.) и повестей же Даля; одну из сих последних (именно о “Сержанте”) я знаю; тут есть дух русский... Не забудьте поручить Смирдину доставить для нашего обихода экземпляра три повестей Бестужева и Даля — при первом их появлении”.¹⁹

Увы, в следующем письме Комовский поведал об аресте В. Даля и всего тиража его “Сказок”: “Даля спасли, без сомнения, — продолжал он печальную информацию, — его нелитературные подвиги в Турции и Польше... Хорошо, что не напечатана, как сначала предполагалось, сказка о Калиниче, который тузит и святых, и грешных, была бы тогда возня еще и с попами... Видели ли вы “Стихотворения” Давыдова?... “Повести Белкина” выйдут и к вам пойдут в трех экземплярах на днях”.²⁰

Тем не менее, несмотря на цензурные страсти, Александр Языков, прибывший в Симбирск из уфимского имения, в начале зимы отправил В. Комовскому тщательно подготовленную подборку стихотворений брата для издания отдельным томом. Против ожидания Комовскому удалось чрезвычайно быстро продвинуть рукопись через цензуру, и уже 4 января 1833 года он сообщает поэту в Симбирск, что “завтра начнется набор”!

Итак, московская пора, когда Николай Михайлович, “уже чиновник русской службы... родину свою и пел, и межевал”, не пропала даром: его напряженные труды по комплектованию поэтического сборника, а также весомый вклад Дюка могли, наконец, увенчаться заветным

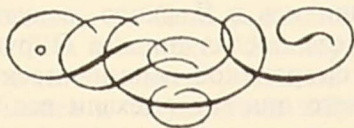
¹⁹ Литературное наследство. Т. 19—21. М., 1935, с. 89.

²⁰ Там же, с. 91.

плодом! И вот неожиданно быстро наступил тот февральский день 1833 года, когда Языковы получили в Симбирске посылку из Петербурга с сигнальным экземпляром "Стихотворений". Николай Михайлович тотчас же, 14 числа, набросал послание Комовскому, в котором, не скрывая своей радости, писал: "Получили, получили и благодарим, благодарим! Все хорошо, все красота! Шрифт, бумага, формат, приличные в надлежащих местах виньетки, безошибочность букв и препинаний, словом, все, без малейшего исключения, — превосходно! Я не ожидал явиться в публику в виде столь щегольском, можно сказать, изящном. И вот всем этим я обязан вам, вам одному!"²¹

В этом же письме он попросил Комовского разослать "Стихотворения" (с дарственными надписями от имени автора) собратьям по перу: И. А. Крылову, А. С. Пушкину, П. А. Вяземскому, Н. В. Гоголю, В. И. Далю, А. А. Бестужеву-Марлинскому, графу Д. И. Хвостову, А. Н. Очкину, П. В. Киреевскому, а также некоторым знакомым в столицах, Дерпте, Одессе и Херсоне.

Теперь наступала пора волнительного для каждого автора ожидания откликов в печати на появление первого своего детища.

²¹ Литературное наследство, Т. 19—21, с. 96.

Свое тридцатилетие, 4 марта, Николай Михайлович, по настоянию родных, встречал не в имении, а в Симбирске, куда по этому случаю съехались члены семьи Языковых, родственники и близкие. Издалека примчался на этот юбилей и Дюк, которого поэт называл “изгнанником-самовольным”, за то, что он последний год почти безвыездно сидел в своем “любимом улусе” — уфимском имении. Из сызранской Репьевки приехали Прасковья (Пируша) с сестренкой Катей (Котлом) и мужем Петром Александровичем Бестужевым. Петру (Старику) с женой Елизаветой Петровной добираться было несложно, ибо дорога от Ундор была короткой (35 верст) и более ухоженной, чем все другие. На торжество в языковский особняк на Спасской пожаловали члены родственных семей — Ермоловых, Ивашевых, Хованских и близкие знакомые.

Конечно, к поздравлениям, обычно произносимым в день рождения, прибавлялось и по поводу тома “Стихотворений”. Досадно, правда, что Комовский, приславший месяц назад сигнальный экземпляр, задерживался с доставкой остальных, и автор не имел возможности подарить свой долгожданный сборник стихов всем близким.

После серии ответных обязательных визитов брата 19 марта отправились в Языково, откуда Николай Михайлович 21 числа послал письмо Пируше, отбывшей с мужем в свое сызранское имение несколькими днями раньше: “Третьего дня мы выехали все трое гурьбой из Симбирска, часу в четвертом по полудни; прибыли сюда того же числа в самую полночь, отогрелись чаем, что было нелишне после холода и ухабистой дороги... Как вы дотацились до Репьевки? Слышно было, что дорога туда больно плоха, особенно две первые станции от города Симбирска... Вы скоро получите из Москвы много книг для чтения, по-прежнему заведите литературные беседы и читайте много. И Пушкин сказал: “Что просвещает ум? Питает душу? — Чтение!”¹

¹ Пушкин. Исследования и материалы, с. 287.

Вместе братья пробыли всего несколько дней, и Дюк укатил в Уфу, торопясь перебраться по льду через Волгу и до распутицы вернуться в свое имение. А 14 апреля Николай Михайлович смог с удовлетворением сообщить о долгожданной посылке из Петербурга: “Наконец мы получили мои стихотворения в переплете, как было прошено. Великолепно убранный книжку труда моего отсылаю к Комовскому, совершившему дело издания отчетисто, красиво, достохвально, совершенно!”²

И действительно, отпечатанный в известной “Типографии вдовы Плюшар с сыновьями” томик, вместивший 116 стихотворений и украшенный 66-ю виньетками, выглядел весьма изящно. Внимание читателей привлекало четверостишие Гете на немецком языке, поставленное эпиграфом на титульном листе:

*Тот, кто хочет понять поэзию,
Должен отправиться в страну поэзии.
Тот, кто хочет понять поэта,
Должен отправиться в страну поэта.*

Для близких товарищей, ведавших, каких трудов стоило продвижение рукописи через различные препоны, поэт прилагал к своей “стране” — “Стихотворениям” некоторые пояснения. В записке однокашнику по Дерптскому университету Алексею Вульффу он писал: “Прочти жен их с улыбкой задушевной, ради блаженной памяти жизни студенческой твоей и моей. В сем собрании ты найдешь и кое-что новое — правда, мало — но что же делать? Таковы судьба моя покуда: я все еще живу непостоянно, не имея оседлости, быта уединенно-поэтического и иного прочего...”³ А в записке к Денису Давыдову, приложенной к “Стихотворениям”, Языков напомнил, что его поэзия рождалась в “студентски-забубенной” среде, и просил:

*Не удивляйся же ты в ней
Разливам пенных вдохновений,
Бренчанью резкому стихов,
Хмельному буйству выражений
И незастенчивости слов!*

Между тем в Языково стали поступать отклики на книгу. Первым пришел от графа Хвостова, который, выражаясь

² ИРЛИ (Пушкинский дом), Ф. Языковых, № 1481, ил. 9, 10.

³ С.-Петербургские ведомости, 1866, № 175.

словами Николая Михайловича, прислал три письма с "похвалами самыми торжественными и пышными". Затем прибыл № 74-й болгаринской "Северной пчелы" с анонимной хвалебной рецензией, но поэт догадался, что это дело рук Очкина. В связи с этим Иван Балдов, ставший в Языкове помощником Николая Михайловича не только по сбору фольклора, но и вообще по литературным делам, сделал в письме поэта к Дюку любопытную приписку: "74-й № "С. Пчелки" весьма много нас здесь покуражил. Видно нечестивый Ф. Булгарин не смог отказать справедливому таланту Николая Михайловича! Дай бог ему путь дальше и дальше! Что-то возгласит присяжный Полевик (Н. А. Полевой. — Ж. Т.)? Бога ради пришлите "Телеграфы" его разбора; если он осмелится дерзнуть, то есть что-либо на свой лад, то боже упаси его, здесь все восстанет для его поражения. У Николая Михайловича ужасная переписка со всеми литераторщиками нашего парнасского края. Даже Иоакимф Бичурин сегодня прислал свои переводы о Китае. Давыдову (Денису. — Ж. Т.) послан лучший экземпляр стихов и прочим досталось благодаря богу. После этого, я думаю, легко идти дальше — начали готовить белые книги (чистые тетради. — Ж. Т.) уже. Будут сочиняться большие повести, поэмы и часть о великом Петре!"⁴

Поразительно, как бывший крепостной, а ныне управляющий языковским имением Иван Денисович Балдов, имевший уже и свою семью, настойчиво занимаясь самообразованием, достиг того, что довольно свободно ориентировался в литературной жизни страны и, главное, благодаря своей смекалке и интуиции способен был дать справедливую и остроумную оценку произведениям различных авторов. Оказывал он незаменимую помощь Николаю Михайловичу в поисках среди крестьян сказочников и записи от них песен, духовных стихов, сказаний.

К середине апреля водополье в Языкове, продолжавшееся на сей раз всего-то дня три, кончилось. Поэта радовало, что "поля уже зеленеют, лес готовится распустить свои листья, все благоухает и цветет и возродится для счастья жизни". Сообщая о торжестве весны Дюку в письме от 22 апреля, он уведомил и о том, что они с

⁴ Пушкин. Исследования и материалы, с. 295.

Петром едут в Сызранский уезд, в села Головино и Репьевка, где находились имения двух Бестужевых — Петра Александровича, мужа сестры Прасковьи, и Александра Васильевича, соседа и приятеля Дениса Давыдова.⁵

Эта поездка стала очередным звеном в этнографических разысканиях, в которых активно участвовали все Языковы. Екатерина (Котел) по просьбе брата записывала песни, по ее словам, “почти всех стариков и старух”.⁶ Поездка оказалась удачной, и 15 мая Николай Михайлович писал Алексею Вульффу:

*Мой друг! Поздравь же ты меня
С восходом счастливого дня,
С давно желанной мирной долей,
С веселым сердцем, вольной волей,
С живым трудом наедине!
Я руки в боки упираю
И вдохновенно восклицаю:
Здесь дома я, здесь лучше мне!...⁷*

Через десять дней, продолжая фольклорные разыскания, он отправляется на ярмарку в уездный городок Карсун, случайно встречается, говоря его словами, с “известным поэтом, или паче ориенталистом (востоковедом. — Ж. Т.) симбирским, Ознобишиным”, и воодушевляет уважаемого Дмитрия Петровича на собрание русских народных песен.

В мае Дюк прислал ожидаемый в Языкове номер “Московского телеграфа” с рецензией на “Стихотворения”, написанной братом издателя журнала Ксенофонтом Полевым. Главный упрек критика сводился к утверждению, что Языкову, мол, присущи “односторонность и какая-то холодность чувства”, да недостает “индивидуальности поэтической”. Но и он признал, что “стих г-на Языкова закален громом и огнем русского языка. Немногие из стихотворцев русских умели так счастливо пользоваться богатством выражений и неожиданных оборотов нашего могучего языка!”.

Петр Киреевский, сообщая Николаю Михайловичу о впечатлении, которое произвела на него книга “Стихо-

⁵ Языков Н. М. Стихотворения и поэмы, с. 288.

⁶ Собрание народных песен П. В. Киреевского. Л., 1977. с. 32.

⁷ Языков Н. М. Стихотворения и поэмы, с. 290.

творений”, писал ему: “Я читаю их всякое утро, и это чтение настраивает меня на целый день, как другого молитва или рюмка водки. И не мудрено: в стихах твоих и то, и другое: какой-то святой кабаk и церковь с трапезой во имя Аполлона и Вакха. То же действие, какое на меня, производят стихи твои на Баратынского и Хомякова”.

Нетрудно представить, с какими чувствами читал автор восторженный отзыв Дениса Давыдова, обращенный к нему, соседу и собрату по перу: “Никто более вас, любезнейший по уму и почтеннейший по возвышенным чувствам, Николай Михайлович, не имеет дара волновать мою душу и владычествовать над нею своевольно деспотически. Вы мой единственный Тиртей или, по-солдатски, вы мой нравственный отец и командир; один стих ваш — и я в огне боев, весело и безотчетно”.

Тепло откликнулся на присланные ему “Стихотворения” профессор М. Максимович: “Благодарствую от души за собрание стихов Ваших; их давно ожидала литература наша, и теперь все читают их да похваливают: честь и слава Языкову! Будем у него учиться Русскому огнедышащему слову!”.

Трогательным оказался отзыв Петра Никифоровича Ивашева, присланный из имения в Ундорах: “Почтенному и милому нашему поэту и мне всегда любезнейшему другу Николаю Михайловичу свидетельствую благоговейшую благодарность за приятнейший подарок. Вы предупредили мое стремление выписать Ваши “Стихотворения” по первому вчера полученному извещению в “Ведомостях”. Ваше внимание пребудет для меня драгоценным памятником Вашей дружбы и новым утешением сердцу Вам преданного Ивашева”.

Имя Петра Никифоровича Ивашева, сподвижника Суворова и героя Отечественной войны 1812 года, было у многих, как говорится, на слуху. Это он возглавил инициативную группу дворян, где были и Языковы, которая обратилась к симбирскому губернатору А. М. Загряжскому в июле 1833 года с прошением об исходатайствовании разрешения на проведение всероссийской подписки по сбору пожертвований на памятник земляку-историографу, “великому бытописателю Николаю Михайловичу Карамзину, творениями своими имевшему столь реши-

тельное, прочное и благотворное влияние на просвещение любезного Отечества”.

Широкая общественность узнала о почине симбирян, собравших в короткий срок более шести тысяч рублей, из заметки, появившейся в “Северной пчеле” об обеде, данном литераторами в честь поэта и баснописца Ивана Ивановича Дмитриева, земляка и друга Карамзина. Присутствовавшие на нем П. А. Вяземский, Д. И. Хвостов, А. С. Пушкин, И. А. Крылов, П. А. Плетнев, Д. В. Давыдов и другие его участники тут же подписались на 4523 рубля.

П. Н. Ивашев пояснил 19 августа сыну-декабристу, томившемуся в Сибири, как он и его близкие мыслят памятник в Симбирске: это — “дом для помещения библиотеки всех полезных изданий на русском языке для общественной пользы, а в главном зале поместить мраморный бюст на пьедестале, заключающем все его творения. Такой памятник более и полезнее других будет существовать и послужит украшением города общей занимательностью и для постороннего лица”.

Николай Михайлович, с восторгом относится к этой благородной идее, усиленно пропагандировал ее среди своих столичных знакомых. 23 августа он писал М. Максиму: “Здесь идет великий шум о сооружении памятника Карамзину — все грамотные, полуграмотные и даже безграмотные спешат уделять от достояния своего на сие достохвальное дело... Что-то сделает ваша Москва по сей части — особенно университет! Наблюдайте за всем этим и извещайте меня хоть изредка”.

Сам поэт со студенческой скамьи был поставщиком и беллетристики, и серьезной литературы для своих родных и знакомых. неудивительно, что семейная библиотека Языкова стала одной из лучших в крае. С какой настойчивостью он распространял полезные издания, можно судить по таким его деяниям лета 1833 года. Поэта привела в восторг написанная для простонародья “Книга Наума о великом Божием мире” М. Максимова, в которой тот с блеском проявил обширные познания по естественным наукам и талант популяризатора. Кстати, и сам Языков принял в ней участие, доставляя профессору “разные народные слова и мнения, до природы касающиеся”, вплоть до крестьянских названий разных созвездий. Как только эта книга оказалась у Николая Михайловича в руках, он,

поблагодарил автора за это “дело чрезвычайно полезное”, заказал себе 40 экземпляров и заверил при этом: “Я буду распространять свет, ею изливаемый”. Твердо веруя в силу гомеопатии, Николай Михайлович попросил М. Максимовича найти хорошего специалиста для перевода с немецкого на русский монографии “Терапия” врача-гомеопата Гартмана. За этот труд Языковы уплатили профессору Ф. Ф. Графу 1200 рублей и издали книгу за свой счет, без упоминания своей фамилии. Примечательно, что Денис Давыдов, страдавший астмой, узнав о намерении Николая Михайловича издать в Москве “Терапию” Гартмана, выразил горячее одобрение: “Ради бога, не мешайте пустить предприятие ваше, вы этим много добра сделаете...” Одновременно и просил прислать и переведенные в Языкове гомеопатические “Листки Гартлауба”.

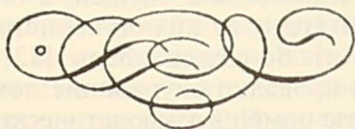
Столичные литераторы, несмотря на летний спад деловой активности, старались загодя заполучить у Николая Михайловича новые творения. Тот же М. Максимович в письме от 15 июля напоминал, что к декабрю он затевает третий выпуск альманаха “Денница” и ждет обещанных “300 стихов”. В число их входили и языковские фольклорные записи, например, семь вариантов песни об Иване Грозном. Но основная часть подобных записей, в том числе и тех, которые собирал Александр Михайлович на берегах Камы и Белой, по-прежнему направлялись П. В. Киреевскому.

Словом, несмотря на то, что Николай Михайлович уже более года находился в глубокой провинции, он продолжал активное участие в литературной жизни обеих столиц. В целом поэт был удовлетворен и тем примером, который был оказан выходу в свет томика “Стихотворений”. Хотелось, правда, услышать мнение трех собратьев по Парнасу, чьим мнением он особенно дорожил. В письме к князю П. А. Вяземскому в Москву Николай Михайлович счел возможным написать в связи с рассылкой своих “Стихотворений”: “Пушкин некогда обещался отстаивать честь моей музыки; если, дескать, он получит на то литературные ярыжки. Потрудитесь напомнить ему об этом обещании...”

Петр Андреевич был обязательным человеком и при первой же возможности выполнил просьбу уважаемого поэта-волжанина. Письмо же из Симбирска попало к не-

му с большим опозданием, ибо он отдыхал в Дерпте. Но если князь и передал это напоминание Пушкину (квартировавшему с семьей на Черной речке, близ Петербурга), то это случилось уже в июле, когда Александр Сергеевич был весь в радостных хлопотах в связи с рождением первого своего сына — Александра. А 30 июля в письме из Черной речки к адмиралу А. Н. Мордвинову (с тем, чтобы получить разрешение царя) Пушкин заявляет, что хочет посетить Казанскую и Оренбургскую губернии, где происходит большая часть действия его нового романа. В последующие же полмесяца поэт будет занят подготовкой к путешествию в Поволжье и на Урал, во время которого предусматривалась обязательная остановка в Симбирске и, конечно, встреча с Языковым.

Николай Михайлович ничего не знал об этом и по приезде Александра из Уфы направился вместе с ним в гости к сестре Прасковье в Сызранский уезд, да и продолжить там среди старожилов-крестьян записи народных песен и сказаний. И кто бы мог подумать, что именно во время отлучки из Языкова здесь появится сам Пушкин...

⁵ Пушкин. Письма. Т. III. М., 1935, с. 95.

Языково дважды посещает

А. С. Пушкин

Многие симбирские помещики вели сезонный образ жизни: с наступлением апрельского тепла они с семьями устремлялись в свои имения, а глубокой осенью во главе санного обоза со всевозможными съестными припасами возвращались в городские усадьбы.

Петр Михайлович Языков отличался от большинства своих знакомых тем, что одним из первых отправлялся в родовое Языково и чуть ли не последним возвращался в Симбирск. В определенной мере это объяснялось тем, что никто из его пятерых детей не учился в казенном учебном заведении, а следовательно, не был связан с началом и окончанием учебного года. Главное, что держало Петра Михайловича большую часть года в Языкове, это заботы по ведению обширного хозяйства (он ведь управлял и долей имения, принадлежавшей брату-поэту): под его наблюдением проводились не только обычные работы, но и происходило внедрение высокоурожайных сортов семян зерна, картофеля и овощей, а также новейших агрегатов и машин (одну из них он сконструировал сам и имел патент на нее). Во время холеры 1831 года и других эпидемий он сам проводил окуривание помещений, оказывал медицинскую помощь гомеопатическими препаратами всем крестьянам, учил правилам гигиены и санитарии.

Лето 1833 года выдалось очень засушливым. Беда заключалась не только в скудном урожае, но и в том, что к началу сентября и озимые посевы оказались в плачевном состоянии. Вот почему Петр Михайлович после августовского совещания дворян по поводу создания памятника Н. М. Карамзину в Симбирске оставляет жену Елизавету Петровну с четырьмя детьми у тестя-генерала в Ундорах, а со старшей дочерью, восьмилетней Сашей, едет в Языково, чтобы из своих запасов выдать крестьянам хлеб на пропитание и корма для скота¹.

¹ Российская национальная библиотека (РНБ), рукописный отдел, ф. 112 (Ивашевых), № 5784, л. 37.

Появление в Языкове вечером 11 сентября Александра Сергеевича Пушкина стало для Петра Михайловича полной неожиданностью, в которую трудно было поверить. Как принял хозяин столичного гостя и знаменитого поэта? Три года спустя, встретившись в Москве с Екатериной Языковой, Пушкин рассказывал, что ее брат Петр сначала “не хотел даже говорить с ним, но потом так обошелся, что через полчаса они сделались друзьями”.²

Думается, что Александр Сергеевич сказал это полусуто, чтобы оттенить комизм своего внезапного появления в Языкове и растерянность его владельца, не привыкшего принимать у себя в имении незнакомых людей. В действительности же Петр Михайлович, хотя и не умел играть роль очень уж гостеприимного хозяина, что объясняется его природной застенчивостью и даже “дикостью”, но был интеллигентом в самом высоком понимании этого слова. Несмотря на чересчур серьезное выражение его мужественного лица, немногословность и твердые нотки в голосе, он был незлобивым и гуманным, кристально честным и нравственно чистым человеком, наделенным чувством юмора. Он никого и ни в коем случае не позволил бы себе поставить в неловкое положение, а тем более Пушкина, о котором так много был наслышан от брата и чьи произведения читал и сам.

Вот почему Петр Михайлович так “обошелся” с этим-путешественником, что не прошло и получаса, как они сделались друзьями. И случилось это, конечно же, после того, как Александр Сергеевич побывал в баньке, сменил дорожный костюм на светский и Петр Михайлович пригласил гостя к празднично накрытому столу.

В ходе завязавшейся дружеской беседы поэт поведал, как проходит его путешествие и работа по сбору материалов о крестьянском восстании под руководством Емельяна Пугачева, о новостях литературной жизни в столицах. Вполне вероятно, что Александр Сергеевич при этом повторил свои слова, сказанные им недавно Н. В. Гоголю в связи с прочтением сборника творений Николая Ми-

² Искусство, 1928, кн. 1—2, с. 156—157.

хайловича: “Зачем он назвал их “Стихотворения Языкова”! Их бы следовало назвать просто: “Хмель!” Человек с обыкновенными силами ничего не сделает подобного: тут потребно буйство сил”.³

Для Пушкина не было тайной, что жена Петра Михайловича, Елизавета Петровна, вела регулярную переписку со своим братом Василием Ивашевым и его женой-француженкой Камиллой, томившимися в Сибири, оказывала им существенную материальную помощь и была в курсе основных новостей в жизни их ближайшего окружения — Зинаиды Волконской, Николая Бестужева и других, пострадавших в связи с восстанием 14 декабря 1825 года. Поэт не мог не восхищаться тем, с какими любовью и уважением говорил Петр Михайлович о шурине-декабристе и его жене, добровольно последовавшей за любимым в далекую Сибирь, с каким участием относился к их неслыханно тяжелой судьбе.

О чем бы еще ни шел разговор в этот вечер — участии ли Языковых в создании общественной библиотеки в память Н. М. Карамзина, сборе ли народных песен и сказаний, стремлении ли Петра Михайловича создать губернский музей или усилиях по составлению обширных коллекций минералов и окаменелостей, собранных им в Поволжье, Пушкин все больше и больше проникался уважением к своему собеседнику за то, что он без всякой рисовки и надежд на общественную признательность посвоему и неуклонно творил добро, вносил серьезный вклад в науку. Свое глубокое удовлетворение от нового знакомства поэт выразил на следующее же утро, 12 сентября, в письме из Языкова к жене: “Сегодня еду в Симбирск, отобедаю у губернатора, а к вечеру отправлюсь в Оренбург, последняя цель моего путешествия. Здесь я нашел старшего брата Языкова, человека чрезвычайно замечательного, которого готов полюбить, как люблю Плетнева или Нащокина”.⁴

Такими многозначительными признаниями Александр Сергеевич не разбрасывался. И если уж он поставил нового знакомого в один ряд со своими давними ближайшими друзьями, то только потому, что заметил сходство

³ Разговоры Пушкина, М., 1929, с. 127.

⁴ Пушкин А.С. ПСС., т. 10, с. 348.

между ними в самом важном для себя. Петр Языков, как и профессор-словесник Петр Александрович Плетнев, тоже отличался безукоризненной честностью, глубоким состраданием к декабристам и бескорыстным служением науке. А Павла Воиновича Нашокина старший Языков напоминал своей широкой осведомленностью в литературе, живостью и остротой ума, большой опытностью в житейских делах, удивительным добродушием, умной, терпеливой снисходительностью и высоким чувством собственного достоинства.

Можно только удивляться, как это удалось Пушкину, в течение одного вечера общаясь с незнакомым собеседником, как истинному кладоискателю, за внешним образом “увальня” и нелюдимого хозяина разглядеть “чрезвычайно замечательного человека”. Тепло распрощавшись с Петром Михайловичем и пообещав в конце месяца, на обратном пути из Оренбурга, вновь завернуть в Языково, Александр Сергеевич просил его известить об этом брата-поэта, чтобы повидаться с ним.

Николай Михайлович в это время в обществе любимого Дюка совершал фольклорную экспедицию в Сызранском уезде. В общем она проходила успешно — только в Сызрани им удалось записать у сказочников два десятка на редкость оригинальных сказов и песен, которые после небольшой обработки станут достойным пополнением коллекции, да и украшением московского альманаха “Денница” М. Максимовича. Внесли свою лепту в семейное фольклорное собрание записей сестра Прасковья и ее муж Петр Александрович Бестужев.

Первая декада сентября оставалась все еще погожей, и Николай Михайлович с Дюком непрочь были бы проехать 18 верст до Верхней Мазы, чтобы навестить Дениса Давыдова, но в последний момент выяснилось, что бравый поэт-гусар, презрев ревматизм и прочие свои хвори, умчался в Оренбуржье вершить хозяйственные дела и заодно использовать прекрасную возможность поохотиться в компании с армейскими приятелями.

В середине месяца, когда братья и сами готовились к возвращению домой, прибыл нарочный от Старика с сенсационным сообщением о том, что из Симбирска приезжал в Языково Пушкин, который находился там проездом из Петербурга в Оренбуржье. Самое же интересное

заклучалось в том, что через пару недель, на обратном пути, Александр Сергеевич пообещал снова навеститься, чтобы встретиться с “родней по вдохновенью”.

Оживленно обсуждая эту поразительную новость, братья, не мешкая, отправились в Языково. Петр Михайлович неторопливо, но довольно подробно воссоздал картину общения с Пушкиным, его рассказ о цели путешествия, впечатлениях о пребывании в Симбирске, литературных новостях столиц и его желании вовлечь Николая в свои литературные предприятия.

Утром в пятницу 29 сентября 1833 года Пушкин, как и обещал, подкатил к парадному крыльцу особняка Языковых в их имении. За 17 дней, прошедших со времени расставания здесь же с Петром Михайловичем, он преодолел около полутора тысяч верст, причем за последние полсотни верст, когда начался снегопад, коляску пришлось поставить на полозья.

Существует предание, будто Александр Сергеевич, застав братьев “одетых по-домашнему в халатах, пристыдил их и разбрал за азиатские привычки”. Но в это трудно поверить, ибо Николай Михайлович вообще не особенно-то любил облачаться в халат. Да и гость не позволил бы себе ускорять хозяев за какие бы то ни было привычки: со своим уставом, как известно, в чужой монастырь не являются. А вот что после радостных объятий и приветствий путник получил желанную русскую баню, а после нее был усажен за хорошо приготовленный поваром стол — это было совершенно точно.

О том, что встреча проходила в непринужденной, дружеской атмосфере, видно из письма Пушкина к жене в Петербург, которое он отправит через несколько дней из своего Болдина. Делясь с Натальей Николаевной впечатлениями о поездке в Поволжье и на Урал, он с удовлетворением отметил: “Проезжая мимо Языкова, я к нему заехал, застал всех трех братьев, отобедал с ними очень весело, ночевал и отправился сюда”.⁵

В таком же духе сообщил и Александр Языков своим сестрам о пребывании в их имении Пушкина: “... В общесте он очень забавен, и время с ним провели весело...”⁶

⁵ Пушкин А.С. ПСС., т. 10, с. 350.

⁶ Литературное наследство, Т. 58. М., 1952, с. 112.

И немудрено, ибо общество собралось в Языкове молодое и задорное, самому старшему — Петру Михайловичу — было 35, среднему из братьев — Александру, как и его тезке Пушкину, — 34, а Николаю Михайловичу — только 30 лет. Приподнятому настроению гостя способствовала мысль, что он правильно поступил, отказавшись от плана возвращения домой через Саратов и Пензу, благодаря чему все-таки застал дорогого собрата по Парнасу, да еще вместе с обаятельными его братьями, и в таком живописном месте, которое так удачно вписалось в маршрут путешествия. Николаю Языкову, конечно же, было лестно, что Пушкин во второй раз специально заехал в его имение, чтобы повидаться и поговорить по душам. Доволен он был и тем, что вслед за Дюком и Старик стал добрым знакомым знаменитого поэта.

Наверняка Пушкин рассказал, что в Симбирске он выполнял деликатную просьбу своего приятеля, беллетриста и композитора князя В. Ф. Одоевского о деле своего отчима саранского полицмейстера П. Д. Сеченова, обвинявшегося в похищении из родительского дома 22-летней Варвары Кравковой. Симбирский губернатор А. М. Загряжский определил беглянку в местный, женский монастырь, и Александр Сергеевич сам видел эту “скромную отшельницу”. В целом же, он пришел к выводу, что она недурна, и “губернатор гораздо усерднее покровительствует ей, нежели губернаторша”, а дело Сеченова на этом, кажется, кончено.⁷

Вспоминал Пушкин и о неудачной попытке 13 сентября продолжить путешествие после Симбирска по правобережью Волги: из-за плохой дороги пришлось вернуться, и только через два дня, перебравшись на пароме на левый берег Волги, продолжить путь на Оренбург.⁸ На память об этой переправе остался рисунок, на котором он обозначил Венец, дом Карамзина и два соседних, крутой Смоленский спуск со Смоленской церковью, а также несколько пристанских изб и амбаров.⁹

Рассказывая о путешествии в Оренбуржье, Пушкин мог позабавить Языковых и комичными дорожными эпи-

⁷ Пушкин А.С. ПСС., т. 10, с. 354.

⁸ Там же, с. 34.

⁹ Рукою Пушкина. М., 1935, с. 400—401.

зодами, скажем, о проделках своего камердинера Гаврилы Калашникова, который бесцеремонно поедал припасенных холодных рябчиков и опустошал бутылки мадеры, а на почтовых станциях называл своего хозяина графом или генералом, надеясь, что зритель поживее выделит ямщика и лошадей...¹⁰

Курьезный случай произошел во время пребывания Пушкина вместе с Владимиром Далем в Бердской слободе (в 7 верстах от Оренбурга). Александр Сергеевич вручил там старухе-казачке червонец за интересный рассказ о Пугачеве. На другой день, по решению схода, эту казачку увезли в Оренбург с донесением властям о чужом господине, который, мол, “подбивал под “пугачевщину” и дарил золотом...” Казаки успокоились лишь тогда, когда узнали, что этому человеку самим царем позволено расспрашивать о Пугачеве.

И смешно, и грустно было Александру Сергеевичу 20 сентября, когда оренбургский губернатор В.А. Перовский познакомил его с письмом нижегородского губернатора М. П. Бутурлина, в котором тот советовал быть осторожнее с путешествующим Пушкиным: “... Никак не верю, чтобы он разъезжал за документами о пугачевском бунте, должно быть, ему дано тайное поручение собирать сведения о неисправностях”¹¹.

Со слов Александра Языкова известно, что гость им “рассказывал много литературных новостей”. В частности, он прочел свою сказку “Гусар”, о походе “малороссийской ведьмы”, написанную... весьма живо и занимательно. В письме к петербургскому приятелю А. Языков добавил и такую новость: “Знаете ли вы, что Гоголь написал комедию “Чиновник”? Из нее Пушкин сказал нам несколько пассажей чрезвычайно острых и объективных. Мы от него впервые узнали, — продолжал Александр Михайлович, — что он и Катенин (П. А. Катенин, известный поэт. — Ж. Т.) избраны членами Российской академии (научного центра по изучению языка и литературы. — Ж. Т.) и что последнее производит там большой шум, оживляя сим сонных толмачей, иереев и моряков. Во второй уже раз дошло до того, что ему (Пушкину. — Ж. Т.)

¹⁰ Пушкин А.С. ПСС., т. 10, с. 349.

¹¹ Пушкин. Письма. Т.3. М., 1935, с. 592.

прочли параграф устава, которым велено выводить из заседания членов непристойно себя ведущих. Старики видят свою ошибку, но делать уже нечего, зло посреди их: вековое спокойствие нарушено навсегда или, по крайней мере, надолго”.¹²

На следующий день поэты имели возможность побеседовать наедине и в кабинете Николая Михайловича, и во время прогулки по живописному парку и обсудить чисто творческие проблемы. Каждый из них пристально приглядывался к другому, пытаясь уловить изменения, происшедшие за два с половиной года, с тех пор, как они общались в Москве.

Александр Сергеевич по-прежнему был полон творческих замыслов, жизнерадостен, говорил скоро, смеясь заразительно, показывая белые зубы. Только близкий человек мог заметить, что в его живых голубых глазах таятся и тревожные думы. Внешне он изменился заметно: усы и борода давали повод простолыдину звать его дядюшкой. В целом же, несмотря на денежные затруднения и тягостную цензуру, установленную Николаем I на публикацию произведений, Пушкин воочию опровергал мнение Языкова, что он якобы не приспособлен для семейной жизни, и вправе был сказать, что, в общем-то, доволен своей долей.

Николай Михайлович был моложе гостя на четыре года и вовсе не знал ни материальных забот, ни каких-либо семейных обязанностей. Но за последние три года стал выглядеть заметно хуже — донимали приливы крови к голове, болезни позвоночника, почек, печени и солитер. Он сильно похудел, сидел на строгой диете, установил себе почти сухой закон, уединение предпочитал шумному обществу. Но духом все же не падал и, как истый волжский молодец, мужественно боролся со своими недугами, применяя и собственные познания в медицине, особенно в гомеопатии. Внимательно следил за новинками литературы, приобщал к ним своих ближних, с увлечением руководил записями фольклора. И как бы ему ни было тяжело, он непрестанно оттачивал свое литературное мастерство, не терял веры в лучшее будущее и чувство юмора, и голубые глаза его продолжали излучать

¹² Исторический вестник, 1883, № 12, с. 537.

лукавые искорки. Свое Языково он любил с тем же юношеским пылом, ибо здесь можно было “жить самобытно, неизменно для дум заветных и стихов”.

Александр Сергеевич и раньше неоднократно приглашал Языкова к сотрудничеству в близких им по духу изданиях. На сей раз он пытался заручиться его участием в затеваемом вместе с князем П. А. Вяземским альманахе. Поэта-волжанина, в свою очередь, беспокоила задержка с изданием сборника народных песен, подготавливаемого к печати П. В. Киреевским, для которого Пушкин обещал написать предисловие.¹³

О пребывании Александра Сергеевича в Языкове не сохранилось подробных описаний, и поэтому некоторые факты, содержащиеся в письмах Николая Михайловича, остаются для нас загадочными. Так, в письме от 3 октября 1833 года он сообщил, что Пушкин во время странствований на Яике “собрал кое-что о Пугачеве и, между прочим, привез... очень приятное известие” о том, что “в Казани площадь называют немецкой вошью¹⁴”. Надо полагать, Языкову импонировало оно потому, что прародиной этого паразита является не Россия, а неметчина.

Что касается пушкинских исторических изысканий, то, как это видно из письма Николая Михайловича от того же 3 октября к М. П. Погодину, он недооценивал их глубины и значимости: “У нас был Пушкин — с Яика — собирал-де сказания о Пугачеве — много-де собрал, по его словам, разумеется. Заметно, что он вторгается в область Истории (для стихов бы туда-сюда). — Собирается собирать плоды с поля, на коем он ни зерна не посеял — писать историю Петра, Екатерины II-й и даже вплоть до Павла Первого (между нами)”.¹⁵

Скепсис этот объясняется неосведомленностью Языкова относительно той большой работы по изучению литературы и архивных материалов, которую Пушкин проделал за год до поездки в Поволжье и на Урал. На том же письме сказался и очередной приступ недуга, породивший невеселое настроение, да и экивок историку Погодину по поводу обширных планов Александра Сергееви-

¹³ Соймонов А.Д. П.В. Киреевский и его собрание народных песен, Л., 1971, с. 49.

¹⁴ Языков Н.М. Свободомыслящая лира, с. 229.

¹⁵ Литературное наследство. М., 1934, № 16—18, с. 712.

ча. Тем не менее некоторые исследователи расценивают тон этого письма как показатель “неприязни Языкова к Пушкину”, и тот должен был почувствовать такое отношение...¹⁶

Это суждение, как и мнение о том, что пребывание Пушкина в Языкове “не скрепило союз поэтов”, опровергается всем дальнейшим ходом событий. О добром отношении Николая Михайловича и его братьев к гостившему у них Александру Сергеевичу говорит передача ими Пушкину уникальной рукописи академика П. И. Рычкова об осаде пугачевцами Оренбурга. Более того, кроме этого крупного их вклада, увековеченного в “Истории Пугачева”, Пушкиным были использованы и устные рассказы Языковых. Это от Петра Михайловича он услышал о разговоре, происшедшем в Симбирске во время допроса пленного Е. Пугачева графом П. И. Паниным. В “Истории Пугачева” Пушкин так изложил этот разговор: “Кто ты таков? — спросил он (Панин. — Ж. Т.) у самозванца. — Емельян Иванов Пугачев, — ответил тот. — Как же смел ты, вор, назваться государем? — продолжал Панин. — Я не ворон (возразил Пугачев, играя словами и изыясняясь, по своему обыкновению, иносказательно), я вороненок, а ворон-то еще летает... Панин, заметя, что дерзость Пугачева поразила народ, столпившийся около двора, ударил самозванца по лицу до крови и вырвал у него клок бороды”.¹⁷

Вернемся, однако, к субботе 30 сентября, когда Пушкин, сердечно распрощавшись с гостеприимными братьями, покинул Языково и отправился в свое Болдино, до которого (через Ардатов и Абрамово) оставалось всего лишь 164 версты. Что у Александра Сергеевича остались теплые впечатления о встречах с Языковыми, убедительно свидетельствуют известные слова Пушкина в письме к жене от 2 октября 1833 года о том, что встреча с Языковыми прошла весело. Из письма же А. М. Языкова к своим сестрам видно нечто большее: Пушкин “зимою обещал быть в Симбирске, то есть сразу же по окончании в Болдине работы над “Историей Пугачева”.¹⁸

¹⁶ Соймонов А. Д. П. В. Киреевский и его собрание народных песен, с. 135.

¹⁷ Пушкин А. С. ПСС. Т. 10., с. 189.

¹⁸ Литературное наследство, т. 58, с. 112.

Николай Михайлович еще 23 сентября, посылая Денису Давыдову подборку своих новых стихов, сообщил, что в то время, как он ездил по Сызранскому уезду, в Языкове побывал Пушкин. Поэт-партизан узнал об этом по возвращении из Оренбуржья в начале октября и сразу же откликнулся письмом. Вначале, уже по традиции, он воздал восторженную хвалу полученным творениям: "Это прелесть, как и все, что изливается из пера вашего! В легчайшей поэтической вспышке вашей, стихи ваши, как говорит Пушкин, "стоят дыбом"! Кстати, о Пушкине, — продолжал Денис Васильевич, — знаете ли, что я слышал от людей, получивших письма из Казани? В Казани были Пушкин и Баратынский, отыскивающие сведения о Пугачеве. Из этого я заключаю, что они в союзе для сочинения какого-нибудь романа, в котором будет действовать Пугачев... Если это правда, то дай бог! Авось-ли мы увидим что-нибудь близкое к Вальтер-Скотту... Как досадно, что наши деревни так далеки одна от другой!"¹

Сразу же после встречи с Пушкиным в Языкове Николай Михайлович с братом Александром внесли ясность о действительных целях его путешествия по Поволжью и Уралу и подчеркнули серьезность намерений Александра Сергеевича. Денис Васильевич в письме от 7 ноября с удовлетворением воспринял это известие: "Рад душевно, что Пушкин принялся за дело. Этот лошеный Петербург его губит, а более нас, отвлекая его от вдохновений; впрочем, вы знаете, что он запоем пишет только осенью и, как кажется, это время года он не дарит праздности; если будете писать к нему, скажите ему мой дружеский поклон"².

Затем, перейдя к делам житейским, Давыдов передал Языковым благодарность своей жены за присланные гомеопатические лекарства и добавил, что сам более года

¹ Русская старина, 1884, № 7, с. 143,

² Там же.

страдает астмой и намерен тоже прибегнуть к помощи соседей. “На первой почте, — продолжал он, — я постараюсь прислать вам основное описание моей болезни, а если позволите, то проездом в Пензу лично объясню вам подробности оной; надо только знать мне, будете ли вы в Языкове в течение декабря? Книги, о которых вы мне дали записку, я получил и готовлюсь рыться в них с утра до вечера... Причина замедления ответа моего есть рысканье мое по мхам и болотам за всякого рода зверями. Сейчас только с коня и сейчас принялся за перо, чтобы писать к вам победной рукою, поразившей огромного волка.”³ Николай Михайлович, конечно же, был рад, если бы brave поэт-генерал заехал погостить в Языково, но тот все-таки отправился в Пензу более коротким путем.

В разгар наладившейся переписки с Верхней Мазой из далекого Дерпта пришел поэтический отклик князя Петра Андреевича Вяземского на книгу “Стихотворений” с восторженной оценкой избранных творений Языкова:

Я в Дерпте, навшим пред тобою!

Его твой стих завоевал:

Ты рифмоносною рукою

Дерпт за собою записал.

Ты русским духом, русской речью

В нем православья поднял тень

И русских рифм своих картечью

Вновь Дерпту задал Юрьев день.

Хвала тебе! Живое пламя

Ты не вотще в груди таил:

Державина святое знамя

Ты здесь с победой водрузил!

.....

Я здесь читал, твердил прилежно

И с полным наслажденьем вновь

Стихи, где стройно и мятежно

Волнуется твоя любовь,

Стихи, где отразились ярко

Твои студенческие дни,

Сквозь кои ты промчался жарко,

Как сквозь потешные огни,

Стихи, где мужественным словом

³ Русская старина, 1884, № 7, с. 138.

*Отозвалась душа твоя
В однообразьи вечно новом,
Как все глаголы бытия.
Не слушайся невежд холодных,
Не уважай судей тупых:
Сочувствий тайных и свободных
В них не пробудит свежий стих.
К тебе их суд неблагосклонен,
Тем лучше: следственно, ты прав.⁴*

Но чаще всего почта доставляла в Языково письма из Москвы. Петр Киреевский, которому Николай Михайлович регулярно высылал записи народных песен и стихов, аккуратно информировал о ходе подготовки их к изданию. В своем "отчете о песенном приходе", датированном 14 октября 1833 года, он, обращаясь к Николаю Михайловичу, с удовлетворением отметил: "500 (и самых лучших) прислано тобою; 300 собрано мною, 200 собрано в Орловской губернии (но еще не прислано). ...Итак, остается решить вопрос: где, сколько экземпляров, в каком формате и в каком порядке печатать? А всех этих вопросов, — продолжал Киреевский, — я без тебя решить не могу: тебе гораздо больше меня приличествует решать их, потому что и первая часть собрания, и большое количество, и лучший цвет песен принадлежит тебе. Хочешь издавать вместе и на заглавном листе написать: "Изданное Н. Языковым и П. Киреевским?"⁵

Братья Киреевские и М.Максимович при каждом удобном случае просили Языкова хотя бы на время приехать в Москву, но он уже не мыслил жизни вне родного края и, когда исполнилось два года со дня зачисления его на службу в Межевую канцелярию, послал московскому начальству прошение об увольнении вовсе со службы. По существовавшей в России традиции офицеров и чиновников обычно в отставку отправляли с повышением в чине. Но, несмотря на то, что московский управляющий Межевой канцелярией сенатор Гермес еще 17 сентября 1832 года представил министру юстиции о "награждении Языкова чином коллежского регистратора", в указе об увольнении от 18 ноября 1833 года всего лишь сказано,

⁴ Языков Н.М. Свободомыслящая лира, с. 228.

⁵ Там же.

что он является “канцеляристом”. Такой унижительный “титул”, свидетельствующий об отсутствии у него даже низшего по табели о рангах чина, обязан будет проставлять Николай Михайлович в официальных документах, даже в подорожных на путь следования...

И каким диссонансом на фоне бездушного отношения высшей бюрократии к Николаю Языкову является письмо к нему Дениса Давыдова от 16 февраля 1834 года из Пензы: “...Этот город есть мой Парнас с давнего времени; здесь я опять принялся за поэзию. Посылаю вам что-то вдохновенное, но недостаточно обделанное; скажите ваше мнение и, пожалуйста, исправьте, что вам не понравится. Я о том же писал и к Баратынскому. Кстати, о Баратынском. Я на днях и от него получил письмо — он препоручает мне вам кланяться. Вот слова его: “Вы переписываетесь с Языковым; поклонитесь ему от меня. Дай бог здоровья ему и его музе. Он поэт в душе. У нас не умеют его ценить; но когда гнилая наша поэзия еще будет гнилее и будет пахнуть мертвечиной, мы почувствуем все достоинство его бессмертной свежести”.

“...Нет ли у вас чего новенького? Пришлите”, — просит Денис Васильевич. И далее сожалеет: “Зачем вы ничего не посылаете в “Библиотеку”? (Журнал “Библиотека для чтения”, издававшийся в Петербурге. — Ж. Т.). Неужто симбирские красавицы не имеют влияния на поэта и поэзию? Если так, то приезжайте сюда, ручаюсь, что здесь самый сухой приказной ударит по струнам лиры — что же будет с поэтом, каковы вы?”⁶

Денис Васильевич, страстно увлекшийся в это время 22-летней пензячкой Евгенией Золотаревой (племянницей своего сослуживца — партизана Дмитрия Бекетова), уверовал, что нет “старости для поэта”, и, испытывая прилив

*И поэтических волнений,
И поэтических страстей!*

— искренне полагал, что и Николай Михайлович, как только попадет в Пензу, неизбежно будет очарован тамошними красавицами. Не дождавшись ответа от Языкова, 4 апреля Давыдов высылает ему еще несколько “пьес, вырвавшихся из души” под влиянием последнего в своей

⁶ Русская старина, 1884, № 7, с. 145.

жизни увлечения, и среди них романс, которому суждено будет долгая жизнь:

*Не пробуждай, не пробуждай
Моих безумств и исступлений,
И мимолетных сновидений
Не возвращай, не возвращай!*

Николая Михайловича радовало, что Денис Васильевич испытывает душевный подъем, а также что имеет твердое намерение лечить свои физические недуги с помощью гомеопатических снадобий, ради которых он и поехал в Пензу, где успешно практиковал врач Александр Петерсон. И, несмотря на ухудшающееся состояние здоровья, Языков в письме к Максимовичу от 5 мая 1834 года не теряет надежд на лучшее: "Д. В. Давыдов написал несколько прекрасных стихотворений прошлой зимою. Пензенские красавицы расшевелили его гений. Дай им бог много лет здравствовать! Я тоже поеду в текущем месяце в Пензу — к Петерсону и если он вылечит меня, то воспою и прославлю все тамошнее. Пожелайте же мне выздороветь".

Однако обстоятельства сложились так, что Николай Михайлович этим летом смог побывать только в Карсуне, где случайно встретился со своим земляком, известным поэтом и переводчиком Дмитрием Петровичем Ознобишиным. Служебная карьера у него тоже не сложилась, и, вдоволь попутешествовав по России и Европе, ныне он занимал должность почетного смотрителя Карсунского уездного училища и если совершал вояжи, то в Симбирск, Казань, Чебоксары, занимался таким близким для Языкова делом, как записи русского и чувашского фольклора. К взаимному удовольствию поэтов, эта встреча укрепила давнее знакомство. Поэтическим ее памятником стало послание Николая Михайловича к Ознобишину:

*Где ты странствуешь? Где ныне
Мой поэт и полиглот
Поверяет длинный счет?
Чать, в какой-нибудь пустыне,
На берегу бесславных вод,
Где растительно живет
Человек, где и в помине
Нет возвышенных забот!*

*Или кони резвоноги
Мчат тебя с твоей судьбой
В дождь осенний, в тьме ночной
По извилинам дороги,
Нелюдимой и лесной?
Иль на отдых миговой
Входишь ты под кров убогий,
И гражданственность с тобой?..⁷*

Вполне возможно, что поездка Николая Михайловича в Пензу была отложена из-за приближающегося бракосочетания Дюка с Натальей Алексеевной Наумовой, девушкой из известной в Симбирске дворянской семьи. Своей красотой и умом она сумела-таки покорить сердце, казалось бы, закоренелого холостяка, 35-летнего Александра Языкова. На своем торжестве он очень желал видеть Александра Сергеевича Пушкина и, возвращаясь из поездки в Москву, заехал в Болдино к уже поджидавшему его поэту. Свидание продолжалось недолго, но Пушкину хотелось познакомить со своими новинками гостя, по словам которого, он показал “Историю Пугачева” (она недурна, кажется), несколько сказок в стихах, вроде Ершова, и историю рода Пушкиных”.⁸

Просматривая “Историю Пугачева”, Александр Михайлович сразу же с удовлетворением подметил, что “почти вся 2-я часть” будущей книги состоит из предоставленных ими, Языковыми, материалов, в том числе и рукописи академика Рычкова.⁹ Пока гость был занят чтением, хозяин, стоя у конторки, сочинил письмо Николаю Языкову. Вот оно: “Я был обрадован в моем уединении приездом Александра Михайловича, который, к сожалению, пробыл у меня несколько часов. Блазнит он меня предложением ехать с ним в село Языково, быть свидетелем его свадьбы, обещаясь употребить меня с пользою — но мне невозможно — жена и дети...

Разговаривая о различных предметах, мы решили, что весьма не худо было бы приняться за альманах или паче за журнал, я и не прочь, но для того должен я быть уверен в Вашем содействии. Как думаете, сударь? Сами ви-

⁷ Языков Н.М. Стихотворения и поэмы, с. 291.

⁸ Исторический вестник. 1883, № 12, с. 539.

⁹ Там же.

дите: шелкоперы нас одолевают. Пора, ей-ей пора дать им порядочный отпор. На днях отправлюсь в Петербург. Если Вам будет досуг написать мне две строчки, адресуйте их на Дворцовую набережную, в дом Баташева — у Прачечного мосту. Александр Михайлович изволит спешить — и я кончаю письмо мое, поручая себя Вашей благосклонности.

26 сент. С. Болдино.

Ваш богомолец А. Пушкин”.¹⁰

В приписке поэт передал свое почтение и поклон и старшему из братьев. Примечательна деловая часть письма: Пушкин, соглашаясь взяться за создание своего альманаха или журнала, напрямую связывал успех нового издания с неперменным участием Николая Михайловича. Так, ровно десять лет спустя, Александр Сергеевич подтвердил высказанное в 1824 году в стихотворном послании “К Языкову” клятвенное заверение о том, что они — “родня по вдохновенью”.

На бракосочетании Александра Михайловича было естественным присутствие многочисленных родственников и знакомых — Языковых, Наумовых, Ермоловых, Ивашевых, Бестужевых, Хованских, Родионовых, Татариновых, Аржевитиновых, а также представителей местной власти во главе с губернатором А. М. Загряжским. Бальный зал на втором этаже языковского особняка на Спасской не мог вместить в себя всех, кто желал бы участвовать в этом торжестве. Многолюдной была и следующая традиционная свадебная трапеза, уже в доме невесты. Как водится, многие из присутствующих потом устраивали у себя приемы, на которых, увы, присутствие Николая Языкова было обязательным. И только после того, как Дюк уехал с женой в свое уфимское имение, сестра Прасковья с мужем отправились в Репьевку, а Петр с домочадцами — в Ундоры, поэт с 17-летней сестренкой Катей смогли наладить размеренный образ жизни.

Вопреки надеждам Дениса Давыдова, симбирские красавицы не завоевали сердца Николая Языкова и не вдохновили его музу, а два послания, которые он написал, посвящались казанским. Первое из них — Елене Николаевне Мандрыкиной, дочери генерала, которая плени-

¹⁰ Пушкин А. С. Т. 10, с. 401.

ла его, еще студента, красотой, живой речью, сверкающим умом и возвышенным полетом своих дум. И он чистосердечно признается:

*Я не забуду вас, я благодарен вам;
Красуйтесь, пойте и блистайте,
И будьте счастливы, и много пробуждайте
Сердце к пленительным мечтам.¹¹*

Второе было адресовано жене профессора Казанского университета Александре Андреевне Фукс, которая имела известность как писательница, поэтесса и этнограф-любитель. С ней поддерживали знакомство А. Пушкин, Е. Баратынский, Д. Ознобишин. Поэтому А. Фукс была вправе рассчитывать на добрые отношения и с Н. Языковым. В письме от 13 ноября 1834 года из Казани, рассказывая ему о литературных новостях, она поведала: "Пушкин возвратился в Петербург, обещает скоро прислать мне "Историю Пугачева" и, кажется, будет моим защитником у жестоких журналистов".¹²

Засвидетельствовав свое глубокое уважение ее миру "гармонических трудов" и "вдохновенных забот", Николай Михайлович завершил послание дружеским заверением:

*Примите ж мой привет: я ваши песнопенья
Люблю: я понимаю вас.¹³*

А меж тем в Симбирск прибыл в декабре 1834 года 50-й номер столичной газеты "Молва" с очередным продолжением нашумевшей статьи "Литературные мечтания" Виссариона Белинского (подписавшегося: "— он — инский"). Молодой критик еще в первой главе (в сентябре 1834 года) причислял Н. Языкова и Д. Ознобишина, как и Баратынского, к числу славных поэтов. Теперь же он дал Николаю Михайловичу более конкретную характеристику: "Языков и Давыдов (Д. В.) имеют много общего. Оба они примечательные явления в нашей литературе. Один, поэт-студент, беспечный и кипящий избытком юного чувства, воспеваает потехи юности, пирующей на празднике жизни, пурпурные уста, черные очи, лилейные перси и дивные брови красавиц, огненные ночи и незабвенные края,

¹¹ Языков Н.М. Стихотворения и поэмы, с. 291.

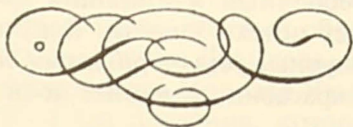
¹² Литературное наследство. Т. 58. М., 1952, с. 116.

¹³ Языков Н.М. Стихотворения и поэмы, с. 293.

*Где пролетала шумно, шумно
Лихая молодость его.*

Другой, поэт-воин, со всею военною откровенностью, со всем жаром не охлажденного годами и трудами чувства, в удалых стихах рассказывает нам о проказах молодости, об ухарских забавах, о лихих наездах, о гусарских пирушках, о своей любви к какой-то гордой красавице. Как тот, так и другой нередко срывают со своих лир звуки сильные, громкие и торжественные; нередко трогают выражением чувства живого и пламенного. Их односторонность в них есть оригинальность, без которой нет истинного таланта".¹⁴ Но в этой статье автор не коснулся и других важных черт творчества Языкова и Давыдова, в частности, той, о которой сказал И. В. Киреевский в своей рецензии на книгу "Стихотворений" Николая Михайловича в журнале "Телескоп" (1834, № 3—4): "...Нет поэта, глубже и сильнее проникнутого любовью к Отечеству, к славе и поэзии; ...может быть, нет художника, который бы ощущал более святое благоговение перед красотой и вдохновением, нежели Языков".¹⁵ А какой глубокой любовью к Николаю Михайловичу проникнуты строки письма П. И. Киреевского из Москвы от 8 января 1835 года: "Если бы ты знал, какая всеобщая жажда тебя, то уж ты давно бы хотя бы на недельку да заглянул сюда!.. Что ты, например, скажешь на следующее предложение: поедешь ли ты с нами, если мы трое, т.е. я, папенька (А. А. Елагин. — Ж. Т.) и Хомяков, приедем за тобою?"¹⁶

Предложение было очень заманчивое и лестное, но Николай Михайлович еще не был готов сказать "да".

¹⁴ Белинский В. Г. Собр. соч. в 9 томах. Т. 1., М., 1976, с. 99—100.

¹⁵ Языков Н. М. Свободомыслящая лира, с. 233.

¹⁶ Там же, с. 234.

ЗДЕСЬ БЛАГОДАТНОЕ УБЕЖИЩЕ ПОЭТА...

Свой отчий край Николай Михайлович любил с тех пор, как только помнил себя. Не раз, особенно в дерптское семилетие, воспевал в стихах Волгу-матушку и родовое Языково с окружающей его живописной местностью. Но теперь, после 15-летнего проживания в обеих столицах и “ливонских Афинах”, он почувствовал себя, словно в “Армидиных садах: тишина возлюбленная, уединение сладостнейшее, приволье в высочайшей степени”. Так признавался он в письме к М. П. Погодину.¹ А в послании к Петру Киреевскому твердо заявил, что, поселившись в Языкове, добился лучшего:

*Передо мной моя наследная картина:
Вот горы, подле них широкая долина
И речка, сад, пруды, поля, дорога, лес
И бледная лазурь отеческих небес!
Здесь благодатное убежище поэта
От пошлости градской и треволнений света!*

.....
*Лучами ранними гоня ночную тень,
Находит весело проснувшимся мой день;
Живу, со мною мир великий, чуждый скуки,
Неистощимые сокровища науки,
Запасы чистого привольного труда
И мыслей творческих, не тяжких никогда!*²

Приглашая Киреевского в свой “приют благословенный”, Николай Михайлович обещает “свободу и покой”, “рабочий стол и книги выписные”, “ружье и умного охотничьего пса”, дружеские беседы и фольклорные разыскания. А жизнь вносила свои коррективы в уединенное и мирное житье поэта.

В начале мая 1835 года Николаю Михайловичу стало так худо, что родные послали в Пензу за врачом-гомеопатом Александром Петерсоном, который в свое время

¹ Языков Н. М. Свободомыслящая лира, с. 237.

² Языков Н. М. Стихотворения и поэмы, с. 297, 298.

учился у самого Ганемана и считался лучшим специалистом края. В середине месяца Петерсон прибыл в Языково и пробыл здесь три дня. Николай Михайлович, сообщая об этом сестрам в письме от 25 мая, заявил, что лекарь ему очень понравился. “Кроме того, что вообще, — писал он, — отрадно и весело видеть человека, знающего свое дело, он любезен своим характером, обхождением, образованностью. Добр, не жеманится, чрезвычайно много читал и помнит, был в Германии... Вся гомеопатия и все, что до нее касается, известно ему как Отче наш, от первого ее начала до сегодня. Он влюблен в нее...”

Всех больных, которые здесь были при нем, он осматривал и расспрашивал сам, каждому дал лекарство... Мне оставил порошки, принимать их буду до конца июня, а потом поеду в Елань (невдалеке от Пензы, где жили родственники поэта Ермоловы. — Ж. Т.) для решительного окончания дела. И брату Александру Михайловичу он оставил порошки... Прилагаю записку о диете, оставленную мне Петерсоном”.³

Но и в трудное для себя время поэт внимательно следит за журнальными и книжными новинками, а затем распространяет их среди родных. Особо пристальное внимание при этом он уделяет 18-летней сестренке Кате, которая после смерти матушки большею частью проживала у старшей сестры Прасковьи в сызранской Репьевке. Романы Э. Сю, которыми зачитывались тогда в Сызрани, Николай Михайлович старался ей не высылать, а вот гоголевские повести — “Миргород”, “Старосветские помещики”, “Тарас Бульба” — он считал прелестью. “Дай бог ему здоровья, — писал он о Гоголе в Репьевку 28 июня 1835 года и подчеркивал, — он один будет значительнее всей современной французской литературы, не выключая и Бальзака!”⁴

По-прежнему он советовал сестрам устраивать “литературные беседы” о прочитанных книгах, упражняться в письменных сочинениях. Каждое послание к ним он старался превратить в образчик эпистолярного искусства. Примечательно, что в этих же целях он иногда использовал и письма своих приятелей. Так, в том же июне, получив

³ ИРЛИ (Пушкинский дом), № 1481, л. 23.

⁴ Языков Н. М. Свободомыслящая лира, с. 235.

интересное послание поэта Дмитрия Ознобишина из Мурома, он переслал его в Репьевку с припиской: "Мастер писать — уж какой мастер!"⁵ Советы, которые он сеял десятилетие, падали на благодатную почву, и сестры, ни одного дня не занимавшиеся в казенных учебных заведениях, были весьма начитанными и вполне образованными. (Забегая вперед, отмечу, что уже через год, когда Екатерина Языкова станет невестой А. С. Хомякова и будет встречаться с А. С. Пушкиным, мнение писательской братии о ней будет самое высокое).

Муж Прасковьи, Петр Александрович Бестужев, с благоговением относившийся к Николаю Михайловичу, взял на себя труд по руководству изготовлением просторной и удобной кареты, в которой больной поэт мог бы выехать в Пензу. В середине июля в сопровождении Петра Александровича Языков добрался-таки до Пензы и остановился у родственников, "на Троицкой улице, в доме Ермоловых, против Рождества". Уже знакомый ему врач Петерсон наряду с гомеопатическими порошками велел ему "пить вино, есть больше", сказал, что "почти все можно есть", гулять в саду и "просидеть близ него с месяц..."⁶

Однако произошло непредвиденное ухудшение состояния его здоровья, и уже в августе, по настоянию Петерсона, пребывание в Пензе решено было продлить, по крайней мере, до середины октября.

В городе на Суре Николай Михайлович немало слышал от знакомых о Денисе Давыдове. С большим интересом читал он в журнале "Библиотека для чтения" остроумно и смело написанные Денисом Васильевичем мемуары и военно-исторические записки ("Встреча с великим Суворовым", "О том, как я, будучи штаб-ротмистром, хотел разбить Наполеона", "Занятие Дрездена", "Мороз ли истребил французскую армию в 1812 году?"). Свою давнюю и страстную любовь к воину-певцу и его вольным творениям Языков выразил в августе в новом стихотворном послании, которое станет прекрасной жемчужиной в его творчестве.

⁵ ИРЛИ (Пушкинский дом), № 1481, л. 41.

⁶ Там же, л. 46.

Жизни баловень счастливый,
Два венка ты заслужил;
Знать, Суворов справедливо
Грудь тебе перекрестил:
Не ошибся он в дитяти,
Вырос ты — и полетел,
Полон всякой благодати,
Под знамена русской рати,
Горд, и радостен, и смел.

.....

Жизни бурно-величавой
Полюбил ты шум и труд:
Ты ходил с войной кровавой
На Дунай, на Буг и Прут;
Но тогда лишь собиралась
Прямо русская война;
Многогромная скоплялась
Вдалеке — и к нам примчалась
Разрушительно-грозна.

Чу! труба продребезжала!
Русь! тебе надменный зов!
Вспомяни ж, как ты встречала
Все нашествия врагов!
Созови из стран далеких
Ты своих богатырей,
Со степей, с равнин широких,
С рек великих, с гор высоких,
От осьми твоих морей!

Пламень в небо упирая,
Лют пожар Москвы ревет;
Златоглавая, святая,
Ты ли гибнешь? Русь, вперед!
Громче буря истребления,
Крепче смелый ей отпор!
Это жертвенник спасенья,
Это пламень очищенья,
Это Фениксов костер!

.....

Вы отведают русской силы
Шли в Москву: за делом шли!

*Иль не стало на могилы
Вам отеческой земли!
Много в этот год кровавый,
В эту смертную борьбу,
У врагов ты отнял славы,
Ты, боец чернокудрявый,
С белым локоном на лбу!*

*Удальцов твоих налетом
Ты, их честь, пример и возждь,
По лесам и по болотам,
Днем и ночью, в вихрь и дождь,
Сквозь огни и дым пожара
Мчал врагам, с твоей толпой
Вездесущ, как божья кара,
Страх неожиданного удара
И нещадный, дикий бой!*

*Лучезарна слава эта,
И конца не будет ей;
Но такие ж много лета
И поэзии твоей:
Не умрет твой стих могучий,
Достопамятно-живой,
Упоительный, кипучий,
И воинственно-летучий,
И разгульно-удалой⁷*

Высылая эти стихи в Верхнюю Мазу, Языков счел нужным получить добро на их публикацию в "Московском наблюдателе" от Дениса Васильевича. Тот поспешил выразить свою горячую признательность:

"Благодарю — и нет слов у меня довольно возблагодарить вас, любезный Николай Михайлович, за поэтический подарок ваш. Можете ли вы думать, чтобы я воспротивился печатанию одного? Кто противится бессмертию? А вы меня к нему несете, как в поднебесную орел голубя, — мощно и торжественно. Что за стихи! Что за прелесть! Впрочем, что же не прелесть из произведений ваших?.. Если вы до половины октября пробудете в Пензе,

⁷ Языков Н.М. Стихотворения и поэмы, с. 293, 294.

то я вас увижу, ибо в конце текущего месяца я буду в той стороне. Как хочется вас застать там! С какою радостью я обниму моего благодетеля! — да — благодетеля, не прогневайтесь! Вы, может быть, думаете, что ничего не значит быть вами, именно вами воспетым? А я думаю, что много значит быть прославленному гордой и независимой лирой первого самобытного поэта нашего, никого не воспевающего наперекор сердца и совести”.⁸

Так писал Денис Васильевич 11 сентября, а через месяц, отложив все дела, примчался в Пензу, но, к своему огорчению, узнал от Петерсона, что Языков несколько дней назад отправился к себе домой. Вернувшись в Верхнюю Мазу и завершив последнюю статью, обещанную “Библиотеке для чтения”, Давыдов пишет Николаю Михайловичу 13 ноября о своем желании приехать в Симбирск или в Репьевку, чтобы все-таки повидаться с ним. В заключение Денис Васильевич сообщил о получении “кипы гомеопатических книг”, в которых копается “с любовью”. И далее: “Пожалуйста, скажите мой дружеский поклон братцу вашему Александру Михайловичу и не ленитесь, пишите мне иногда о себе и не оставляйте поэзию для славы вашей — скажу более, для славы России. Ваша лирическая песнь ко мне свела с ума всех тех, которые понимают поэзию, и прелестная рука переписала стихи ваши для меня”.⁹

Денис Васильевич при этом ничего не преувеличивал. Уместно привести свидетельство Н. В. Гоголя о том, как реагировал А. С. Пушкин на появление языковского послания к Д. В. Давыдову в “Московском наблюдателе”. “В первый раз увидел я тогда слезы на лице Пушкина... Я помню те строфы, которые произвели у него слезы. Первая, где поэт, обращаясь к России, которую уже было признали бессильной и немощной, взывает так:

Чу! труба прогребезжала!

Русь! тебе надменный зов!

Пришлись по душе Пушкину, по словам Гоголя, строфа, где описывалось “неслыханное самопожертвование — предать огню собственную столицу”, и строки о самом Давыдове, “бойце чернукудрявом с белым ло-

⁸ Русская старина, 1884, № 7, с. 146.

⁹ Там же, с. 140.

коном на лбу”, чья золотая лира и ныне свежа, ясна и прекрасна.¹⁰

Хотя Денис Васильевич дал слово в ближайшее же время навестить автора дорогого для него послания, хвори его так обострились, что 18 декабря 1835 года из Верхней Мазы он “с душевной горестью” уведомляет Николая и Александра Языковых: “Последняя болезнь моя так ослабила меня, что я только что имею довольно сил доташиться на своих до Пензы — это причиной, что все приятнейшие мои предначертания посетить вас в Языкове и провести с вами несколько дней я принужден положить в долгий ящик. Весьма это прискорбно, но что делать? Скажи враже — як пане каже, — говорит мало-российская пословица... Итак простите — или лучше до свидания. По возвращении из Пензы, то есть весною, когда погода будет благоприятнее и здоровье мое лучше, авось-ли бог даст, что я увижу вас в Языкове”.¹¹

Однако через несколько дней Денису Васильевичу стало лучше, и в середине января 1836 года он, по необходимости, отправился в Петербург, чтобы выяснить возможности определения своих сыновей на учебу: Василия — в институт путей сообщения, а Николая — в училище правоведения. Рекогносцировка показала, что они в будущем году могут быть приняты. Незабываемое впечатление оставили у Давыдова теплые встречи с Пушкиным, Жуковским, Вяземским, а также вечер, устроенный у Жуковского, на котором были Гоголь, Плетнев, Вл. Одоевский и другие видные литераторы. Ни до, ни после того воин-поэт не слышал столько добрых слов в свой адрес.

После девятидневного пребывания в Северной Пальмире Денис Васильевич выехал в первопрестольную, куда обещал прибыть и Пушкин. А 2 марта он пишет Александру Сергеевичу: “Жаль, что не дождусь тебя в Москве. Я сегодня еду отсюда в мои степи. Баратынский хочет пристать к нам (к изданию журнала “Современник”. — Ж. Т.), это не худо; Языков верно будет нашим; надо бы Хомякова завербовать, тогда стихотворная фаланга была бы в комплекте”.¹² Однако он отправился не в свои

¹⁰ Гоголь Н. В. Собр. соч. в 7 тт. Т. 6. М., 1978, с. 351.

¹¹ Русская старина, 1884, № 7, с. 131.

¹² Переписка А. С. Пушкина в 2 томах. Т. 1. М., 1982, с. 471.

сызранские степи¹³, а в первую очередь — в Языково, чтобы наконец-то повидаться с дорогим поэтом, поделиться с ним столичными новостями и заручиться его согласием сотрудничать в пушкинском “Современнике”.

Николай Михайлович оказался дома один. Петр с семьей находился в Симбирске, а Александр с женой, захватив сестру Екатерину из Репьевки, отправились в Москву, чтобы, как говорится, людей посмотреть и себя показать, а точнее — вывезти в свет невесту. Различного рода хвори донимали поэта, но в целом он держался бодро, был полон творческих замыслов и без колебаний заявил Давыдову о готовности поддержать “Современник”. Долгожданный визит глубокоуважаемого поэта-генерала был для Языкова очень приятным сюрпризом, упрочившим еще более их дружеские отношения.

Мартовская оттепель испортила и без того дурные дороги, и Денис Васильевич испытал немало невзгод, пока добрался до своего имения. “Я от вас, любезнейший Николай Михайлович, — писал он 25 марта, — едва-едва дотащился на санях до Симбирска, где хотел было их бросить, но какое-то наслаждение бороться с препятствиями понудило меня снова пуститься в зимнем экипаже, и я, плывя водою, ныряя по ухабам и тащась по голой земле, добрался до дома на полозьях... Закачало; в голове еще пусто, перья еще не очинены, и чернильница высохла. Приведа все в порядок, пущусь помогать Пушкину. Кстати, о Пушкине. Вы хотели иметь адрес его — вот он: на Дворцовой набережной, у Прачешного моста, в доме Баташова”.¹⁴

В письме же к Александру Сергеевичу от 6 апреля Денис Васильевич о результатах этой поездки доложил повоенному лаконично: “Я был у Языкова, он готов и поступает под знамена твои... Считаю на меня — я под твоим начальством лихо служить буду”.¹⁵ Ответ из Петербурга был под стать кратким и емким: “Я надеюсь на Николая Языкова, как на скалу”.¹⁶

¹³ Серебряков Г. Денис Давыдов. М., 1985, с. 425.

¹⁴ Русская старина, 1884, № 7, с. 133.

¹⁵ Переписка А.С. Пушкина Т. 2 М., с. 473.

¹⁶ Афанасьев В. Там, за далью непогоды. М., 1990, с. 107.

Состояние здоровья Николая Михайловича к весне несколько улучшилось и наступил творческий подъем. За последний год он написал стихотворение “Сказка о пастухе и диком вепре”, послания П. В. Киреевскому, Е. А. Баратынскому, Н. А. Языковой, П. Н. Шевелеву. Когда старый приятель Алексей Вульф подметил это и, в частности, его деятельное участие в “Московском наблюдателе”, Языков подтвердил: “Да, я опять расписался, и теперь кажется надолго. Принимаюсь за большие труды... Теперь жизнь моя чрезвычайно благоприятна стихописанию: уединенная, как нельзя больше, тихая, привольная и сельская... Зная, что Вульф в курсе многих начинаний Александра Сергеевича, Языков заметил: “Пушкин, слышно, предпринимает журнал: “Современник”. Как-то он сладит с трудом, требующим постоянного сидения за мелочами?”¹⁷

А. Пушкин, недавно похоронивший в Святогорском монастыре свою матушку, Надежду Осиповну, в день отъезда из Михайловского в Петербург, 14 апреля, пишет Языкову: “Отгадайте, откуда пишу вам, мой любезный Николай Михайлович? Из той стороны, “Где вольные живали etc”, где ровно тому десять лет пировали мы втроем — вы, Вульф, и я; где звучали ваши стихи и бокалы с Емкой, где теперь вспоминаем мы вас — и старину. Поклон вам от холмов Михайловского, от сеней Тригорского, от волн голубой Сороти, от Евпраксии Николаевны, некогда полувоздушной девы... Поклон вам ото всего и ото всех вам преданных сердцем и памятью!

Алексей Вульф здесь же, отставной студент и гусар, уса́тый агроном, тверской Ловлас — по-прежнему милый, но уже перешагнувший за тридцатый год. Пребывание мое во Пскове не так шумно и весело ныне, как во время моего заточения, во дни, как царствовал Александр; но оно так живо мне вас напомнило, что я не мог не написать вам несколько слов в ожидании, что и вы откликнетесь. Вы получите мой “Современник”; желаю, чтоб он заслужил ваше одобрение. Из статей критических моя одна: о Кониском. Будьте моим сотрудником непременно. Ваши стихи: вода живая; наши — вода мертвая; мы ею окатили “Современника”. Опрысните его вашими

¹⁷ Русская старина, 1903, № 3, с. 487, 488.

кипучими каплями. Послание к Давыдову — прелесть! Наш боец чернокудрявый окрасил было свою седину, замазав и свой белый локон, но после ваших стихов опять его вымыл — и прав. Это знак благоговения к поэзии. Прощайте — пишите мне, да кстати уж напишите и к Вяземскому ответ на его послание, напечатанное в “Новоселье” (помнится) и о котором вы и слова ему не молвили. Будьте здоровы и пишите. То есть: “Живи и жить давай другим”.

14 апр.

Весь ваш А. П.

Пришлите мне, ради бога, стих об Алексее божием человеке и еще какую-нибудь легенду. Нужно.”¹⁸

Поразительна глубина теплых человеческих чувств, проявленных Пушкиным к Николаю Михайловичу в дни, когда он сам переживал личное горе. В такое тяжкое время, когда душа его была переполнена болью, Александр Сергеевич обратился с письмом-воспоминанием, письмом-исповедью не к кому-нибудь из своих столичных друзей, а именно к Языкову. Это ли не ярчайший пример крепких незримых духовных нитей, которые связывали первого поэта России с далеким симбирским собратом по перу, которому он навсегда остался “преданным сердцем и памятью”?

Послание из псковского Михайловского в Языково пришло накануне дня именин (9 мая) поэта-волжанина и явилось драгоценным подарком. Из писем сестры Екатерины, только что помолвленной с поэтом и философом А. С. Хомяковым, Языкову стало известно, что в эти майские дни она встречала в Москве у родственника Д. Н. Свербеева Пушкина, который ей “ужасно понравился” и “решительно” очаровал ее. “Жаль, — сообщила она 19 мая, — что он (Пушкин. — Ж. Т.) дня через три едет, но, впрочем, он обещает возвратиться к моей свадьбе и будет очень мил, если сдержит слово. Он любит вас и Батюшку (так иногда называли младшие старшего брата — П. М. Языкова. — Ж. Т.) ужасно; весь вечер почти говорил об вас и непременно обещал напоить вас пьяным на свадьбе”.¹⁹

¹⁸ Пушкин А. С. Полн. собр. соч., т. 10, с. 446—447.

¹⁹ Искусство. — М., 1928. Кн. 1—2, с. 158.

Николай Михайлович был сердечно тронут как дружеским письмом Пушкина с Псковщины, так и его добрым отношением не только лично к нему, но и к его родным. “Спасибо вам, что вы обо мне вспомнили в Тригорском... Тогда я был легок!.. — с благодарностью и грустью писал он 1 июня в ответ. — Ваш “Современник” цветет и красуется: жаль только, что выходит редко; лучше бы книжки поменьше, да чаще. Я пришлю вам стихов. — Что делать мне с “Жар-птицей”? Я вижу, что этот род не может иметь у нас полного развития; я хотел только попробовать себя: теперь примусь за большее.

Я собираюсь в Белокаменную, на свадьбу сестры, — повезу туда и всю “Птицу”. — Мне пишут, что вы опять будете в Москве — дай бог мне с вами там съехаться. “Наблюдатель” выходит все плоше и плоше — жаль мне, что я увязал в него стихи мои: его никто не читает. Ответ на послание князя Вяземского будет скоро — виноват я, грешный, перед ним... Легенду об Алексее божием человеке я послал к брату для передачи вам: это не то, ее должно взять у Петра Киреевского, сличенную со многими списками и потом уже...”²⁰

И через несколько дней в специально оборудованной карете, несмотря на одолевавшие его недуги, Николай Михайлович отправится в Москву — благословить любимую сестру на счастливую семейную жизнь, подлечить свое брренное тело у лекарей-специалистов, а душу — встречей с Пушкиным и другими членами поэтической братии.

²⁰ Переписка А.С. Пушкина в двух томах. Т. 2. М., 1982, с. 473.

Гибель Пушкина. Разлука с Родиной

В середине июня 1836 года, когда Николай Михайлович завершал сборы для поездки в Москву, пришло письмо от Ивана Киреевского, в котором тот дружески укорял его: “Тебе, как человеку неженатому, беззаботному, непростительно ничего не делать, а еще больше непростительно быть больным. Это говорю я не в шутку, а потому что в болезни твоей виноват сам ты, или, лучше сказать, твое пристрастие к гомеопатии. Подумай сам: если она истинна, то отчего в два года не мог ею вылечиться? И охота тебе пробовать на своем теле какую бы то ни было систему, когда как нет сомнения, что месяц лечения у хорошего медика мог бы тебя привести в прежнее здоровое положение...”¹

Как видим, даже такой близкий человек, как Киреевский, не ведал, что поэт давно болен неизлечимой и очень опасной болезнью, что его некогда богатырское здоровье быстро тает. Надо было поражаться мужеству и упорству, с какими он, находясь в Языкове, с помощью гомеопатических средств, все-таки боролся со своими недугами, и при этом пристально следил за литературной жизнью страны, занимался фольклорными разысканиями и, главное, продолжал творить. В последнее время он тщательно отделявал большую драматическую сказку “Жар-птица”, отрывок из которой был обещан Пушкину для его журнала.

Последнее творение, как и “Сказка о пастухе и диком ведре”, для Николая Михайловича — это, говоря словами литературоведа М. К. Азадовского, — “канва, с помощью которой он высказывает свои политические и исторические убеждения. Так, например, пользуясь традиционным противопоставлением младшего и старших братьев, он зарисовывает в образе последних (“Жар-птица”) карикатурные типы любителей западного просвещения”².

¹ Киреевский И.В. ПСС. Т. 1, М., 1861, с. 87.

² Языков Н.М. Собрание стихотворений. М., 1948, с. XXX.

Новейший исследователь творчества Н. М. Языкова К. К. Бухмейстер утверждает, что обе его сказки "не были удачей поэта"³.

Но большинство московских литераторов с одобрением отнеслись к последней сказке Языкова, а Пушкин охотно поместил представленные ему первые семь сцен под названием "Драматическая сказка об Иване-Царевиче, Жар-птице и Сером волке" во втором томе "Современника" (1836, июль). Уместно напомнить, что "неистовый Виссарион" при анализе сборника "Стихотворений Н.М. Языкова", вышедшего в Москве в 1844 году, посетовал, что в него не вошла "прекрасная "Драматическая сказка об Иване-Царевиче, Жар-птице и о Сером волке" — лучшее из "всего, что вышло из-под пера г. Языкова"⁴.

Вернемся к лету 1836 года, когда Николай Михайлович прибыл в Москву на свадьбу сестры Екатерины с Алексеем Степановичем Хомяковым. Или еще в дороге, или вскоре после приезда сюда нашему поэту стало так худо, что он, говоря его словами, просидел в Москве "ровно 6 месяцев, именно просидел! — по слабости здоровья. Стихов не писал почти вовсе..."⁵ Даже писание писем стало для него непосильным бременем и пришлось довольствоваться диктовкой их и подписью своей нетвердой руки в конце.⁶

В Москве Николай Михайлович вынужден был прибегнуть к помощи обычных врачей (аллопатов), но и они за полгода не смогли добиться заметного улучшения здоровья поэта. В конце концов, придя к выводу, что подобную же медицинскую помощь можно получить и в родном краю, он, несмотря на настойчивые уговоры Хомяковых, Киреевских, Погодина, Максимовича и других добрых друзей остаться в Москве, в начале 1837 года двинулся в своей карете к Симбирску.

И не прошло и двух недель с того дня, как он вместе с Дюком и невесткой Натальей Александровной обосновался в отчем доме на Спасской, как в Симбирск пришла весть о трагической гибели Александра Пушкина. Одним

³ Языков Н. М. Стихотворения и поэмы, с. 35.

⁴ Белинский В. Г. СС. в 9 т. Т. 7. М., 1981, с. 192.

⁵ Русская старина. 1903, № 3, с. 489.

⁶ Вестник Европы. 1897, № 11, с. 611.

из первых Николаю Михайловичу сообщил об этой ничем невозполнимой потере для России Денис Давыдов. “Знаете ли нашу общую горесть? — писал он 3 февраля из Москвы. — Пушкин, наш славный Пушкин убит на дуэли! Он приревновал жену свою — и, как все уверяют, напрасно, она даже и не кокетствовала, а какой-то Дантес, кавалергардский офицер (и побочный сын голландского короля) давно искал уже всеми средствами компрометировать ее в обществе. Пушкин закипел, как Отелло, вызвал Дантеса на дуэль, ранил его сильно, но сам пал. Пуля вошла в брюхо и остановилась в кишках; он умер через три часа по получении раны (в действительности же Пушкин жил около двух суток. — Ж. Т.).

Я так расстроен этим известием, — заключил свое сообщение воин-поэт, — что нет сил писать Вам более... Вчера были у нас Хомяков с Екатериной Михайловной”.⁷

Е. М. и А. С. Хомяковы долго не решались сообщить о гибели Пушкина непосредственно Николаю Михайловичу. В письме же к сестре Прасковье Екатерина Михайловна, выражая свою скорбь, рассказывала, что ее муж, Хомяков, узнав о случившейся в Петербурге трагедии, даже занемог. “Кто не любит Пушкина? — вопрошала она в письме от 6 февраля. — Он умер 29 января, на другой день после дуэли... Целый день, до самой его смерти, все толпился народ у его дома, улица была полна экипажей, все приехали узнавать о его здоровье... Боюсь, что Весселя (Н. М. Языкова. — Ж. Т.) это известие встревожит слишком сильно... Пусть напишет на его смерть такие же грустные стихи, как на смерть Дельвига... Грустно смотреть на “Современник”. Его уже не будет, как нет Пушкина”.⁸

Николай Михайлович переживал тяжело эту потерю. Перед его затуманенным взором бесконечно оживали забываемые картины прекрасных мгновений общения с великим Пушкиным в Михайловском, Москве и Языкове... Но он нашел в эти скорбные дни в себе силы и волю извещать о случившемся близких, запрашивать подробности от столичных друзей.

Так, в письме от 18 февраля 1837 года он пишет сестре Прасковье в Репьевку: “И здесь наделала много шуму

⁷ Русская старина. 1884, № 7, с. 148.

⁸ Искусство. 1928. Кн. 1—2, с. 162.

смерть Пушкина, столь жалко погибшего от руки немчуры. Собираются, и еще собираются служить по нем панихиду и сделать поминки. Петр Александрович (Бестужев, муж Прасковьи. — Ж. Т.) привезет тебе подробное описание этой ужасной истории, сочиненное на месте А. И. Тургеневым. И горько, и досадно, и жаль!”⁹

Симбирянин Александр Иванович Тургенев, которому довелось на правах старого и близкого друга почти двое суток находиться у постели смертельно раненого поэта, а затем, по распоряжению Николая I, сопровождать его прах для погребения в Святогорский монастырь на Псковщине, конечно же, был самым авторитетным источником правдивой информации о разыгравшейся трагедии. Копии писем Тургенев направлял в Симбирск своим родственникам — ветерану Отечественной войны 1812 года И. С. Аржевитинову и молодому чиновнику А. Н. Татаринову.

Последний был приятелем Николая Михайловича по Дерптскому университету. В хороших отношениях Языковы находились и с И. С. Аржевитиновым. От этих знакомых они и получали копии писем А. И. Тургенева, письма Пушкина, посланного старику Геккерну накануне дуэли с его приемным сыном Дантесом, экземпляр литературных прибавлений к газете “Русский инвалид” с некрологом, написанным литератором В. Ф. Одоевским и начинающимся словами: “Солнце нашей поэзии закатилось! Пушкин скончался, в цвете лет, в середине своего великого поприща!” По распоряжению А. И. Тургенева в Симбирск были высланы копии писем покойного поэта в Москву и письма князя П. А. Вяземского к А. Я. Булгакову.

Важным поставщиком информации для Языковых явился их преданный знакомый В. Д. Комовский. По просьбе Александра Михайловича он прислал в марте несколько скопированных материалов, считая их “важными в деле”: еще одно письмо П. А. Вяземского, журналы врачей В. И. Даля и И. Т. Спасского о последних днях жизни Пушкина и последнее письмо поэта к старику Геккерну.

Александр Михайлович сделал запрос к Комовскому и относительно неопубликованного наследства Пушки-

⁹ Исторический вестник, 1883, № 12, с. 540.

на: "Много ли нового нашли в его бумагах? Тургенев пишет о каком-то "Медном рыцаре", который-де лучше всего прежнего, о переводе "Дон Жуана" и проч. Нащокин говорил о поэме "Русалка". Правда ли?. Странно, что в объявлении (в "Современнике". — Ж. Т.) об издании его сочинений не сказано, осталось ли что ненапечатанное или нет"¹⁰.

Благодаря А. И. Тургеневу в феврале в Симбирск поступило уже нашумевшее "На смерть поэта" М. Ю. Лермонтова, стоившее талантливому поэту-поручику ареста, а затем и высылки на Кавказскую войну. Языковы, кроме этих прекрасных стихов, получили стихи близкого к А. И. Тургеневу поэта В. М. Федорова и в письме к Комовскому просили пополнять их собрание и другими откликами. Тот сделал все, что мог, и уже 13 апреля Александр Михайлович с удовлетворением заявил Комовскому, приславшему новые данные о дуэли и смерти великого поэта: "Вы совершенно дополнили наши сведения о смерти Пушкина. Теперь мы имеем все, что иметь можно, все подробности, записки и наблюдения. Есть ли у вас письма А.И.Тургенева? Я могу вам прислать с них список"¹¹.

Через неделю в Симбирск поступили "Сенатские ведомости" за 10 апреля с решением военного суда над поручиком Егором де Геккерном (Дантесом). Он был признан виновным в противозаконном вызове камер-юнкера Александра Пушкина "на дуэль и нанесении ему смертельной раны, к чему было поводом то, что Пушкин, раздраженный поступками Геккерна, клонившимися к нарушению семейственного спокойствия, и дерзким обращением с женою его, написал отцу его... барону Геккерну письмо с оскорбительными для чести их обоих выражениями". Решением суда поручик лишился чинов, российского дворянства и, после утверждения приговора Николаем I, был выслан за пределы Российской империи.

Проанализировав собранные материалы, Языковы пришли к выводу, что одним из важнейших уроков гибели Пушкина является "громкое изъяснение привязанности к нему публики. Это совершенно небывалое явле-

¹⁰ Исторический вестник, 1883, № 12, с. 541.

¹¹ Языков Н.М. Свободомыслящая лира, с. 239.

ние, — заявил Александр Михайлович в письме к Комовскому. — Теперь ясно, что и у нас литературный талант есть власть”¹².

Что касается конкретных причин трагедии, то Языковым близка была точка зрения А.С. Хомякова, высказанная им в письме к Николаю Михайловичу: “Причины к дуэли порядочной не было, и вызов Пушкина показывает, что его бедное сердце давно измучилось и что ему хотелось рискнуть жизнью, чтобы разом от нее отделаться или ее возобновить. Его Петербург замучил всякими мерзостями; сам же он себя чувствовал униженным и не имел довольно силы духа, чтобы вырваться из унижения, ни довольно подлости, чтобы с ним помириться. Жена, вероятно, причина дуэли; впрочем, вела себя всегда хорошо”¹³.

Александр Михайлович в письме к Комовскому высказался еще лаконичнее и категоричнее: “Мне кажется, что эту историю всех лучше объясняют слова Пушкина, приведенные Далем: “Мне здесь не житье”. Геккерт и все прочее только придирки, только удобный случай попробовать отделаться от жизни... Из Москвы пишут, что будто Мицкевич вызвал на дуэль Дантеса”¹⁴. (Этот слух не подтвердился).

Николай Михайлович считал, что Александру Сергеевичу давно надо было удалиться из шумного Петербурга, от суеты и интриг высшего света, в Михайловское или Болдино, чтобы там целиком отдаться во власть таланта и вдохновения. И чем глубже он вникал в подробности различных версий о гибели своего великого собрата-поэта, тем больше появлялось недоуменных вопросов. Мучаясь сомнениями, он 12 июля 1837 года писал на Псковщину Алексею Вульфу: “Где ты находишься? Там, где мы некогда гуляли с нашим бессмертным Пушкиным? (Выделено мной. — Ж. Т.). Горько и досадно, что он погиб так безвременно и от руки какого-то пришлеца! История причин дуэли его чрезвычайно темна и, вероятно, останется таковою на веки веков... Его губил и погубил высший свет — в котором не житье поэтам! Покло-

¹² Исторический вестник, 1883, № 12, с. 541.

¹³ Последний год жизни Пушкина. М., 1990, с. 632.

¹⁴ Русская старина, 1903, № 3, с. 489.

нись за меня его праху, когда будешь в Святогорском монастыре”.¹⁵

Неизвестно, что именно ответил Вульф, но, судя по письму Языкова от 22 октября, видно, что тот внес сумятицу: “Ты смотришь на причины дуэли Пушкина совсем не так, как нам их показывают. В распространении слухов об этой кровавой трагедии вмешалось так много относительного и духа партий, что нашему брату, уединенному от большого света и неопытному в распутывании столичных сплетней — вовсе ничего разобрать нельзя. От тебя надеюсь узнать правду и истину. ...Нет ли у тебя стихов из “Медного всадника”, которые не напечатаны?”¹⁶

Не узнал Николай Михайлович ничего принципиально нового об этой “кровавой трагедии” и от приехавшей из Москвы на побывку сестры Екатерины с мужем, Алексеем Степановичем Хомяковым. Из письма Петра Киреевского к поэту видно, что тот возлагал “великую надежду”, что Екатерина Михайловна убедит брата сдержать давнишнее обещание и вместе с нею поехать в Москву. Но эта попытка оказалась тщетной: Николай Михайлович еще не был готов покинуть отчий край.

А с началом холодов он так сильно простудился, что пролежал, выражаясь его словами, “на одре болезни” до весны. Узнав об этом, в феврале или марте 1837 года в Симбирск прибыл Петр Киреевский, чтобы перевезти дорогого ему человека в Москву. Хотя поэт переживал сильный упадок телесных сил, так, что задыхался на каждом шагу, но духовно держался крепко и вместе с братьями охотно принял участие в составлении обращения “О собирании русских народных песен”. Этот документ, вошедший в историю фольклористики под названием “Песенная прокламация”, был подписан П. Киреевским, Н. Языковым и А. Хомяковым. Начинался он с заявления:

“Желая сохранить остатки нашей народной поэзии, особенно песни и так называемые стихи, мы собрали в течение нескольких лет и приготовили к печати большое их количество. Опыт нам показал, что необходимо спешить собиранием этих драгоценных остатков старины, приметно исчезающих из памяти народа с переменою его

¹⁵ Русская старина, 1903, № 3, с. 489.

¹⁶ Там же, с. 490.

нравов и обычаев, что важно и в этом деле общее участие всех дорожащих спасением нашей своенародной словесности от конечного ее истребления и что для полного издания песен и стихов необходимо, чтобы они были записаны везде, где это возможно”.

Далее, основываясь на своем многолетнем опыте, писательская тройка давала методические советы по записыванию песен у людей престарелых: “Записывать должно сначала со слов, потом поверять с голоса, ибо люди, привыкшие петь песни, обыкновенно лучше вспоминают их, когда поют, нежели, когда рассказывают”. В заключение, подчеркнув, что неизданные народные песни нередко содержат в себе высокую поэзию, авторы выразили надежду, что соотечественники примут участие в этом общественном деле и свои записи доставят “в г. Симбирск на имя г. гиттенфервальтера Петра Михайловича Языкова”. Чин “гиттенфервальтер” Петр Михайлович получил как золотой медалист при окончании столичного Горного кадетского корпуса, что соответствовало чину 10 класса табели о рангах, то есть “коллежскому секретарю”. Несмотря на столь скромное официальное положение, Петр Михайлович был известной и уважаемой личностью своего края как рачительный хозяин, авторитетный общественный деятель и ученый, который, начиная с 1832 года, публиковал в “Горном журнале” свои труды — “Краткое обозрение мелового образования Симбирской губернии” и другие. С начала 1830-х годов он, по просьбе брата-поэта, занялся записью фольклора. При чем весьма успешно: по мнению ученых-этнографов, его записи с голоса народных песен и стихов были одними из лучших среди собирателей того времени. Так что, несмотря на свой флегматичный характер, Петр Михайлович с этого времени по праву возглавит работу по претворению в жизнь “Песенной прокламации”.

С началом апрельского тепла Николай Михайлович закончил приготовления к поездке в Москву. Полагая, что там придется находиться продолжительное время и “жить своим домом”, он брал с собой камердинера и даже повара. Петр Киреевский, который вместе со своим Петром Бестужевым составляли компанию больному поэту, в письме к родным в Москву с удовлетворением отмечал: “Языкову, слава богу, лучше. Он на этой неделе

уже два раза проезжался... буду стараться возить его почаще, чтобы приучить к скорому отъезду... Он от воздуха чувствует себя свежее".¹⁷

Этот скорый отъезд состоялся в том же апреле 1838 года. Благодаря погожим дням и на удивление сносной дороге Николай Михайлович с Киреевским и Бестужевым быстро — "ровно в неделю" успели преодолеть весь путь от Симбирска до Москвы (через Арзамас — Муром — Владимир). Тем не менее и вполне благополучное путешествие пагубно сказалось на ослабевшем организме поэта, и он почти два месяца отлеживался в гостеприимном доме Елагиных-Киреевских, отказываясь даже от прогулок на свежем воздухе.

С начала своего пребывания в Москве Николай Михайлович отдал себя во власть старого товарища по Дерптскому университету, а теперь — известного хирурга, терапевта и невропатолога Федора Ивановича Иноземцева. Знаменитый доктор, относившийся с громадным уважением к поэту, твердо заявил, что ему надо ехать в Берлин, чтобы воспользоваться там лечением Борна. Другое московское светило профессор хирургии Григорий Яковлевич Высоцкий советовал ехать в Ганау к знаменитому доктору Коппу. Состоявшийся консилиум врачей-специалистов единогласно высказался за поездку в Германию.¹⁸

Николай Михайлович не хотел совершать длительное путешествие, да к тому же, откровенно говоря, недолюбливал все иноземное. "Мне как-то не хочется за границу, — писал он родным в Симбирск, — к немцам, в их землю". Но когда Иноземцев привел и врача, который согласился сопровождать больного в Мариенбад, а Петр Киреевский сказал, что тоже поедет вместе с ним, то поэт сдался, и в начале августа, распрощавшись с родными и близкими, отправился, впервые в жизни, за пределы России, захватив с собой томики Пушкина, Жуковского, Софийский временник и другие книги из дорожной библиотечки.

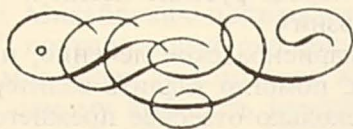
При выезде из Москвы, за Дорогомиловской заставой, он с восторгом полюбовался великолепным видом с Поклонной горы на первопрестольную столицу, а ког-

¹⁷ Астафьев В. Там, за далью непогоды..., с. 113.

¹⁸ Шенрок В. Н.М. Языков. — Вестник Европы, 1897, № 12, с. 612.

да карета достигла знаменитого Бородинского поля, то с волнением осмотрел и навсегда запечатлел его в своей памяти. Дальше путь его лежал на Смоленск, Брест, Варшаву, Берлин и, наконец, Мариенбад...

О том, с каким настроением началось лечение на далеких целебных водах, видно из письма поэта от 17 октября 1838 года старому другу Алексею Вульфу: "В Мариенбаде пробыл я почти два месяца, пил брунн (минеральную воду. — Ж. Т.), купался в воде и грязях и по окончании курса, от которого пользы не вижу, отправился в Ганау к знаменитому Коппу, где и есмь. Копп обещается поставить меня на ноги и сделать молодцом к осени 1839: в Ганау продержит меня до лета, а потом пошлет купаться в Гаштейн. Вот как скоро судьба бросает меня ныне через горы и доли, из страны в страну! Меня, который так любил и так привык пребывать на одном месте и сидеть сиднем!" Но при этом он и думать не мог, что судьба-злодейка забросила его на чужбину на целых пять лет, а со своей любимой малой родиной он разлучен навсегда. Ни Волги, ни Симбирска, ни Языкова он уже не увидит никогда...

Четыре года лечения в Германии

Верный своему слову, Николай Михайлович с отроческой поры уже полтора десятка лет почти с каждой почтой посылал родным в Симбирск письма с кратким рассказом о своем житье-бытье, новые стихи, а также книги для семейной библиотеки. Такая тесная связь с отчим краем помогала быть в курсе жизни близких людей, поддерживать общие дела, в частности и выполнять недавно опубликованную в “Симбирских губернских ведомостях” свою же “Песенную прокламацию”.

Так, в одном из первых писем из Германии поэт с удовлетворением отмечает, что Петр Киреевский, самоотверженно ухаживая за ним, находит время для приведения в порядок “своего собрания русских песен с песнями других народов. Он заходил в книжные лавки и покупал все, что к этой части относится. В Гриммовском собрании народных немецких сказок почти все русские находятся. Странно!”¹ В письме к Алексею Вульфу Николай Михайлович посоветовал ему тоже приняться “записывать с голоса народа русские песни и стихи”, в которых “столько поэзии”.²

Между тем мариенбадское лечение, или “водопой”, по словам поэта, помогло удалить солитера, и даже походка стала “несколько отвеснее прежнего”, и лицо посвежело. В середине сентября 1838 года Языков переехал в Ганау, где знаменитый Копп, знакомый с Жуковским, Вяземским, Гоголем, Шевыревым и другими русскими литераторами, оказал ему радушный прием. Только сильно огорчило решение Коппа, что лечиться в Ганау придется до мая следующего года... К счастью, на исходе 1838-го на смену Киреевскому из Симбирска прибыл Старик с врачом Иваном Петровичем Постниковым, нанятым для постоянного наблюдения за больным. Рус-

¹ Вестник Европы, 1897, №12, с. 613.

² Языков Н.М. Песни русского поэта, с. 312.

ский врач довольно быстро освоился с курсом лечения и нашел общий язык с Коппом. “Петр Михайлович, — писал довольный поэт родным, — являет деятельность необычайную; встает рано, весь день занят, все осматривает, все замечает, наблюдает, ведет журнал всему этому, ни мало не робеет на чужой стороне, весел, мягок и тепел. Он прискакал к нам на дилижансе, один-одинешенек, пробился через многие немецкие земли... Спасибо ему за этот подвиг братской любви!”³

Тем не менее Николай Михайлович сильно тосковал, не чаял, когда “вырвется из неметчины”, и строил планы возвращения в Россию. Муж сестры Прасковьи П. А. Бестужев, узнав из писем, что поэт иногда впадает в отчаяние, пообещал, как только понадобится, приехать в Ганау и отвезти его домой. Однако, несмотря на то, что он и ходить стал “несколько перпендикулярнее”, Копп заявил, что раньше осени 1839 года лечение прекращать не следует...

Пытаясь как-то разнообразить свою жизнь, Николай Михайлович начал заниматься английским языком, чтобы читать Шекспира, но врачи не разрешали переутомляться. Тогда он стал приглашать учителей и немецкого языка, и гитарного и рисовального искусств. А из Симбирска больного позабавили тем, что жена Дюка, Наталья Алексеевна, к его возвращению уже подыскивает невесту. Николай Михайлович постарался придать этому “доброму делу” полушутливый оттенок: “По возвращении восвояси, мне будет до того пора жениться, что не будет времени самому выбирать невесту... Впрочем, я возьму не из самых тонких, не летучую, не ветреную, не новомодную; мне нужна домоседка, сидячка, а того гляди еще сиделка!”⁴

Весной 1839-го, когда больной принял серию “ванн с солодом и содой”, в погожие дни он стал не только кататься, но даже ходить пешком. После одной из таких прогулок за городом, под каштановыми деревьями, он пишет в Симбирск: “...Но то ли дело дома! Здешние сады и леса удивительно пусты по сравнению с нашими; конечно, это от того, что здесь процветает просвещение:

³ Вестник Европы, 1897, № 12, с. 615.

⁴ Там же, с. 617.

зверьки, птицы и птички ловятся на съедение или на чучела в музей, насекомые также накалываются на булавки и шпильки, цветы собираются в гербарии и леса немеют и лишаются своей красоты". В этом же письме, от 25 апреля, Николай Михайлович сообщил о встрече с Петром Вяземским, возвращающимся в Петербург: "Он дал мне 1838 год "Современника", который читаю с большим удовольствием... Скоро будет возвращаться в Россию и А.И. Тургенев. Он, вероятно, тоже навестит нас...". Вспоминая об этом свидании, князь Вяземский подчеркивал, что "чистая, славянская кровная порода" Языкова не ужилась в "немецчине": "окружил себя русскими книгами, жил русской жизнью, которую носил в груди своей, в чувствах, привычках и помышлениях".⁵

Пятого мая, выполняя предписание Коппа, Языковы выехали на солевой курорт Крейнцнах. Часть дороги проходила вдоль Рейна, говоря словами Николая Михайловича, "местами живописными, винограднейшими, в виду рыцарских замков". Однако зоркий глаз поэта подметил, что паром "не лучше волжских, Рейн мелок, почти весь его переходят на баграх..." Остановились Языковы не в самом Крейнцнахе, а в близлежащей деревушке. В перерывах между купаниями в целебном источнике и другими процедурами Николай Михайлович нередко тосковал. А вот Старику-геологу здесь оказалось раздолье. "Камней пропасть, солеварни, рудники даже, недалеко отсюда камнетесальная фабрика и ртутный рудник! Есть и минералог-смотритель солеварни", — рассказывал поэт в письме к Дюку в Симбирск 15 мая 1839 года.⁶

По окончании лечения в Крейнцнахе братья вернулись в Ганау, и там Копп, к большому огорчению поэта, которого доктор-немец называл не иначе, как "господин барон", заявил о необходимости побывать еще на высокогорном австрийском курорте Гаштейн, а на зиму перебраться... в Рим! Свою досаду Николай Михайлович излил в письме к Вульффу: "Мне теперь ничего так не хочется, — мне никогда ничего так не хотелось, как поскорее восвояси. Эта жизнь под перстом медицины, это таскание от одного места лечения к другому, это всегдашнее

⁵ С.-Петербургские ведомости, 1847, № 91.

⁶ Языков Н.М. Свободомыслящая лира, с. 249.

пробывание в комнате в закупорке, эти несносно-тягостные переезды и переживания, и отдыхи от одного лекарства до другого, — этот чужой язык и люд, другой закон, другие нравы — и, наконец, вся эта микстура... и мази, и пластыри — слабительные, свербительные и томительные”.⁷

И каким приятным сюрпризом стало появление 30 июня в Ганау Николая Васильевича Гоголя, направлявшегося из Рима в Мариенбад для встречи с москвичами М. Погодиным, С. Шевыревым и чехом-славяноведом Павлом Шафариком. Заочно Языков и Гоголь давно питали симпатии друг к другу, а теперь, после личной встречи, они стали верными друзьями. Сообщая об этом знакомстве в Симбирск, поэт сказал, что “с Гоголем было весело” и ему он очень понравился, а Старик добавил, что с Гоголем “и в Хиве весело можно провести время”.⁸

Стремясь заполнить время полезными делами, братья занимались в Ганау переводами с русского на немецкий. Они перевели очерк “Тильзит” Д. Давыдова, письма В. Жуковского о смерти Карамзина и о “Мадонне” Рафаэля, пушкинские стихотворения “К морю”, “Узник” и, конечно, несколько языковских. “Немцы в восхищении, — сообщал Старик в Симбирск, — никто из них не ожидал, чтобы у нас было что-нибудь похожее на эти произведения... Все это будет печататься в немецких журналах”.⁹

Один из начинающих немецких журналистов, у которого Николай Михайлович брал несколько уроков английского, между делом расспрашивал братьев об их родных, о месте обучения, “о том и сем и даже прочем” и, неожиданно для Языковых, напечатал в немецком журнале “Европа” большую биографию поэта-волжанина. Николай Михайлович был крайне недоволен появлением в печати этой “глупости” и в письме к родным выразил радость, что журнал “Европа” не попадет в Россию, а то кто-нибудь еще подумает, что он “нанял себе хвалителя!”¹⁰

⁷ Афанасьев В. Там, за далью непогоды..., с. 117.

⁸ Вестник Европы, 1897, № 12, с. 618.

⁹ Афанасьев В. Там, за далью непогоды..., с. 118.

¹⁰ Языков Н.М. Свободомыслящая лира, с. 258.

В начале октября 1839 года, когда жара спала, Языковы перекочевали на север Италии, в курортное местечко на берегу озера Комо, где, по словам Николая Михайловича, они будут “под присмотром Д.Поганини, брата известного скрипача”.¹¹ С наступлением зимы братья переехали в знаменитую Ниццу, на самый юг Франции. “Этот берег Средиземного моря, — делился поэт своими впечатлениями с родными в письме от 10 декабря, — край благословенный, все зеленеет и цветет — померанцы, оливы, финики и сливы — во всей красе и свежести, а уж солнце печет по-летнему!”¹²

Благодатный климат юга оказал благотворное влияние на здоровье Николая Михайловича, и с первых дней нового, 1840 года, как это видно из дневника Петра Михайловича, он повеселел и даже застихотворствовал. В специальную “зеленую книжку” (как отмечает исследователь В. Афанасьев) поэт почти ежедневно диктовал Старику “подлинные шедевры языковской поэзии”: “Ницца приморская”, “Буря”, “Морская тоня”, “Корабль”. Вот строки из “Морского купанья”, которыми нельзя не восхищаться:

*... Мне любо. Из грома, из пены
И холода — легок и свеж выхожу,
Живее мои выпрямляются члены,
Вольнее дышу, веселее гляжу
На берег, на горы, на светлое море.
Мне чудится, словно прошло мое горе,
И юность такая ж, как прежде была,
Во мне встрепенулась, и жизнь моя снова
Гулять, распевать, красоваться готова
Свободно, беспечно — резва, удала.*

“Встрепенулась” юность в душе поэта, когда он творил послание “Графу Владимиру Алексеевичу Соллогу-бу”, своему “родне по месту воспитания”:

*... Когда в чужбине я свою
Неугомонную тоску перетоскую
И чашу горькую допью,
В Симбирск я возвращусь, в мое уединенье,
В покой родимого гнезда,*

¹¹ Языков Н.М. Свободомыслящая лира, с. 250.

¹² Афанасьев В. Там, за далью непогоды..., с. 121.

*На благодатное, привольное сиденье,
Здоров и радостен, — тогда
Меня ты посетишь в моем приюте милом;
Тогда камин, домашний друг
Моих парнасских дел, янтарным, ярким пылом
Осветит мирный наш досуг...*

В эти же мартовские дни 1840 года поэт трогательно признается: “Копп велит мне как можно избегать сильных ощущений, а я беспрестанно волнуюсь, только что вспомню, что я так далеко от всего мне родного и милого, — это, вероятно, мешает и моему выздоровлению, — но как же быть, как избежать самого себя, своего я?”¹³ Были дни, когда Николай Михайлович раскаивался, что забрался в такую даль. “Стихи на ум нейдут, когда и соберусь писать, — сетовал он 2 апреля в письме к В. А. Елагину в Москву, — все не так, как было на Руси! Жду не дождусь, когда в обратный путь: здоровья, видно, мне уже и во сне не видать, хоть бы домой... Радуюсь, что Баратынский и Хомяков не оставляют лир своих...”¹⁴

Летом 1840 года в Ницце Николай Михайлович закончил одно из лучших своих эпических стихотворений — “К Рейну”, где, воспевая благословенную реку Германии, он мысленно переносится к родной Волге:

*Я волжанин: тебе приветы Волги нашей
Принес я. Слышал ты об ней?
Велик, прекрасен ты! Но Волга больше, краше,
Великолепнее, пышней,
И глубже, быстрая, и шире, голубая!
Не так, не так она бурлит,
Когда поднимется погода верховая
И белый вал заговорит!
А какова она, шумящих волн громада,
Весной, как с выси берегов
Через ее разлив не перекинешь взгляда,
Через море вод и островов!
По царству и река!.. Тебе привет заздравный
Ее, властительницы вод,
Обширных русских вод, простершей ход свой славный,
Всегда торжественный свой ход,*

¹³ Языков Н.М. Свободомыслящая лира, с 254.

¹⁴ Языков Н.М. Песни русского поэта, с. 315

*Между холмов, и гор, и долов многоплодных
До темных Каспия зыбей!..*

За приветами Волги-матушки следовали приветы ее данниц (притоков): “Оки, поемистой, дубравной”, “Суры-красавицы, задумчиво бродящей”, “Свияги пажитной, игривой и бессонной, среди хозяйственных забот”, “Камы сумрачной, широкой и глубокой”, “Самары, чье течение живое не слышно в говоре гостей, ссыпающих в суда богатство полевое”, “проворного, лихого Черемшана, и двух Иргизов луговых, и тихоструйного, привольного Сызрана...”¹⁵

Профессор Московского университета Степан Шевырев, анализируя стихотворение “К Рейну”, особо отметил, что главная мысль “этой дивной горацанской оды есть та, что здесь живое чувство любви к родному слилось с прекрасным, благородным, теплым сочувствием к образованной чужбине. Заклучив приветы родных своих рек, волжанин продолжает:

... Теки со славой,

Князь многих рек, светло теки!

Блистай, красуйся, Рейн! Да ни грозы военной,

Ни песен радостных врага

Не слышишь вечно ты; да мир благословенный

Твои покоит берега!..

Того русского великодушного чувства, которое дышит в этих стихах, не заметило близорукое пристрастие врагов Языкова, придиравшихся к его русским поговоркам и шуткам о неметчине...”¹⁶

Осенью 1840 года, после принятия в уже знакомом Гаштейне “двух курсов” купания в “электрических водах”, Николай Михайлович с братом вернулся к Коппу в Ганау, и сюда вновь наведася Василий Андреевич Жуковский со своею невестой. Маститый поэт ввел Языкова в курс “жарких и коренных споров”, ведущихся в Москве между славянофилами и западниками, и повез в Россию новые стихи волжанина — “К Рейну” и другие. Когда они попали в руки А. С. Хомякова, тот сказал, что “лучших стихов нет на русском языке по полнотечию, силе и движению стиха”, да и об остальных последних стихах

¹⁵ Языков Н.М. Стихотворения и поэмы, с. 324, 325.

¹⁶ С.-Петербургские ведомости, 1847, № 91.

своего шурина-поэта он был тоже очень высокого мнения: “Так хороши, что просто чудо”.¹⁷

Этой осенью Николай Михайлович впервые за три года жизни на чужбине оказался без близких: Петр Михайлович, оставив в Ганау свои “кабинет улиток и раковин и множество книг по части геологии”, уехал в Дрезден, куда прибыла на лечение его супруга с детьми; вернулся в Россию и доктор Иван Петрович Постников. Как назло, зимой обострились недуги... Но Копп, крупнейшая знаменитость медицинского мира Германии, регулярно навещал русского поэта. По его совету в комнате больного был установлен ножной токарный станок, на котором (для тренировки ног) он работал каждый день и даже два раза в неделю брал уроки токарного искусства. Петр Михайлович в связи с этим в письме от 9 апреля 1841 года просил Дюка, чтобы он выписал из Москвы в Симбирск такой же станок для Весселя: это будет для него приятный сюрприз.¹⁸

Весной 1841 года Копп направил поэта на воды в тихое курортное местечко Швальбах, где он со Стариком протосковал большую часть лета. За это время были две приятные встречи: одна — с В. А. Жуковским и его молодой женой, а вторая — с молодым Михаилом Бакуниным, который оставил офицерскую службу ради занятий философией, в том числе и с трудами Гегеля. В письме к родным в Симбирск Николай Михайлович о своих планах отозвался скупой: “Не помню, чтобы я обещал возвратиться скоро в Языково. Это, мои милые, дело будущего. Если Копп, по возвращении моем отсюда в Ганау, скажет мне, что ему надо мной делать больше нечего, то само собой разумеется, что мне надобно будет отправиться восвояси”¹⁹.

По возвращении в Ганау, во второй половине августа, сюда пожаловали жена Петра Михайловича с детьми и направляющийся в Россию... Н.В. Гоголь! Месяц, который Николай Михайлович провел в таком приятном обществе, у него остался в памяти как время, которое “летело во весь дух”. У Гоголя и Николая Языкова составил-

¹⁷ Языков Н.М. Свободомыслящая лира, с. 257.

¹⁸ Там же, с. 259.

¹⁹ Вестник Европы, 1897, с. 622.

ся план вместе ехать в Москву и там поселиться в одном доме. Но прибывшие в Ганау Жуковский и Авдотья Елагина, посоветовавшись с Коппом, добились, чтобы Языков остался на уже “последнее зимовье” в Германии. После этого решения Петр Михайлович с Гоголем отправился в Дрезден, откуда он поехал к своей семье, а автор “Мертвых душ” (еще готовившихся к печати) — в Москву. Сообщив родным об этих новостях, поэт добавил: “Гоголь обещался приехать пожить к нам в Симбирск, чтобы получить истинное понятие о странах приволжских: это будет нам хорошо... Он премилый, и я рад, что брат Петр Михайлович не один пустился в дальний путь, а с товарищем, с которым не может быть скучно...”

В память о дружеской жизни в Ганау Языковы и Гоголь заказали свои портреты, о которых Николай Михайлович в письме от 27 ноября 1841 года сообщал в Симбирск: “Известия о моем портрете вполне удовлетворительны. Я нарисован чересчур цветущим и молодцеватым, а положение мне дано вальтерскоттское”. О портрете Гоголя: “Гоголев очерк, вопреки тому, что вы о нем пишете, очень похож: Копп узнал его как раз. Я вклею его в мой альбом”²⁰.

Между тем Гоголь, остановившийся в Москве у М. Погодина, вместе с А. Елагиной энергично готовил почву для совместного проживания с Николаем Языковым. Установились у него и дружеские отношения с семьей Хомяковых. Сестра нашего поэта Екатерина Михайловна сообщила ему 16 ноября: “Гоголь представлял в лицах вас с Бакуниным... Как я рада была видеть его; много рассказывал об вас, и все радостное; весело слушать, как он любит вас, я полюбила его очень... Ждет вас и сказывал, что будете жить вместе”²¹.

Но уже в начале 1842 года планы у творца “Мертвых душ” изменились. То ли подействовали морозы, от которых он в Риме уже отвык, то ли пересуды, сплетни и толки в обществе, то ли ухудшение здоровья, то ли просто хандра, но Николай Васильевич стал тяготиться жизнью в Москве. Это заметил Александр Михайлович Языков и сообщил в Ганау Весселю. А тот в письме от

²⁰ Вестник Европы, 1897. с. 624.

²¹ Литературное наследство, М., 1984. Т. 58, с. 609.

15 января с досадой констатировал: “Гоголь обещался прислать мне наши литературные новости, да что-то притаился и перестал писать ко мне”.²²

А Гоголь собрался с письмом к Николаю Михайловичу аж 10 февраля 1842 года. Подтвердив получение его новых “чудных стихотворений, которые дунули на всех свежестью и силою”, он затем сообщил о скором своем приезде в Ганау: “Мы отправимся вместе с Петром Михайловичем и Балдовым. Здоровье мое сделалось значительно хуже. Мне советуют ехать в Гаштейн, как кстати!”²³

Между тем обстоятельства сложились так, что П. М. Языков вместе со своим управляющим Иваном Балдовым уехали по делам в Симбирск и надолго там задержались. Нетрудно представить, каково было Николаю Михайловичу довольствоваться на далекой чужбине обществом одного своего камердинера Сильвестра. Отрадными бывали лишь те дни, когда почта доставляла весточки из России (посланные месяц назад!).

В начале 1842 года обрадовало очередное послание Каролины Павловой, в котором она с благодарностью приветствовала его:

*Не много вас одноплеменных,
Средь шума алчной суеты,
Жрецов коленопреклоненных
Перед кумиром красоты!
И первый пал! — и в днях расцвета
Уж и другой лечь в гроб успел!..
Да помнит же поэт поэта
В час светлых дум и стройных дел!*²⁴

Ясно, что под “первым” подразумевался Пушкин, а “другой” — это Лермонтов. И, конечно же, Николай Михайлович не мог не отметить в душе, что поэтесса поставила его рядом со столь высокочтимыми поэтами.

С удовлетворением воспринял Николай Михайлович подготовку “Симбирского сборника”, в которой активное участие принял его племянник, выпускник Московского университета Дмитрий Валуев. Призывая Дюка про-

²² Вестник Европы, 1897, № 12, с. 627.

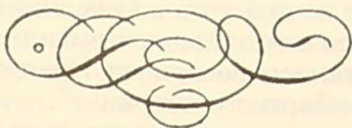
²³ Переписка Н.В. Гоголя в 2 томах. Т. 2. М., 1988, с. 374

²⁴ Языков Н.М. ПСС. М., 1934, с. 690.

должать это начинание, поэт пишет 14 мая: “Можно, я думаю, поднять многие домашние архивы симбирские и отыскать в них драгоценности исторические... Валуев прислал мне два вида Языкова, им снятые, — очень хорошенюкие. Я гляжу на них в сладость сердцу — и мечтаю!”²⁵

Зорко наблюдавший за “господином бароном” Копп предложил ему снова отправиться на целебные воды в Гаштейн, и в конце мая Николай Михайлович направился туда, но сделал “крюк”: заехал в Дрезден, где пробыл почти три недели в обществе жены Старика, Елизаветы Петровны. В середине июля в Гаштейн приехал Гоголь и стал “подзывать” ехать вместе с ним зимовать в Рим. “Он привез мне “Мертвые души”, — сообщал поэт в Симбирск Дюку, — которыми я наслаждаюсь, тем более что почитаю это сочинение чрезвычайно полезным нашему любезному отечеству. Не забудь написать мне, какое впечатление сделало оно на губернских и уездных дворян у нас в Симбирске... Как смотрят они на это живое зеркало, столь верно и нелестно показывающее им самим образ их или образины?”

Заботливое ухаживание Гоголя за больным поэтом и уверения, что зимовка в Риме благотворно скажется на его здоровье, подвигли Николая Михайловича навсегда оставить Ганау, и 22 сентября он уже любовался достопримечательностями Венеции, а 10 октября в приподнятом настроении написал Дюку: “Возвещаю тебе, а ты возвести всем, кому о том знать следует, что октября 4 дня 1842 года мы прибыли благополучно во град Рим!”²⁶

²⁵ Языков Н.М. Свободомыслящая лира, с. 265.

²⁶ Там же, с. 267, 269.

“ На Русь! Там сердцу
весеlee... ”

По приезде в Рим Языков с Гоголем остановились в отеле с притягательным для них названием “Россия”, а через несколько дней переехали в частный дом (улица Виа Феличе, № 126), в котором Николай Васильевич, бывая в Вечном городе, обыкновенно останавливался сам. Двухкомнатная квартира в бельэтаже с окнами на солнечную сторону была предоставлена больному Языкову; над ним, в точно такой же квартире (с бильярдом), разместился Гоголь. А в следующем месяце на четвертом этаже снял квартиру искусствовед Федор Васильевич Чижов — давний знакомый Гоголя по Петербургу.

В числе первых посетителей Языкова стали три русских художника — воспитанники Петербургской академии художеств, и в их числе академик Александр Андреевич Иванов, уже несколько лет трудившийся над грандиозной картиной “Явление Христа народу”. Собирались обычно у Николая Михайловича вечером, когда Николай Васильевич завершал “творческое уединение” в своей квартире и приходил посидеть за большим круглым столом, в центре которого ставилась маленькая бутылочка любимого итальянцами вина марки “Алеатико”.

Чаще всего разговоры шли о России, о тех новостях, которые привозили соотичи или публиковались в столичной периодике. Благо, какой-то московский купец пожертвовал русским художникам, творившим в Риме, очень хорошо подобранную библиотеку русских книг и журналов. Николай Михайлович, рассказывая Дюку об этом приятном новшестве в письме от 9 января 1843 года, особо отметил, что новые журналы — “Москвитянин” и “Отечественные записки” тоже есть и он сейчас читает последний, да попросил: “Скажи Старика, что он обещал Гоголю прислать собрание слов и описание крестьянских ремесел, им, Стариком, составленные. Гоголь ждет; ему теперь нужны оба эти предмета”.¹

¹ Языков Н.М. Свободомыслящая лира, с. 272.

Это “собрание”, судя по письмам Николая Михайловича, Гоголю понадобилось в ходе работы над вторым томом “Мертвых душ”. Первый же — это чувствовалось даже в “чертовской дали” (то есть в Риме) — пользовался популярностью в России. “Гоголь получает отовсюду известия, — говорилось в другом письме Языкова к брату, — что его сильно ругают русские помещики: вот ясные доказательства, что портреты их списаны им верно и что подлинники задеты за живое. Таков талант! Многие прежде Гоголя описывали житье-бытье российского дворянства, но никто не рассерживал его так сильно, как он. Жаль, что эти портреты списаны не во весь рост. То ли было бы!”²

Зима в Риме в этом году выдалась холодная, сырая и ветреная. Иногда по нескольку дней, даже в феврале, бывали такие, которых Николай Михайлович раньше нигде и никогда не видывал: “Дождь лил, не переставая ни на минуту, с утра до вечера, и лил, как из ведра, как из ушата!” Вода била в окна, по улице “текла река”.

Когда же выпадали погожие дни, то поэт вместе с Гоголем или один катался в открытой коляске по городу и его окрестностям. Но в отличие от Гоголя Языков большую часть времени проводил дома: он ждал “укрепления ног”. И даже 27 февраля 1843 года сетовал на свою вынужденную малоподвижность: “Я по церквам римским хожу и даже собираюсь в наступающем марте осматривать и галереи, разумеется, только те, которые доступны ногам моим. Горько было бы мне уехать из Рима, не видавши хоть сотой доли его славностей и чудес искусства!”³

Судя по письмам Николая Михайловича, в отношениях с автором “Мертвых душ” не всегда все было безоблачным. Николай Васильевич был “великим охотником распоряжаться и хозяйничать”, но далеко не все получалось так, как он хотел: квартира оказалась не приспособленной к зимним холодам, и в комнатах Николая Михайловича градусник показывал иногда +9° R (11,25°C); торговцы, поставлявшие на дом припасы, Гоголя непрестанно обирали и обманывали... Когда в Риме появилась

² Языков Н.М. Свободомыслящая лира, с. 270.

³ Там же.

Александра Осиповна Смирнова (“урожденная Розетта”), которую некогда А. С. Хомяков восхвалял “под именем девы-розы”, Гоголь, по выражению Николая Михайловича, “егозил” вокруг нее несколько дней...⁴

Но в начале марта в городе заметно повеяло весной, настроение Языкова улучшилось, и, как это подметил Гоголь, он даже “принялся за перо”⁵. И почин, навеянный живыми впечатлениями от общения с прекрасной природой, оказался такой яркой поэтической картиной, что читатель, не ведавший о недугах автора, мог подумать, что поэт, написавший “Весну”, — это человек, обладающий пышущим здоровьем.

*Великолепный день! На мягкой мураве
Лежу, — ни облачка в небесной синеве!
Цветет зеленый луг; чистейший воздух горный
Прохладой сладостной и негой животворной
Струится в грудь мою, — и полон я весной!
И вот певец ее летает надо мной,
И звуки надо мной веселые летают!
И чувство дивное те звуки напевают
Мне на душу; даюсь невольно забытью
Волшебному, глаза невольно закрываю:
Легко мне, так легко, как будто я летаю,
Летаю и пою, летаю и пою!*⁶

Душа поэта пела еще и потому, что кончилось полугодие, на которое нанималась квартира, и настала заветная пора сбора в дорогу. Отправились они с Гоголем 2 мая и “кое-как, с переночевками, отдыхами” во Флоренции, Болонье, Модене, Вероне, Бадене, Инсбруке и Зальцбурге 14 мая добрались до хорошо знакомого Гаштейна, накрытого несносною мглой... Неделью побыв с Языковым, Гоголь тепло распрощался с ним и направился в Дюссельдорф, где вместе с женой обосновался Жуковский.

А Николай Михайлович дает указания Сильвестру готовить к сему путешествию свою карету, которую полушутливо называл “лучшей квартирой” во время странствий в чужих краях. И не раз он добрым словом вспоми-

⁴ Языков Н. М. Свободомыслящая лира, с. 273.

⁵ Переписка Н.В. Гоголя. Т. 2, с. 295.

⁶ Языков Н.М. Стихотворения и поэмы, с. 334.

нал московского мастера Евдокимова, изготовившего превосходный, прочный экипаж, которым восхищались даже немецкие умельцы. После долгих колебаний поэт не решился заехать к Коппу, чтобы поговорить о своей болезни и поблагодарить за доброе к себе отношение, и послал почтенному медику теплое прощальное письмо.

Не забыл он почтить вниманием и доктора Ивана Петровича Постникова, который не за страх, а за совесть помогал ему на чужбине бороться с недугами. В посвященной ему элегии (датированной 10 июня) последние строки выражали сокровенное желание:

*Ах, горы, горы! Прочь скорее
От них домой! Не их я сын!
На Русь! Там сердцу веселее
В виду смеющихся долин!*⁷

В следующей элегии, написанной 16 июня, поэт-волжанин словно продолжает эту заветную мысль:

*Я вырос на светлых холмах и равнинах,
Привык побродить, разгуляться мой взор;
Мне своды небес чтоб высоко, высоко
Сияли открыты — туда и сюда,
По краю небес чтоб тянулась гряда
Лесистых пригорков, синясь далеко,
Далеко; там дышит свободнее грудь!
А горы да горы... они так и давят
Мне душу, суровые: словно заставят
Они мне желанный на родину путь.*⁸

Наконец, в послании из Гаштейна к Дюку он твердо заявляет: "Теперь у меня одна охота и забота: поспешать домой..."⁹

Путешествие на родину продолжалось почти весь июль, и только 31 числа Николай Михайлович смог радостно сообщить, что он прибыл в Белокаменную и на время поселился в квартире, которую прежде занимал уехавший за границу Дмитрий Валуев. "Наконец, возвратился я на родину, — извещал поэт Петра Киреевского, — на место... Могу сказать, что я вышел на берег с океана вод, по которому пять лет носился, подобно утлой ладье!.. Ивану

⁷ Языков Н.М. Стихотворения и поэмы, с. 334.

⁸ Там же, с. 335.

⁹ Языков Н.М. Свободомыслящая лира, с. 276.

Васильевичу Киреевскому мой поклон: я не люблю Ивана Васильевича Грозного, но люблю Ивана Васильевича Киреевского”.¹⁰

Одним из первых, кто нанес визит Языкову, не считая доктора Федора Ивановича Иноземцева, был Константин Аксаков, которого до этого он знал заочно и теперь назвал “пылким рыцарем Москвы и Руси”. Авдотья Петровна навещала его ежедневно. 17 августа поэтесса Каролина Павловна подъехала к дому и, сидя на “бурном коне”, говорила с Николаем Михайловичем, сидящим в комнате у окна. А 4 сентября он перебрался в дом княгини Гагариной в Малом Власьевском переулке, что в приходе Иоанна Предтечи, и в первом же письме из новой квартиры в Симбирск заявил Дюку: “Покуда мне вовсе не скучно: напротив — у меня такие съезды гостей, что иногда приходится мне и трудно. Это все, разумеется, на первых порах, все желают видеть — каков я возвратился из-за границы”.¹¹

Многих при этом интересовала и его позиция в той литературной полемике, которая с особой силой разгорелась этим летом. Еще в дороге, в Дрездене, Николай Михайлович встретился с направлявшимися в Мариенбад земляками-симбирянами А. И. Тургеневым и И. С. Аржевитиновым, которые поведали: “Белинский сильно разбранил Хомякова и всех нас...” В Москве Николай Михайлович сам убедился, что в каждой книжке “Отечественных записок” В. Белинский поругивает не только его и А. Хомякова за стихи, но и Петра Киреевского, который ничего своего не публикует, а “собирает песни келейно”.

Николай Михайлович довольно спокойно относился к критическим выпадам “неистового Виссариона”, полагая, что с ответом на них следует подождать до приезда из деревни Хомякова, считавшегося “первоначальником” славянофильского кружка. А пока наш поэт принялся с братьями за подготовку своих стихов, “сочиненных после собрания 1833 года”, чтобы показать друзьям, да и тому же Белинскому, чем он занимался десятилетие. С нетерпением он дожидался того дня, когда Михаил Своеходов (врач-гомеопат, увлекавшийся живописью), объехавший

¹⁰ Языков Н. М. Песни русского поэта, с. 320.

¹¹ Языков Н. М. Свободомыслящая лира, с. 278.

с Дмитрием Валуевым симбирский край, вручит ему акварельные рисунки села Языкова, которые обещал подарить для украшения его московской обители. “Очень хороши, — отзывался Николай Михайлович об этих работах, — очень хороши. Эти виды часто переносят меня туда, туда... Мечта зовет, но быть ли там когда?”¹²

Да, он страстно хотел поехать в милые сердцу Симбирск и Языково, но доктор Ф. И. Иноземцев, которому он вверил свою судьбу, пока исключил такую возможность. Более того, с наступлением холодов он требовал не выходить на улицу, ибо микстуры, которые прописал Языкову, требовали нахождения в теплом помещении. Для упорядочения образа жизни Николай Михайлович со 2 ноября 1843 года установил у себя постоянные “вторники” — вечера, чтобы, как он пояснял в письме Дюку, “неближайших знакомых принимать единожды в неделю, а не всякий день сидеть начеку, ожидая, что кто-нибудь придет”.¹³

Для ближайших же знакомых, таких, как Елагины-Киреевские, кстати, и проживавшие недалеко, обитель поэта была открыта в любой день. Когда же в воздухе замелькали “белые мухи”, то Хомяковы (нанявшие дом тоже поблизости) переехали из деревни в Москву и, естественно, имели свободный доступ к Николаю Михайловичу, как и его племянник Дмитрий Валуев, вернувшийся из-за границы. Время от времени навещались из Симбирска Дюк и Старик.

В обители поэта постоянно витал дух и Гоголя: ему Николай Михайлович обычно посылал письма два раза в месяц и почти столько же получал ответов. Переписку с автором “Мертвых душ” вели также издатель этой книги профессор университета С. П. Шевырев, автор очерков о природе Поволжья, об ужении рыбы, охоте С. Т. Аксаков, другие общие знакомые, и, собираясь у Языкова, они, естественно, обменивались полученными от Гоголя новостями, его просьбами о высылке книжных и журнальных новинок.

Насколько подробно интересовала Николая Васильевича жизнь самого Языкова, дает представление адре-

¹² Афанасьев В. Там, за далью непогоды..., с. 158.

¹³ Языков Н.М. Свободомыслящая лира, с. 280.

ванная ему записка из Дюссельдорфа от 1 сентября 1843 года (переданная через С. П. Шевырева): “С нетерпением жажду от тебя известия, — писал он поэту, — 1) как ты доехал, 2) какое почувствовал чувство при встрече с Русью и при въезде в Москву, 3) как и кого нашел в Москве, 4) как и где пристроился и в чем состоит удобство и неудобство пристроения, 5) что и как и где твои братья с женами и детьми и 6) какие намерения впредь... Мой поклон передай всем твоим братьям и сестрам, которые помнят и которые забыли меня, и которые даже не видели меня”.¹⁴ Примечательно, что писателю-психологу хотелось также узнать и о впечатлениях простолюдина, вернувшегося на родину, и просит Языкова сообщить о своем камердинере: “Каких мыслей Сильвестр о Москве и вообще каков его взгляд на Отечество?”¹⁵. В этом же письме, от 5 октября, поблагодарив Николая Михайловича за готовность наделять его книгами, Гоголь просит доставлять их через соотечественников, которых Ф. И. Иноземцев и другие доктора направляют на лечение за границу.

Доверительный и одновременно профессиональный характер носит и такая гоголевская просьба в письме от 4 ноября к Николаю Михайловичу: “Уведомляй, между прочим, о том, что ты именно читал или читаешь и какого рода остался после чтения в душе результат. Мы должны помогать друг другу и делиться впечатлениями”. Искренне желая помочь в преодолении мучивших его недугов, Гоголь излагает далее свое открытие, как поэт должен их преодолевать: “Мне кажется, что все мази и притирания надобно понемногу отправлять за окошко. Тело твоё возбуждали довольно, пора ему дать даже необходимый отдых, а вместо этого дать работу духу. На болезнь нужно смотреть, как на сражение. Сражаться с нею, мне кажется, следует таким же образом, как святые отшельники говорят о сражении с дьяволом”.¹⁶ Впрочем, Николай Васильевич советовал и побольше бывать на воздухе.

Постепенно языковские “вторники” стали неотъемлемой частью литературной жизни Москвы. К числу по-

¹⁴ Гоголь Н. В. ПСС, Т.12. М., 1952., с. 212.

¹⁵ Там же, с. 221.

¹⁶ Там же, с. 237.

сетителей добавились Д. Н. Свербеев с женой, Каролина Павлова с мужем — писателем Николаем Филипповичем, стихотворец и цензор Н. Н. Боборыкин, публицисты Ю. Ф. Самарин и А. И. Герцен. Толковали не только о литературных новостях: М. П. Погодин отмечал в своем дневнике разговоры и “о бессудности и отсутствии всякой управы; в чем виновато правительство, в чем виноват народ”.

В центре же внимания просвещенного общества в это время были публичные лекции молодого университетского профессора Тимофея Грановского, преподававшего историю средних веков. Извещая о них Дюка в письме от 2 декабря 1843 года, Николай Михайлович подчеркивал: “Все от них в восторге, начиная от Чаадаева... Явление отрадное, важное, великолепное! Никогда Москва и, вероятно, Россия не видывала столь глубокого знания предмета — такого ясного взгляда на оный и такого мастерского изложения и увлекательной речи на кафедре!”¹⁷ В тот же день о лекциях Грановского поэт рассказал в письме к сестре Прасковье Бестужевой в Репьевку. Пользуясь случаем, он выразил уверенность, что теперь, с установлением санного пути, Старик “прискачет” в Москву. Да и Дюк, наверное, “переделал все дела” да перевез из деревни в Симбирск свое семейство и тоже сможет прибыть сюда, как, впрочем, и Иван Балдин (так тоже называли Балдова)¹⁸.

Не успело это письмо дойти до Симбирска, как Петр Михайлович выехал в Москву, и новый 1844 год для поэта стал двойным праздником: брат привез письма и приветы от родных и знакомых и, конечно же, любовно приготовленные домашними деликатесы, а главное — после долгой разлуки можно было, наконец, отвести душу в разговорах о наболевшем, обсудить возможность поездки в отчий край.

Языковские “вторники” теперь стали многолюднее и оживленнее. Немалую роль в этом сыграл и Дмитрий Валуйев, который как один из руководителей “Московского сборника” и журнала “Библиотека для воспитания” имел тесные отношения с видными литераторами и учеными Москвы, причем и славянофилами, и западниками.

¹⁷ Языков Н.М. Свободомыслящая лира, с. 282.

¹⁸ Языков Н.М. Сочинения / Сост., вступит статья, примеч. А.А. Карпова. / Л., 1982, с. 370.

Представители этих “литературных обществ”, споривших между собой, по словам Николая Михайловича, “о нашей народности, о возможности восстановить прошедшее, о необходимости настоящего и будущего, более сообразных с прошедшим и существенно русским”, обычно вполне лояльно относились друг к другу как на публичных диспутах, так и на “вторниках” нашего поэта, хотя споры, скажем, между Юрием Самариным и Константином Аксаковым, с одной стороны, и Алексеем Хомяковым — с другой, иногда доходили и до крика.

Вот как выглядел один из “вторников”, по описанию самого поэта, отправленному 21 февраля 1844 года Дюку: “Дамы были: Анна Петровна Зонтаг (Авдотья Петровна нездорова), Катерина Александровна Свербеева и Хомякова. Кавалеры, или мужчины: Дм. Н. Свербеев, Стадлер, Герке, Самарин, Кавелин, Попов, В. Елагин, П. Киреевский, Хомяков, Валуев и Аксаков. Споров очень шумных не было, хотя и действовали на обычном поле Хомяков, Аксаков и Самарин и даже П. В. (Киреевский. — Ж. Т.)... В половине первого разъехались. Лекции Грановского продолжаются и лучше прежних”¹⁹.

Между прочим, на одном из языковских “вторников” была разработана программа обеда (по подписке) по случаю окончания курса лекций этого популярного профессора. “Обед будет в доме К. Аксакова, — сообщал Николай Михайлович Дюку 15 марта 1844 года. — Дмитрий Николаевич (Свербеев. — Ж. Т.) сядет подле Константина Аксакова, Хомяков — подле меня, Павлов — подле Погодина, как громоотводов подле облаков, могущих грянуть грозно на противную сторону и да не будет снова за слова спору, крику, ссоры, бури! Главным распорядителем обеда — старик Аксаков, а за ним Самарин²⁰. Обед прошел пышно и мирно, и вместо недавнего “жаркого разногласия” наступило “видимое жаркое согласие”. Но Николаю Михайловичу, наблюдавшему, как “противные партии обнимались и целовались”, не верилось, “чтобы Запад мог искренне примириться или помириться с Востоком!”

Но поэт и в мыслях не допускал, что уже через три месяца сменит роль громоотвода на роль громовержца в разгоревшейся схватке западников с восточниками.

¹⁹ Языков Н. М. Свободомыслящая лира, с. 286.

²⁰ Вестник Европы. 1897, № 12, с. 640.

В гуще споров западников и славянофилов

Минуло девять месяцев со времени возвращения поэта с чужбины в Москву, а муза его все это время молчала — впервые в жизни так долго. Но с наступлением апрельских погожих дней, когда впервые за пять лет Языков вновь стал свидетелем пробуждения русской природы, перо его “расписалось”.

Не последнюю роль в этом сыграло послание П. А. Вяземского из Дерпта, полученное Николаем Михайловичем еще в прошлом году. Оно напоминало о забываемом времени, когда, по словам князя, творили “Дельвиг, Пушкин, Баратынский, русской музы близнецы”, и он, “Языков простодушный, наш заволжский соловей”. Конечно, Николаю Михайловичу не могло не льстить, что маститый поэт, друг Карамзина, Батюшкова, Баратынского, братьев Тургеневых и Пушкина, по-прежнему высоко оценивает его “звучные песнопения”.¹

В своем ответном послании, датированном 16 апреля 1844 года, наш поэт пишет:

*Теперь я крепче: грусть и скуку
Прочь от себя уже стихом
Я отогнал и подаю вам руку!*

И надеется на полное исцеление:

*...О братья! О друзья!
Ужель дождусь я благодати,
Что смело, весело спрыгну
С моей болезненной кровати,
И гоголем пойду, и песню затяну!*²

Через два дня, уже в послании к Каролине Карловне Павловой (два предыдущих были написаны ей в 1840—1841 годах в Ганау), Николай Михайлович выражает удов-

¹ Языков Н. М. Полн. собр. стихотворений, с. 686, 838.

² Языков Н. М. Стихотворения и поэмы, с. 338.

летворение, что теперь, в Москве, когда ему стало легче, он, давний поклонник ее стиха (ясного, как хрусталь, светлого, как золото, и твердого, как сталь), преподносит ей одно из первых “стихотворных творений”.

А 21 апреля он продолжает “приношение цветов” Каролине Карловне (чешке по национальности):

*Хвалю я вас за то, что вы
Поете нам, не как иные,
Что вам отечество — Россия,
Вам — славной дочери Москвы!
Что вам дался язык наш чудный,
Метальный, звонкий, самогудный,
Разгульный, меткий наш язык!³*

Профессор-историк, писатель и издатель “Московского вестника” Михаил Петрович Погодин, страстно желавший приободрить языковскую музу, подарил поэту старинную чернильницу. И 23 апреля тот ответил своему “явному доброхоту” дружеским благодарственным посланием, в котором подтвердил, что он теперь “по-стихотворчески” зажил, но с пера текут иные струи:

*Да, брат, теперь мои созданья
Не то, что в пору волнованья
Надежд и мыслей; так и быть!
Они теперь напиток трезвый:
Давным-давно уже в них нет
Игры и силы прежних лет,
Ни мысли пламенной и резвой,
Ни пьяно-буйного стиха.⁴*

И, конечно же, Языков не мог не поблагодарить доктора Федора Ивановича Иноземцева за то, что он смирил:

*Ту боль, которая и славный воздух юга,
И хитрости давно прославленных врачей,
И чашу и купель целительных ключей,
И все могущество здоровых впечатлений
Изящных стран и мест, и строгость соблюдения*

³ Языков Н.М. Стихотворения и поэмы, с. 341.

⁴ Там же, с. 342.

*Врачебного житья, и семь предлинных лет
Презрела. Ты прими заздравный мой привет!
Уже я стал не тощ, я и дышу вольнее,
И телом крепче я, и духом я бодрее,
И русская зима безвредно мне прошла!
Хвала тебе, моя сердечная хвала!..⁵*

Ведая о тех громадных усилиях, которые Иноземцев прилагал для развития отечественной медицины, освобождения ее от немецкой кабалы, создания Общества русских врачей, Николай Михайлович выражает горячую солидарность с борьбой своего доктора против “союза ученых подлецов” и убеждает его:

*Мой друг, в твоей груди жива
Честь долга твоего, ты чувствуешь права
Прекрасные, права живого просвещенья,
Созревшие в тебе! На все злоухищренья
Продажных, черных душ ты плюй, моя краса,
И выполняй свой долг и делай чудеса.⁶*

Это послание открывало цикл произведений Языкова, посвященных защите национально-самобытных начал, разрабатываемых Киреевскими, Хомяковым, К. Аксаковым, другими друзьями-славянофилами, с торжеством которых связывалось будущее России.

Важным, по существу, программным творением апрельских дней 1844 года стало стихотворение “Землетрясение”. Используя древнее предание о бедствии, однажды постигшем Византию, Языков провозглашает особую миссию поэта в кризисные для Западной Европы и России 1840-е годы (“годину страха и колебания земли”): “носиться душой превыше праха” и быть пророком-глашатаем истины для соотичей, попавших в беду.⁷

Предметом горячих споров между славянофилами и западниками была и судьба крепостного права в России. Александр Языков, углубленно изучавший историю падения феодализма на Западе, просил брата-поэта о присылке ему соответствующей литературы. В письме от 15 апреля Николай Михайлович с удовлетворением сообщил Дюку, что по заданию профессора-правоведа П. Г. Ред-

⁵ Языков Н.М. Стихотворения и поэмы, с. 343.

⁶ Там же

⁷ Там же, с. 339.

кина трое студентов (в том числе известные впоследствии деятели князь В. А. Черкасский и Ю. Ф. Самарин) представили работы, достойные медалей, и в заключение заметил: “Знак добрый! Знак шага вперед... Я постараюсь достать все эти диссертации, велю списать их и — к тебе!”⁸

В своих письмах из Москвы к родным в Симбирск Николай Михайлович с болью не раз сетовал на волокиту светских и духовных цензоров, которые целое десятилетие не давали разрешения на издание “Собрания народных песен” П. В. Киреевского. Ведь в этом уникальном фольклорном предприятии принимали участие А. С. Пушкин, Д. П. Ознобишин, Д. И. Минаев, вся семья Языковых, Д. А. Валуев, другие поклонники “живой народной литературы”, которая, по словам Петра Васильевича, должна представить “просвещенному миру чистое, верное, золотое зеркало всего русского”.

Горькие чувства пробудил в душе поэта посетивший его в конце апреля прославленный герой Отечественной войны Алексей Петрович Ермолов, дальний родственник по материнской линии. Делясь с Дюком впечатлениями о двухчасовой беседе с попавшим после восстания декабристов в опалу генералом, поэт с досадой написал: “Можно ли русскому не проклинать того времени, когда такой человек на вопрос: “Что подделываешь, Алексей Петрович?” — отвечает: “Книги переплетаю, ваше императорское величество”.”⁹

В письме от 29 апреля 1844 года Николай Михайлович поведал брату Александру и о том, что доктор Иноземцев не пускает его в Симбирск и хочет продолжать лечение в Москве. Оставаться здесь заставляло и то обстоятельство, что Дмитрий Валуев энергично включился в подготовку издания двух книжек стихов дяди-поэта, одна из которых должна была состоять из “Посланий”, а вторая — из “Од и элегий”.

К 9 мая, дню именин Николая Михайловича, старый его приятель, еще по Дерпту, художник Александр Дмитриевич Хрипков завершил работу над его портретом. Каролина Павлова написала по этому случаю послание, в котором, поблагодарив именинника за подаренные ей

⁸ Языков Н.М. Свободомыслящая лира, с. 288.

⁹ Там же, с. 289.

“стройные стихи”, выразила надежду, что, несмотря на последние “тяжкие годы и “светские волнения”, он в битве духом устоял и сохранил силу вдохновения.¹⁰

Своеобразным подарком стало и очередное письмо Н. В. Гоголя из Дармштадта, в котором среди прочих приятных вестей содержалась и просьба о присылке ему послания “К Д. Давыдову” и поэмы “Тригорское”. “То и другое, — пояснил Николай Васильевич, — мне теперь очень нужно для некоторой статьи, уже давно засевшей в голове (...). А Петра Михайловича обними сильнейшим образом за меня и скажи ему, что я много бы дал за то, чтобы сделать это самому лично. А драгоценных выписок, посланных ко мне, я не получил...”¹¹ (Последний факт, конечно, озадачил Языковых и вынудил начать поиск посылки). Примечательно беспредельное доверие, которым пронизан ответ поэта-лирика к писателю-реалисту: “По-сылаю тебе “Тригорское” — по твоему желанию. Делай со мной что угодно; в твоей статье о современных русских стихотворцах — все, что ты скажешь обо мне, будет мне сладко, и лестно, и праведно”.¹²

Невольно напрашивается сравнение гоголевского чрезвычайно дружеского отношения к Петру Языкову со строками пушкинского письма к жене, написанными в Языкове после знакомства с ним: “Здесь я нашел старшего брата Языкова, человека чрезвычайно замечательного, которого готов полюбить, как люблю Плетнева или Нащокина”.¹³

22 июня Николай Михайлович с художником Александром Хрипковым переехал на дачу (бывшую А. А. Воейковой), “за Петровским парком подле Зыкова”, чтобы брать там же “соленые ванны”, предписанные Иноземцевым, но уже в середине августа вернувшийся из Петербурга Петр Михайлович перевез брата на Арбат, “у Спаса на Песках, в дом Безменова”. В этот дом пришло печальное известие о внезапной смерти в Неаполе прекрасного русского поэта Евгения Абрамовича Баратынского. Извещая об этом Дюка, Николай Михайлович в письме от

¹⁰ Языков Н.М. Полн. собр. стихотворений, с. 691.

¹¹ Переписка Н.В. Гоголя. Т. 2, с. 382, 383.

¹² Там же, с. 384.

¹³ Пушкин А.С. Т. 10, с. 348.

12 августа с досадой подчеркнул: “Горестная судьба талантов в России! Все они гибнут как-то, не в свое время, до времени и Бог знает как!”

Сам же Языков даже в эту трудную пору проявлял трогательную заботу о талантах. Он и в Риме, и теперь в Москве, выручал Гоголя деньгами, постоянно снабжал понадобившейся ему литературой. Весьма и весьма дружеские отношения сложились у него в Риме с Александром Андреевичем Ивановым и другими русскими художниками, там творившими. Для того, чтобы помочь им, но не ставить в неловкое положение, он не раз заказывал для себя итальянские виды, заранее оплачивая их стоимость. Неудивительно, что А. А. Иванов в эти августовские дни 1844 года в письме к брату-архитектору Сергею, работавшему в Москве, очень советовал сойтись с Языковым: “Это самый лучший свет нашего отечества. Нет ни одного человека, который бы, зная сколько-нибудь Языкова, не отозвался о нем с похвалою... Он наш русский славный поэт. Надобно было видеть его в моей студии в Риме. Ты ему можешь поверить всего себя”.¹⁴ Сергей Иванов послушался брата, и Николай Михайлович организовал его лечение у Иноземцева. А как от души радовался поэт, когда А. А. Иванов сообщил ему из Италии, что глаза его поправились и он ревностно принялся за окончание картины “Явление Христа народу”: “Слава русскому Богу!”¹⁵

В конце лета Хомяковы переехали в Москву в приобретенный ими большой дом у Кузнецкого моста, и полюбившийся Николаю Михайловичу город стал еще родственнее. К сожалению, нанятая им новая квартира (“в Серебряном переулке, дом Шидловской”) тоже оказалась неподходящей, и в письме к Н. В. Гоголю от 2 декабря он разъяснил, почему: “Я в ней не усядусь, как бы мне надобно и как бы мне хотелось; предполагаю купить себе дом в Москве: тут я могу расположиться, разобраться, распространиться и раскинуться, как мне будет любо и угодно: а это ведь важное дело для нашего брата-стихотворца и для писателя вообще...”¹⁶

¹⁴ Языков Н.М. Свободомыслящая лира, с. 292.

¹⁵ Переписка Н.В. Гоголя. Т. 2, с. 386.

¹⁶ Там же, с. 395.

Увы, этим мечтам не суждено было сбыться... Зато осенью 1844 года в Москве вышла вторая в жизни книжка поэта. Под названием "56 стихотворений Н. Языкова". По-сылая 14 октября ее Н. Гоголю, он пояснил: "Это, брат, изданыице маленькое, тут кое-что не знаю как и не знаю зачем попало. Составлял его мой племянник Валуев. Я между тем собираю воедино все, что написал я в десять лет (1833—1843), и этой же осенью выдам и тебе пришлю".¹⁷

Николай Васильевич тоже часто переезжал с места на место, поэтому ответные его письма приходили через два, а то и более месяцев после того, как Языков о чем-то сообщал из Москвы. Вот почему в декабре он еще пишет об отрадных ощущениях, произведенных на него не новой книгой, а посланным ранее языковским "Землетрясением". И где только мог, Николай Васильевич пропагандировал это стихотворение. "Оно так возвышенно и так кстати в нынешнее время, — писал он А. О. Смирновой-Россет, — что его многим нужно читать. Особенно тем, которые рождены ободрять других..."¹⁸ Настоящим же подарком для Николая Михайловича стало то место гоголевского письма из Франкфурта, где передавалось мнение Василия Андреевича Жуковского о "Землетрясении": "Жуковский, подобно мне, был поражен им и признал его решительно лучшим русским стихотворением. Это слишком много, — продолжал Николай Васильевич, — потому что он вообще был строг к тебе и, умея отдавать должное твоим стихам, напал на главное, что после них (так он выражался), как после прекрасной музыки, все вслед за очаровавшими звуками унеслось... И потому ты можешь себе представить, так мне радостно было его восхищение. Он несколько раз уже прочел с возрастающим удовольствием это стихотворение, которое я читаю почти всякий день".¹⁹

Языковские "вторники" продолжались, а в конце ноября 1844 года у поэта состоялся еще и завтрак, поводом для которого послужило освобождение Николаем Михайловичем, по его выражению, "из цепей крепостного состояния" за преданную службу Сильвестра, который и

¹⁷ Переписка Н.В. Гоголя. Т. 2, с. 388.

¹⁸ Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. Т. 12 М., 1952, с. 421.

¹⁹ Переписка Н.В. Гоголя. Т. 2, с. 393—394.

устроил эту многолюдную трапезу с пирогом. Собрались представители самых различных кружков. По обыкновению велись шумные споры между западниками и славянофилами, о значении допетровской Руси, пагубности подражания Западной Европе, о кафтанах, зипунах, ермолках, которые входили в моду, но полемика велась в рамках взаимной терпимости, чему в какой-то мере способствовал герой завтрака Сильвестр.

Между тем в университете с большим успехом проходили публичные лекции С. Шевырева по истории древней литературы. Эрудированному профессору, как писал Николай Михайлович, удалось ярко показать, что “наша литература началась не с Кантемира, а вместе с самой Россией” и что благодаря Шевыреву “самобытная, родная заговорила старина”, и в известном смысле он как бы “открыл Америку”.²⁰ Однако “европеисты” расценили эти лекции как чересчур патриотичные и националистические, ибо Шевырев, критикуя те или иные аспекты политической жизни в Западной Европе, не касался пороков российского самодержавия, обличая католицизм, не видел при этом темных сторон в деятельности православного духовенства.

Полемику между славянофилами и западниками обострили нападки критиков “Отечественных записок” на книжки стихотворений А. С. Хомякова и Н. М. Языкова. Безымянный автор (а им оказался профессор Московского университета П. Н. Кудрявцев) в довольно резких выражениях указывал Хомякову на то, что в его стихах форма преобладает над содержанием, которое к тому же имеет явно славянофильское направление. Отзыв на языковский сборник стихотворений был по форме более мягким, однако и в нем говорилось об отрешенности поэзии от живых социальных интересов современности. И вывод Кудрявцева сводился к тому, что якобы муза известного поэта “состарилась, не возмужав”.

Зато друг Пушкина профессор П. А. Плетнев в рецензии “56 стихотворений Н. М. Языкова”, опубликованной в столичном “Современнике”, расценил появление этого сборника как отрадное явление. Прежде всего он напомнил читателям о том большом успехе, который имел

²⁰ Языков Н.М. Полн. собр. стихотворений, с. 846.

том "Стихотворений" Николая Михайловича, изданный в 1833 году: "Все чувствовали, что в этой поэзии выразился самобытный, твердый талант со всеми художественными принадлежностями: энергиею, красками и вдохновением. Обстоятельства жизни отвлекли нашего поэта от сладких ранних его трудов". В заключение Плетнев выразил радость, что с выходом языковского сборника прибавилась книжка к разряду немногих, "украшающих библиотеку любителей вдохновенной поэзии"²¹.

Важным свидетельством того, что языковская Муза по-прежнему высоко ценилась великими мастерами, является письмо Н. В. Гоголя из Франкфурта от 21 декабря 1844 года, в котором он, одоббив намерение Николая Михайловича "завести собственное гнездо" в первопрестольной, далее заметил: "Если через год и Жуковский переедет на жительство в Москву (как он то помышляет), то Москва получит большую значимость и степенность, какой ей недоставало"²². А через месяц, уже из Парижа, Николай Васильевич спешно отправляет записку Языкову: "Сам бог внушил тебе прекрасные и чудные стихи "К ненашим". Душа твоя была орган, а бряцали по нем другие персты. Они еще лучше самого "Землетрясения" и сильней всего, что у нас было написано доселе на Руси"²³.

Но Гоголь, давая столь высокую оценку, воспринял это стихотворение, как справедливо считают исследователи, в "отвлеченном плане", не ведая, что оно задевает личности конкретных западников. Поэтому в следующем же письме Языков, поинтересовавшись, дошло ли до Николая Васильевича его послание "К К. С. Аксакову", сообщил, что прилагает еще одно "стихотворение под статью к двум первым" ("К Чаадаеву"). Как честный человек он сказал и о том, что его "детища наделали много разных сплетен и разъединений в обществе", а "некие мужи, важные и ученые, старые и молодые", до того на него рассердились, что дело дошло бы до дуэли, "если бы сочинитель этих стихов не был болен. Вот каково!! Страсти еще волнуются и кипят, а мои грозные супостаты удов-

²¹ Современник, 1844, № 12.

²² Переписка Н.В. Гоголя. Т. 2, с. 403.

²³ Там же, с. 409.

летворяются тем, что пересылают мои стихи в Питер, в “Отечественные записки”, где меня ругают как можно чаще, стихи мои пародируют...”²⁴

Тем не менее больной поэт проявляет бойцовские качества и в письме от 10 марта 1845 года шлет Гоголю “еще стихотворение под стать тем”, которые высылались ранее — послание “С. П. Шевыреву”. И опять таки, не скрывает, что за эти стихи на него осердился “и Английский клуб, а о московских представителях направления “Отечественных записок” (главную роль в них играл В. Г. Белинский. — Ж. Т.) и говорить нечего!”²⁵

Вот характерные строки из послания к Шевыреву, на которые сердились оппоненты:

*Твои враги... они чужбине
Отцами проданы с пелен;
Русь негодна их гордыне,
Им чужд и дик родной закон,
Родной язык им непонятен,
Им безответна и смешна
Своя земля, их ум развратен,
И совесть их прокажена.*

Эти и подобные им резкие суждения по адресу западников будут полтора столетия ставиться в вину Языкову. Но, справедливости ради, следует помнить и о конкретных поводах, которые задевали за живое сердце добродушного, незлобливового поэта. Ведь, к примеру, высказывание Александра Герцена по поводу публичных лекций С. П. Шевырева, что это — “бред”, являлось оскорблением, которое поэт не считал возможным оставить безнаказанным. Или, накануне Рождества на вечере у Павловых Петр Яковлевич Чаадаев громко называл генерала-героя Отечественной войны А. П. Ермолова “шарлатаном”! Звон об этом изречении разнесся чуть ли не по всей Москве. Языков воспринял эту выходку как “оскорбление общенародное, личное всем и каждому” и по горячим следам набросал довольно злые стихи, которые 27 декабря 1844 года пообещал прислать и Дюку в Симбирск.

²⁴ Переписка Н. В. Гоголя. Т. 2, с. 410.

²⁵ Там же, с. 411.

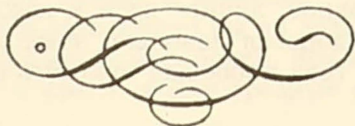
К Чаадаеву

*Вполне чужда тебе Россия,
Твоя родимая страна!
Ее предания святые
Ты ненавидишь все сполна.*

.....
*Свое ты все презрел и выдал,
Но ты еще не сокрушен;
Но ты стоишь, плешивый идол
Строптивых душ и слабых жен!*

Николаю Михайловичу, конечно, не следовало в стихотворении, даже не предназначенном для печати, давать волю своему гневу. Н. В. Гоголь в связи с этим писал ему 24 марта 1845 года: “В послании твоём... слышно военнoлюбивое расположение, вовсе не приличное твоему характеру...”²⁶ С этим нельзя было не согласиться, и поэт уже сам в душе сожалел, что под влиянием зятя А. С. Хомякова и других близких ввязался в чересчур острую перепалку с западниками. Поэтому в том же марте 1845 года он сообщает Гоголю, что будет проситься у доктора Иноземцева разрешения съездить летом в Симбирск, в деревню: “Мне, брат, крайне наскучила столичная жизнь, в уединении мне было бы лучше и как больному, и как писателю, если бы я мог только находиться там под надзором хорошего медика”²⁷.

Доктор Иноземцев не отпустит его на родину, и наш поэт, которому “наскучила столичная жизнь”, под которой надо понимать прежде всего обострившуюся полемику между европейцами и восточниками, прекратит активное участие в ней. И, оставаясь в Москве, основное внимание будет уделять общественной жизни родного Симбирска.

²⁶ Переписка Н.В. Гоголя. Т. 2, с. 415.

²⁷ Там же, с. 412.

С жаждой жизни до конца

В свои сорок с небольшим лет Николай Михайлович уже слыл за последнего поэта пушкинского созвездия и вместе с тем старейшиной московских литераторов славянофильского направления. Естественно, что альманах "Москвитянин", выходявший до 1845 года под редакторством М. Погодина, а потом — Ивана Киреевского, создавался при живейшем участии Языкова. Однако по вине академика-историка, а также из-за придирок цензуры, далеко не все было гладко даже с материалами именитых авторов.

"Ты напрасно считаешь нас грешными в том, — пояснил поэт Дюку в письме от 17 января 1845 года, — что статья А. А. Столыпина не была напечатана еще в прошлом году в "Москвитянине". Ты, видно, не знаешь, как трудно добиться толку от Погодина в чем бы то ни было. Вот уже полтора года, как отдал ему статью о Суворове, сочиненную Ивашевым (суворовским сподвижником, отцом декабриста В. П. Ивашева, тестем П. М. Языкова. — Ж. Т.), и все еще не знаю, будет ли она напечатана, где она и куда девалась. Погодин на днях был у меня для переговоров об альбоме Карамзина. Погодин желает, чтобы комитет (по устройству памятника историографу в Симбирске. — Ж. Т.) отнесся к нему с этим предложением письменно!.. С моими стихами на объявление памятника Карамзину вышла история".¹

Следует пояснить, что "статья А. А. Столыпина" — это уникальные воспоминания флигель-адъютанта великого полководца России. С начала 1800-х годов Александр Алексеевич Столыпин принимал активное участие в общественной жизни Симбирска, был близким знакомым семьи Языковых. И благодаря настойчивости Николая Михайловича столыпинские "Воспоминания об Александре Васильевиче Суворове" были напечатаны в № 5—6 "Москвитянина" за 1845 год.

¹ Русская старина, 1903, № 3, с. 534

Что касается проблемы увековечения памяти Н. М. Карамзина, то действительно с нею “вышла история”, и не только со стихами Языкова. Летом 1844-го памятник историографу (на 11-й год после начала подписки!) был доставлен из Петербурга в Симбирск. Однако из-за того, что губернское дворянство не собрало средств, необходимых на устройство фундамента, открытие памятника задержалось аж до августа 1845 года! Поэт и баснописец Иван Иванович Дмитриев, симбирянин по рождению, в свое время взял обещание с М. П. Погодина, что тот напишет “Похвальное слово” к торжественному открытию монумента. Но историка постигло огромное горе — скончалась любимая супруга, и выполнение его обязательства затянулось. Кроме того, по предложению Н. М. Языкова было решено подготовить в Москве “альбом Карамзина” — сборник стихов, очерков и статей, посвященных автору “Истории государства Российского”. Погодин и сам хотел бы быть редактором-составителем этого альбома, но только после того, как симбирский комитет письменно попросит его об этом. Забегая вперед, скажу, что аналогом такого альбома станет сборник “Симбирский юбилей Николая Михайловича Карамзина”, изданный ... в 1867 году в честь столетия со дня рождения “славного отечественного историографа, симбирского уроженца и дворянина”.

А “история” с языковскими “Стихами на объявление памятника Карамзину” состояла в следующем. Николай Михайлович, еще дерптским студентом, внимательно прочитал все 12 томов “Истории государства Российского”, не раз обращался к ним и в последующие годы. Теперь же, замыслив воспеть главный труд своего славного тезки-земляка, он самым тщательным образом штудирует все его творческое наследие и создает громкозвучную монументальную оду, которой воздвигает Карамзину и его “книге книг” нерукотворный поэтический памятник. В этом поступке, как подметил литературовед В. И. Сахаров, вполне выразилась прямая и смелая натура Николая Михайловича.²

Благоговей перед светлой памятью историка-патриота, Языков изумительно вдохновенным слогом пророчески заявил о Карамзине:

² Сахаров В. Под сенью дружных муз. М., 1984, с. 104.

Он памятник себе воздвиг чудесный, вечный,
Достойный праведных похвал,
И краше, чем кумир иль столб каменосечный,
И тверже, чем литой металл!
Тот славный памятник, отчизну украшая,
О нем потомству говорит
И будет говорить, покуда Русь святая
Самой себе не изменит!
Покуда внятны ей родимые преданья
Давно скончавшихся веков
Про светлые дела, про лютые страданья,
Про жизнь и веру праотцов;
Покуда наш язык, могучий и прекрасный,
Их вещей, их заветный глас,
Певучий и живой, звучит нам сладкогласно,
И есть отечество у нас!..³

Современников удивлял мастерский, предельно сжатый поэтический пересказ важнейших событий, нашедших отражение в карамзинской “Истории”, который сумел сделать Николай Михайлович в своей оде, но консерваторов, в частности, попечителя Московского учебного округа графа С. Г. Строганова, неприятно поразила смелость, с какой поэт характеризовал Ивана Грозного:

Трех мусульманских царств счастливый покоритель —
И кровопийца своего!
Неслыханный тиран, мучитель непреклонный,
Природы ужас и позор!
В Москве за казнью казнь; у плахи беззаконной
Весь день мясничает топор.
По земским городам толпа кромешных бродит,
Нося грабеж, губя людей,
И, бешено-свиреп, сам царь ее предводит,
Глава усердных палачей!
И ты, в страданиях смертельных цепenea,
Ты все кровавые дела,
Весь дикий произвол державного злодея,
Спокойно ты перенесла,
Святая Русь! Но суд истории свободно
Свой приговор ему изрек;

³ Языков Н. М. Стихотворения и поэмы, с. 360, 361.

Царя-мучителя он проклял всенародно

Из рода в род, из века в век.⁴

Главным образом из-за этих, недопустимых с точки зрения московских цензоров гневно-обличительных строк по адресу царя-тирана языковская ода не была пропущена в печать. Попечитель Московского учебного округа в ответ на обращение к нему друзей поэта предложил послать стихи на отзыв в петербургскую цензуру. А там, без влияния В. Д. Комовского и П. А. Плетнева, преклонившихся перед талантом Николая Михайловича, цензоры согласились, что Иван Грозный изображен поэтом в соответствии с карамзинской “Историей государства Российского”. С этим выводом согласился и министр просвещения граф С. С. Уваров, но из-за происков московских консерваторов языковские “Стихи на объявление памятника историографу Н. М. Карамзину” еще целый год будут ходить по рукам только в списках...

Весной 1845-го Николай Михайлович убедился в том, что М. Погодин принялся за сочинение похвального слова Карамзину и просит Дюка узнать, когда именно состоится открытие памятника историографу. В письме к брату от 18 апреля поэт заметил: “Разумеется, что его приезд по сему случаю в Симбирск и оное его слово дадут торжественность открытию, какая у нас возможна: ведь у нас, на Святой Руси, не поскачут же со всех краев старцы и юноши, дамы и девы наслаждаться воздаванием славы мужу бессмертному”.⁵

К этому времени М. Погодин в связи с намеченным им лечением за границей оставил службу в Московском университете, и министр народного просвещения С. С. Уваров в ответ на просьбу симбирского губернатора (через министра внутренних дел) об откомандировании академика-историка ответил отказом. “Как бы не вышел пшик из этой торжественной поездки почтительнейшего читателя памяти Карамзина”,⁶ — писал 21 июля Николай Михайлович Дюку. В ответ на это Александр Михайлович просит брата-поэта передать Погодину, что открытие памятника состоится 22 августа и чтобы его не останавли-

⁴ Языков Н.М. Стихотворения и поэмы, с. 362.

⁵ Русская старина, 1903, № 3, с. 535.

⁶ Там же

вала скарденность Петербурга: “прогоны (оплату проезда на лошадях. — Ж. Т.) ему возвратит дворянство. Уваров поступил очень невежественно”.⁷

Николай Михайлович, уже познакомившийся с “Похвальным словом Карамзину” Погодина, считал, что оно написано “прекрасно, дельно, горячо и сильно”, и советовал академику, не мешкая, отправляться в путь: “Поезжай же 16 августа в ночь. К 20 или 21 августа ты будешь на месте. В Симбирске прямо въезжай в дом П. М. Языкова; а на обратном пути, ведь ты поедешь оттуда на Арзамас, Муром и проч., непременно заезжай ко мне в село Языково... Там дной или ночуй и проч. Я пишу туда, чтобы тебя там ждали и приняли бы с подобающей честью!”⁸

М. Погодин, 17 числа помчавшийся из Москвы на курьерских, прибыл в Симбирск вовремя и 22 августа в присутствии сыновей историографа Андрея и Александра Карамзиных, светских и духовных властей и дворян в губернаторском дворце произнес свое “Похвальное слово”. Утром следующего дня в присутствии “несметного множества народа”, собравшегося на устроенной Карамзинской площади, состоялось долгожданное открытие памятника великому земляку. Церемония закончилась чтением почетным попечителем мужской гимназии поэтом Дмитрием Петровичем Ознобишиным своего стихотворения в честь Карамзина. Затем почетные лица перешли в гимназию, где академик вновь произнес двухчасовое “Похвальное слово”. И, наконец, вечером в доме Дворянского собрания состоялся банкет, на котором Андреем Карамзиным, Михаилом Погодиным и Дмитрием Ознобишиным провозглашались тосты в честь заслуг историографа, за процветание Симбирска, откуда являются, “к славе Отечества, преемники Карамзиных, Дмитриевых, Тургеневых и Языковых”.⁹

Вечером этого же дня Погодин роздал в доме Языковых врученные ему в Москве только что подготовленные и изданные Дмитрием Александровичем Валуевым экземпляры “Симбирского сборника”, составленного по большей части из документов симбирских архивов. В свою оче-

⁷ Волга, 1988, № 12, с. 131.

⁸ Там же.

⁹ Симбирский юбилей Н. М. Карамзина, с. 176.

редь Погодину были вручены шестьсот рублей серебром с тем, чтобы он скорее издал "Похвальное слово" Н. М. Карамзину.¹⁰

"Слово" получило положительные отзывы в печати обеих столиц, причем не только славянофильского толка. Одобрительно откликнулись на него В. А. Жуковский, Д. Н. Блудов, П. А. Вяземский и даже А. И. Герцен и П. Я. Чаадаев.¹¹ Тем не менее московские цензоры не дают разрешения на публикацию "Слова", и оно, подобно языковским "Стихам на объявление памятника историографу Н. М. Карамзину", будет ждать своего часа...

Непостижимым образом вела себя и духовная цензура. И с какой болью встретил Николай Михайлович в начале лета 1845 года безжалостный удар по собранию "Русских народных стихов", подготовленному к изданию Петром Киреевским. "Обер-прокурор Синода, — передавал он горестную весть М. Погодину, — сказал, что из всего этого собрания ничего печатать нельзя. О tempora! О mores! (О времена! О нравы! — Ж. Т.).¹² В письме же к В. Д. Комовскому поэт высказался с нескрываемым гневом: "Громоподобный удар, поразивший во главу предприятие П. В. Киреевского, всполошил и опечалил не только его — доблестного собирателя русских песен, но и всех нас, сильных доброжелателей и споспешников! Что теперь делать со стихами? Издавать их в Праге, в Лейпциге или в Карлсруэ?... Жаль, что власть решать и вязать имеют — скажу словами кн. Курбского — презлые и прелукавые человекоугодники... ласкатели, пагубники отечества своего!"¹³

Но Николай Михайлович и сам находил сильные выражения по отношению к власти предрежающим. Так, узнав из письма Алексея Вульфа о голоде, постигшем Псковщину, он в письме к нему от 23 августа 1845 года высказал глубокое сострадание, а затем смело заявил об этом сообщении: "Оно нимало не удивило меня, хотя я своею особою никогда не принадлежал и не принадлежу к несметному числу пружин, движущих ту огромную, тяже-

¹⁰ Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. VIII. СПб, 1894, с. 203.

¹¹ Там же.

¹² Языков Н. М. Свободомыслящая лира, с. 314.

¹³ Там же, с. 315.

лую и скрипучую махину, которую мы называем русским правительством, но все-таки и я уже довольно пригляделся к ее действиям... Наполеон называл людей кормом для пушек, о нашем народе сказать этого мало; его истребляют целое собрание орудий смерти: и пушки, и кнут, и указы, и распоряжения, и проч. и проч.”¹⁴ 22 апреля 1846 года поэт возвращается к вопросу о голоде на Псковщине и с негодованием восклицает: “О проклятые и смердящие власти!!”

Николай Михайлович благодаря заботам профессора Ф. Иноземцева чувствовал себя лучше, чем раньше, и по мере сил старался помочь находившемуся на далекой чужбине Николаю Гоголю и своему племяннику Дмитрию Валуюву, заболевшему чахоткой. По поводу Гоголя он держал совет с С. Т. Аксаковым, С. Шевыревым, М. Погодиным, А. Хомяковым: ехать ли к Гоголю и кому именно? “По-моему, — писал он С. Аксакову 15 июня 1845 года, — ехать необходимо: это одно средство отогнать от него хандру, которая сокрушает и давит и может задавить до смерти... Гоголь должен жить, по крайней мере сто лет, и мы должны беречь его для России как зеницу ока, по крайней мере покуда мы живы!!”¹⁵

В письме же к Гоголю в Гамбург Николай Михайлович, много передумавший за последний год о своих недугах, советовал расстаться с мнительностью — растением, быстро растущим: “Оно разом развивается в огромное мачтовое дерево: наше воображение пользуется им так же быстро: тотчас строит из него и оснащает корабль, сажает нас в этот корабль, спускает его на бурное море, и мы несемся черт знает куда”.¹⁶

А судьба испытывала нашего поэта на прочность. 3 декабря в Москве скоропостижно скончался на 61-м году симбирянин Александр Иванович Тургенев — верный покровитель А. С. Пушкина, друг В. А. Жуковского и семьи Карамзиных, прекрасный литератор, археограф. 7 числа тело его похоронили в Новодевичьем монастыре; а через несколько дней стало известно о том, что 25-летний Дмитрий Александрович Валуев, поехавший лечиться за гра-

¹⁴ Языков Н.М. Стихотворения. Сказки. М.-Л., 1959, с. 47.

¹⁵ Языков Н.М. Сочинения. Л., 1982, с. 387.

¹⁶ Переписка Гоголя. Т. 2, с. 419.

ницу, слег в Новгороде и там умер. В конце декабря тело одаренного литератора и переводчика было погребено на кладбище Даниловского монастыря. Для Николая Михайловича, который давно опекал рано осиротевшего Дмитрия Валуева, кончина племянника была невыносимо тяжелой утратой.

Начало 1846 года ознаменовалось выходом в свет “Москвитянина”, в котором было помещено погодинское “Похвальное слово” Карамзину, изданием небольшого тиража брошюры с языковскими “Стихами на объявление памятника историографу Н. М. Карамзину”, а также написанной симбирянином Василием Александровичем Пановым “Биографии Д. А. Валуева”. Обе эти брошюры Николай Михайлович дарил родным и друзьям, в том числе послал за границу Н. В. Гоголю и Дюку в Симбирск.

Этой весной благополучно завершилась история с обменом корреспонденцией с Алексеем Вульфom. Летом прошлого года Языков послал старому приятелю в забываемое Тригорское несколько книжек своих новых стихотворений. Одна из них попала к Евпраксии Николаевне (летом 1826 года Пушкин и наш поэт звали ее Зиночкой), которая теперь носила титул баронессы Вревской. Та поблагодарила за дар и, воспользовавшись случаем, прислала свой девичий альбом, чтобы Языков вписал в него обещанные тем памятным летом стихи. Николай Михайлович выполнил свой долг и зимой отправил Вульфам альбом, но он не дошел до адресата. 22 апреля 1846 года поэт с огорчением пишет Алексею Вульфy: “Жаль мне, что моя посылочка, может быть, пропадет без вести, особенно жаль потому, что альбом, в котором заключаются стихи Пушкина, есть драгоценность и он должен быть сохранен как памятник того золотого времени...”¹⁷ К счастью, посылка все же нашлась, и 17 мая Языков вновь шлет ее в Тригорское.

Послание “К баронессе Е. Н. Вревской” — новая творческая удача Николая Михайловича, сумевшего сочными и яркими красками воссоздать картину златых “шести недель”, проведенных им рядом с великим поэтом-изгнанником в Тригорском:

¹⁷ Русская старина, 1903, № 3, с. 495.

*Когда прекрасно, достохвально
Вы угощали нас, двоих
Певцов, — и был один из них
Сам Пушкин (в оны дни опальный
Пророк свободы), а другой...
Другой был я, его послушник,
Его избранник, и подручник,
И собутыльник молодой.
Как хорошо тогда мы жили!*

В сопроводительном письме к альбому поэт вновь вспомнил далекое-близкое, связанное с незабвенным Пушкиным: “Ровно двадцать лет прошло уже с того времени, когда мы отправились с Дерпта в Тригорское... Мы постарели! Но честь и слава нам, что мы не изменили ни самим себе, ни друг другу! Вези мои поклоны в Тригорское, всем и каждому, кто меня помнит, и всем местам, кои я помню о сию пору и никогда не забуду!”¹⁸

Послание к Е. Вревской стало последним лирическим произведением Языкова, венчающим к тому же “пушкинский цикл”. После этого он пишет стихотворение “Сампсон”. И не случайно: ведь с начала века, когда скульптор М. Козловский создал для Петергофа колоссальную композицию “Самсон, раздирающий пасть Льва”, этот библейский герой, отличавшийся сверхъестественной силой, символизировал народ России.

Вскоре после “Сампсона” Языков написал поэму “Липы”, которую посвятил брату Александру и выслал ему в Симбирск 10 апреля 1846 года. Но уже 21 числа он с горечью пояснил: “Московская цензура не только не пропустила моих “Лип”, но и сказала, что сочинений подобного духа не должно и представлять в нее. Погодин обратился в Питер”.¹⁹

Увы, хлопоты академика ни к чему не привели, и “Липы” впервые появятся в печати аж в 1859 году, в период революционной ситуации в России. И это понятно, ибо в основе поэмы “Липы” лежит тема “проклятых и смердящих властей”, о которых Языков писал в письме к А. Вульффу в связи с голодом на Псковщине. Ни внешне шуточный тон повествования, ни эпиграф из Карамзи-

¹⁸ Русская старина, 1903, № 3, с. 496.

¹⁹ Там же, с. 538.

на, как бы уведомляющий читателя о вымышленности весьма реального сюжета поэмы, не обманули цензуру. За рассказом поэта о произволе властей безымянного губернского центра, насильственно реквизировавших в частных садах липовые деревья для посадки их на создаваемом в спешном порядке городском бульваре, без особого труда разгадывалась главная идея произведения, направленная против грубой силы и кулачного права князя Хрулева, полицмейстера Крумахера и квартального Калининкина. Это особенно наглядно видно в сценке, представляющей разговор между Крумахером и купцом Жерновым, характерной для самодержавной России николаевской эпохи:

*“Лип не дает! Нет, это, брат, пустое!
Ты лип нам дашь, ты мало, знать, учен:
Буянить вздумал. Ты не уважаешь
Начальников, полиции мешаешь!
Ах ты разбойник! Мы тебя уйдем”.
(И ну его гордовым чубуком!).
“В тюрьму его! Там будет он смирнее —
В тюрьму его! Да насчитать ему...”
(И отвели несчастного в тюрьму).*

Литературовед И. Д. Гликман справедливо подчеркивал демократическую тенденцию предсмертной поэмы Языкова: она написана в духе лучших традиций гоголевской сатиры.²⁰ Вместе с тем замечу, что “Липы” не являются всецело плодом “художественного воображения”: у сюжета об устройстве городского бульвара имелась реальная основа, о которой Языков ведал из симбирских рассказов, в частности, своих братьев (но это тема особого разговора).

Вскоре, после отправки “Лип” Дюку в Симбирск, поэт переехал в Сокольники, где был прекрасный свежий воздух сосновой рощи. В письме к Гоголю от 24 июня 1846 года он с оптимизмом сообщил: “Мое водолечение идет хорошо: бодрит и укрепляет мои ноги, но ведь это еще только начало, я пользуюсь только обливаниями и полуваннами! Важнейшее еще впереди будет...”²¹ С наступле-

²⁰ Языков Н.М. Стихотворения. Сказки. Поэмы Сост. И.Д. Гликман. М.—Л., 1959, с. 47.

²¹ Переписка Н.В. Гоголя. Т. 2, с. 433.

нием же осени поэт снял новую квартиру на Тверской в доме Оболянинова. Отсюда регулярно ездил в водолечебницу на Тверском бульваре. В сентябре он сильно простудился, но по настоянию врачей продолжал прием процедур.

В июне Николай Михайлович узнал, что министр народного просвещения утвердил поступивший из Симбирска проект устава общественной библиотеки при воздвигаемом на Венце ДOME дворянства, а в октябре — о согласии Николая I на наименование этой библиотеки “Карамзинской”. Желая облегчить становление публички, Языков 12 декабря обратился к Погодину с просьбой: “Не можешь ли ты провозгласить в “Москвитянине” и даже в “Московских ведомостях” о Карамзинской библиотеке, открываемой в Симбирске? Провозгласить и пригласить русских писателей жертвовать в нее свои сочинения? Книги, которые ты жертвуешь, благоволи прислать ко мне: брат (Петр. — Ж. Т.) отправит их в Симбирск со своим обозом. М. А. Дмитриев (литератор-симбирянин. — Ж. Т.) подарил бюст Карамзина”.

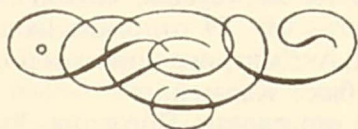
Сам же поэт, по словам Погодина, “не остался при одном сочувствии. Он тотчас послал в Симбирск до 20 русских сочинений, составляющих около 50 томов, нарочно им купленных для учреждаемой библиотеки”.

А 14 декабря Николай Михайлович во время поездки в водолечебницу вновь простудился (по другой версии — выпил холодной воды). Организм поэта, ослабленный недугами (приступами высокого давления, “сухоткой спинного мозга”, истощаемый солитером, болезнями почек и печени), а также нервными потрясениями, связанными с резкими нападками В. Г. Белинского и других критиков “Отечественных записок”, не выдержал, и, говоря словами профессора С. Шевырева, нервы поэта “напряглись, и с ним сделалась нервная горячка”.

Несмотря на бред во время этой тяжелой болезни, память поэта была свежа, и он отдавал некоторые распоряжения. Окружающие и профессор Ф. И. Иноземцев не находили ничего отчаянного в его положении, но Николай Михайлович, предугадав свою кончину, за три дня до роковой развязки исповедался и причастился св. таин, дал указания, в чем его хоронить, и заказал верному Сильвестру меню для поминального обеда. 25 числа ему сдела-

лось лучше, и он в присутствии брата Петра и пел, и как будто читал сказки, и говорил о будущем воскресении мертвых. 26 декабря в пять часов дня без видимых страданий, во сне Николай Михайлович Языков скончался. 30 декабря его прах, искренне оплакиваемый родными, друзьями и почитателями таланта, был погребен в Даниловом монастыре, между могилами племянника Д. А. Валуева и известного слависта Ю. И. Венелина.²²

Николай Михайлович не прожил и 44 лет, но к нему в полной мере относятся слова Гоголя: "В литературном мире нет смерти, и мертвецы так же вмешиваются в дела наши и действуют вместе с нами, как живые".

²² Переписка Н.В. Гоголя. Т. 2, с. 336, 337.

Верный Сильвестр, выполняя волю Николая Михайловича, приготовил поминальный обед по составленному самим поэтом меню, и возвратившиеся с похорон в его обитель друзья совершили тризну, за столом без радушного хозяина... Все ждали, что слово о почившем скажет профессор-словесник Степан Шевырев, но горе так переполняло его сердце, что он не смог этого сделать. Тогда встал профессор-медик Федор Иванович Иноземцев, который двадцать лет был другом Николая Языкова и сделал все, что мог, чтобы излечить его от недугов. Обращаясь к присутствующим, доктор сказал:

“Мы лишились нашего друга! Но мы должны доказать, как мы чтим его память. Он оставил нам два примера: один — своего поэтического труда, которому подражать мы не можем, потому что такого дара не получили в удел, а другой пример есть его благотворительность. Должен ли этот последний умереть с ним?.. Мы должны составить капитал, процентами которого можно было бы содержать одного бедного студента по словесному отделению”.

Присутствующие тут же создали комитет по претворению в жизнь этой идеи во главе с А. Д. Сербеевым. В комитет правителем дел вошел живописец А. Д. Хрипов, членами: со стороны родных — А. С. Хомяков, со стороны друзей — Ф. И. Иноземцев, С. П. Шевырев, В. А. Панов, К. С. Аксаков, Н. Ф. Павлов.¹

Кончина Николая Михайловича вызвала отклики в печати обеих столиц. Уже 9 января 1847 года в “Московском городском листке” появился некролог, написанный С. Шевыревым. “Главное и особенное достоинство поэзии Языкова, — подчеркивал профессор, — судьба сама как будто нарочно выразила в его имени. Поэзия русского языка в стихе была открыта ему в высшей степени совершенства”.

¹ Афанасьев В. Там, за далью непогоды..., с. 223.

Известный поэт и критик князь Петр Андреевич Вяземский в своем отклике на скорбную весть, опубликованном в С.-Петербургских ведомостях" (1847, № 90—91), дал самую высокую оценку дарованию почившего: "Смертью Языкова русская поэзия понесла чувствительный урон. В нем угасла последняя звезда пушкинского созвездия, с ним навсегда умолкли последние отголоски пушкинской лиры. Пушкин, Дельвиг, Баратынский, Языков не только современностью, но и поэтическим соотношением, каким-то семейным общим выражением, образуют у нас нераздельное явление". Определив таким образом историческое место Николая Михайловича, Вяземский далее подчеркнул, что "мы должны оплакивать в Языкове не только поэта, которого уже имели, но еще более поэта, которого он нам обещал. Дарование его в последнее время замечательно созрело, прояснилось, уравнилось и возмужало".

Академик Михаил Петрович Погодин в своих "Воспоминаниях о Н. М. Языкове", появившихся в "Москвитяине" (1846, № 11—12), упомянул о блистательном успехе, которым пользовались "полные жизни и силы, пламенные, громкозвучные" стихи поэта. Закоренелая болезнь надорвала его здоровье, но он и в тяжкие годы "всем сердцем своим, всею душою своею и всею мыслию своею" сохранил любовь к Отечеству и "всякий труд, в славу его совершенный, всякое открытие, обещавшее какую-нибудь пользу", он принимал к сердцу и радовался, как ребенок. В заключение академик выразил твердое убеждение: "Имя Языкова останется навсегда украшением русской словесности... Златокованный стих его, которому завидовал Пушкин, которого уважает высоко Жуковский, возгремит еще громче, заблестит еще ярче, чем прежде, к наслаждению и гордости всех истинных друзей русской словесности".

Николай Васильевич Гоголь в только что вышедшей в Москве и на шумевшей книжке "Выбранные места из переписки с друзьями", еще не ведая о кончине Николая Михайловича, писал о нем: "Имя Языков пришлось ему не даром. Владеет он языком своим, и еще как бы хвастается своею властью. Откуда ни начнет период, с головы ли, с хвоста, он выведет его картинно, заключит и замкнет так, что остановишься пораженный. Все, что выра-

жает силу молодости, не расслабленной, но могучей, полной будущего, стало вдруг предметом стихов его. Так и брызжет юношеская свежесть от всего, к чему он ни прикоснется”.

Когда же к Гоголю в Неаполь пришло известие, что Языкова не стало, Николай Васильевич, находившийся в подавленном состоянии, измученный бессонницей, еще более занемог. “Я лишился наилучшего моего друга, — горестно сообщал он 25 января 1847 года своей матери, — с которым я жил душа в душу, Н. М. Языкова, к которому я питал истинно родственную любовь”². Развивая эту мысль в письме к С. П. Шевыреву от 11 февраля, Гоголь подчеркивал: “Из всех моих друзей у него больше других было тех некоторых особенностей, какие были и в моей природе... Между нами было тесное дружество. Наши мысли и вкусы были почти сходны... Как он был добр ко мне и как любил меня!”³

На смерть Николая Михайловича, как и следовало ожидать, откликнулся Виссарион Григорьевич Белинский, до этого не раз критиковавший Языкова за то, что он по-прежнему использовал якобы такую устаревшую форму творчества, как послания, и вообще сохранил верность тому “золотому времени”, когда “стихи любили для стихов”. Но особенно резко отзывался “неистовый Виссарион” о нашем поэте за активную поддержку славянофилов и нападки на западников.

Выступая 1 мая 1847 года в “Современнике” с очередными литературными заметками, Белинский особо остановился на оценке личности Языкова. Отдав дань своим прежним высказываниям о том, что литературе от Языкова “уже нечего было ожидать”, Виссарион Григорьевич дал ему весьма и весьма ценную характеристику:

“Языков пользовался на Руси известностью и даже славою, какие даются слишком немногим талантам. Чтобы понять это явление, надобно было бы представить живую картину той эпохи русской литературы, на смену которой явился Пушкин, с своими сподвижниками... Поэзия тогда поучала, и если позволяла себе иногда воспевать что-нибудь живое, то не иначе, как шуточным тоном.

² Гоголь Н.В. ПСС. Т. 13. М., 1952, с. 195.

³ Там же, с. 213.

Пушкин своим появлением нарушил этот глубокий сон... последователи Пушкина пошли дальше своего учителя.

Из них всех заметнее был Языков, — продолжал великий критик, — как своим бойким, искристым, звонким и блестящим стихом, так и направлением своей поэзии, которая... воспевала и высокий труд науки, и будущее гражданское призвание студента, и предания отечественной старины, и деву — вдохновительницу светлых мыслей, и деву — соблазнительницу, и шипучее искрометное вино... Все это было тогда так ново и так неотразимо увлекательно для молодежи, и она была без ума от удалых стихов Языкова... Многие из людей того поколения ставили его наравне с Пушкиным, другие даже выше его..."⁴

Вместе с тем Виссарион Григорьевич полагал, что уже тогда языковской поэзии присуще было "отсутствие искренности", что она не являлась выражением жизни поэта. Односторонностью страдала оценка Белинским поэзии Николая Михайловича тех лет, когда тот примкнул к славянофилам: она, мол, была "эпохой падения его таланта". И все же итоговая оценка Белинским нашего поэта оказалась довольно высокой: "...В начале своего поэтического поприща Языков оказал большие услуги русскому языку, русскому стиху, и, отчасти, русской поэзии. Имя его, конечно, переживет его труды и займет почетное место в истории русской литературы"⁵. К счастью, и "труды", то есть творческое наследие, нашего поэта пользуются популярностью у миллионов читателей.

Что касается родных пенат Николая Михайловича, то какой-то злой рок довлеет над увековечением памяти замечательного земляка: "Симбирские губернские ведомости" почти три месяца не откликались на его кончину. И только 5 апреля 1847 года в заметке "О Карамзинской общественной библиотеке", напоминая об истории ее создания, автор с особой признательностью отметил деятеля в Москве, который "ближе всех принял это дело к сердцу... Это был Языков, которого недавно мы лишились. Он не остался при одном сочувствии. Он тотчас прислал в Симбирск до 20-ти русских сочинений, составивших около 50 томов, нарочно купленных для учреждаю-

⁴ Белинский В.Г. Собр. соч. в 9 тт. Т. 8, с. 529—530.

⁵ Там же, с. 531.

Вид Симбирска 1765 года.
Рис. А. И. Свечина и М. И. Махаева

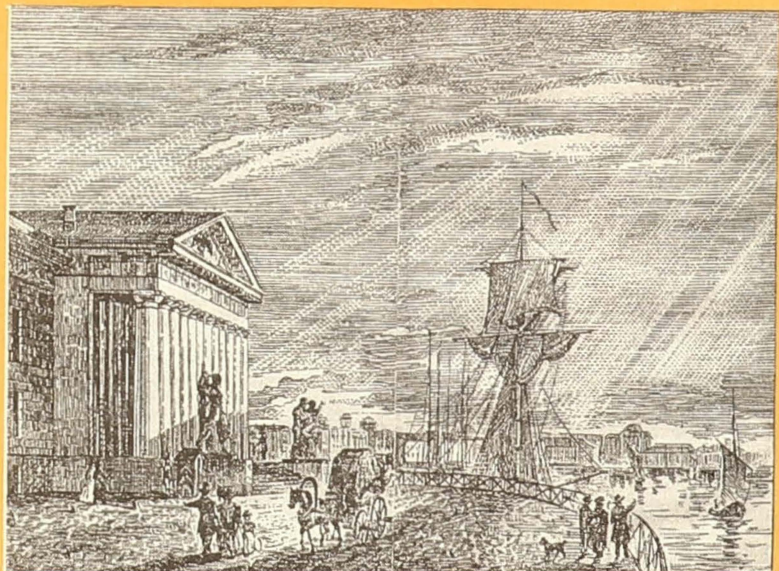
Гравюра
П. А. Артемьева
1770 года

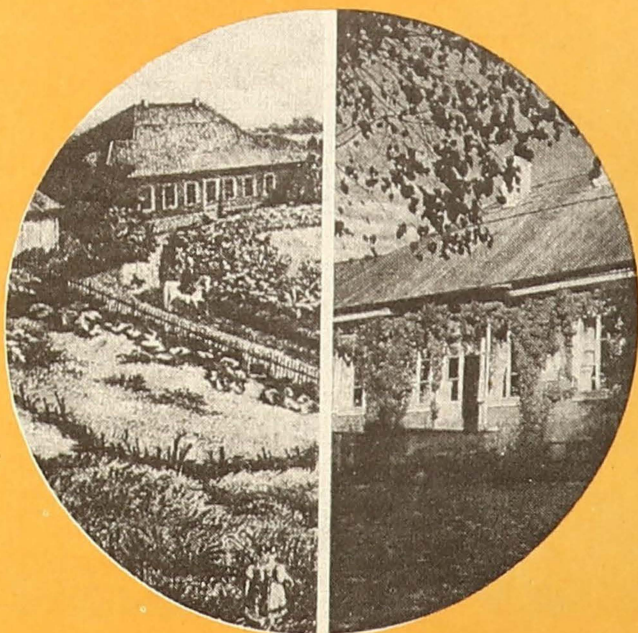
Герб Языковых

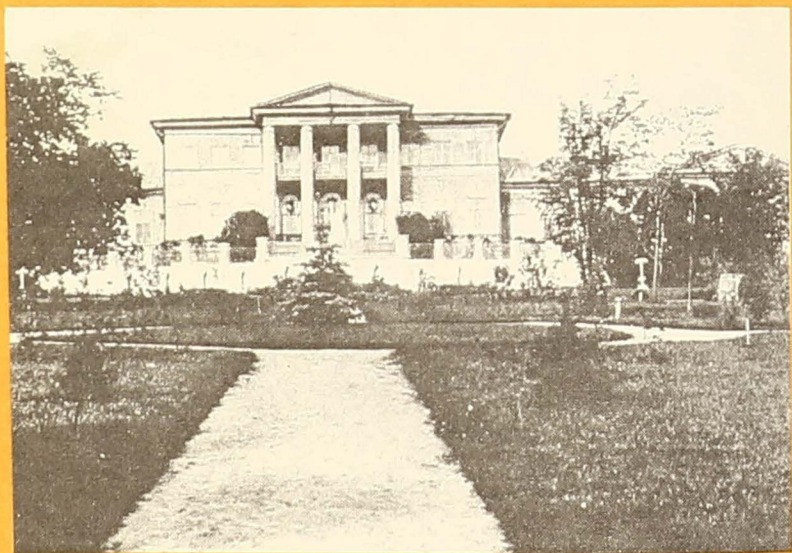
Н. М. Языков. 1822 г.

Горный кадетский корпус

Сельцо Михайловское

Господский дом в селе Языкове

Дом Языковых в Симбирске, где родился Николай Языков

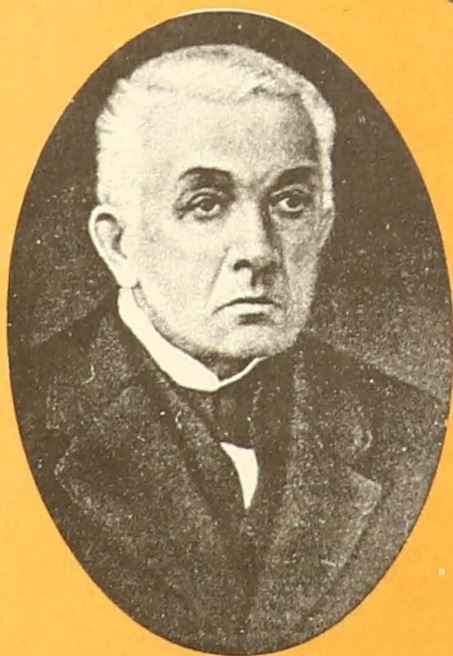
А. Ф. Ермолов, дед поэта

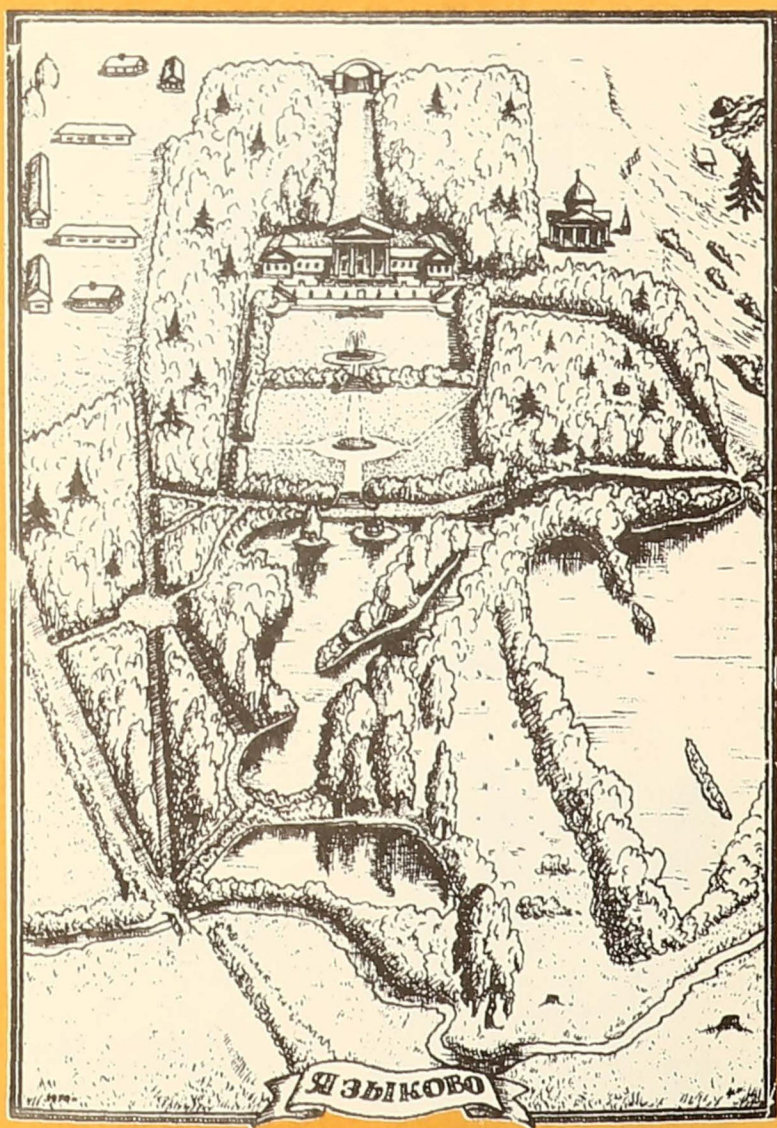
П. И. Ермолова, бабушка поэта

П. М. Языков

А. М. Языков

План усадьбы Языковых.
Реконструкция А. Н. Блохинцева

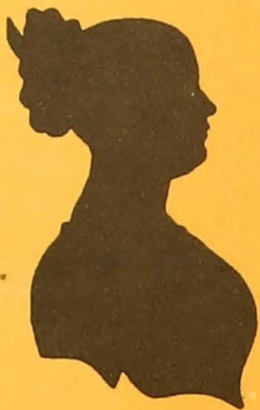
А. С. Пушкин

А. И. Тургенев и В. А. Жуковский

А. Н. Вульф

Ан. Н. и Е. Н. Вульф

Симбирскъ.

Назначейство.

Здание присутственных мест

Карамзинская общественная библиотека

Н. В. Гоголь

В. Г. Белинский

Н. М. Карамзин

И. И. Дмитриев

Е. А. Баратынский

Д. П. Ознобишин

А. А. Воейкова

Д. В. Давыдов

П. А. Вяземский

А. А. Дельвиг

Ф. И. Иноземцев

Н. М. Языков.

Н. М. Языков

шейся библиотеки. Когда его не стало, его братья Петр и Александр Михайловичи Языковы, принявшие самое деятельное и живое участие в учреждении библиотеки, возымели намерение пожертвовать для нее все оставшиеся после него книги. Это благое намерение уже объявлено. Конечно, они ничего не могли сделать, что бы более соответствовало желанию покойного их брата. Библиотека покойного Н. М. Языкова, помещенная частью здесь, частью в его симбирском имении, простирается по крайней мере до 5000 томов. Так что библиотека Языкова должна положить основание Карамзинской общественной библиотеке в Симбирске”.

И книжное собрание Николая Михайловича действительно положило основание симбирской публичке. Равнясь на поэта, щедро и бескорыстно помогали ей натурой и деньгами Петр Михайлович — первый председатель комитета Карамзинской библиотеки, его родные и единомышленники. В огне страшного пожара 1864 года полностью погибла и публичка, и в ее возрождении и развитии опять-таки главную роль сыграли родные поэта — на сей раз Александр Михайлович со своими детьми и наследники покойного брата Петра.

Благодарные земляки Николая Михайловича не забывали о его уникальном вкладе в становление единственной в городе библиотеки и ежегодно 1 декабря, в день рождения Н. М. Карамзина, с воодушевлением чтили память его тезки-поэта. К сожалению, ни братья, ни поклонники его таланта не написали воспоминаний о Николае Михайловиче. Впрочем, этого не сделали даже столичные опытные литераторы А. С. Хомяков, братья Иван и Петр Киреевские, профессора С. Шевырев, М. Погодин, П. Плетнев, которые близко знали почившего поэта и высоко ценили его творчество. Определенную роль в невнимании к личности Языкова и его творчеству сыграли негативные высказывания о последней звезде пушкинского круга, звучавшие в статьях В. Г. Белинского, Н. А. Добролюбова и других публицистов, выступавших за скорейшую ликвидацию крепостничества, против самодержавного и других форм произвола, угнетения и эксплуатации, за реализм в литературе и искусстве.

Важную роль в привлечении внимания общественности к творчеству некогда известного поэта-волжанина

сыграл профессор Петр Миронович Перевлесский, составивший в 1856 году двухтомник “Стихотворения Н. М. Языкова”. Небезынтересно, что разрешение на издание творений Николая Михайловича подписал цензор-симбирянин Иван Александрович Гончаров. Из предисловия же П. Перевлесского видно, что профессор учел все три прижизненные издания поэта (1833, 1844 и 1845 годов), стихи, печатавшиеся в журналах, альманахах и сборниках, а также несколько рукописных произведений, сообщенных ему “родным братом поэта Александром Михайловичем Языковым”. Видимо, от него Перевлесский получил сведения, понадобившиеся для составления биографического очерка о поэте.

Выход в свет двухтомника “Стихотворения Н. М. Языкова”, безусловно, стало отрадным событием для любителей русской словесности. Однако радикально настроенные публицисты, в частности Николай Добролюбов, холодно отнеслись к популяризации жизни и творчества нашего поэта. “Да, в натуре Языкова, — писал Добролюбов, — были, конечно, некоторые задатки хорошего развития... Он погубил свой талант... Так, впрочем, погиб не один он: участь его разделяют, в большей или меньшей степени, все поэты пушкинского кружка. У всех них были какие-то неясные идеалы, всем им виделась “там, за далью непогоды” какая-то блаженная страна”.⁶

Выдающийся критик, как видим, оценивал личность Языкова, как и других поэтов пушкинского круга, прежде всего за меру их участия в политической деятельности, в движении передовой части общества против самодержавного произвола, за торжество идеалов свободы и справедливости. Однако и Добролюбов, подобно Белинскому, еще не ведал о том, что по воле цензуры слово “свобода” в стихах Языкова нередко заменялось “природой”, что ходившие по рукам вольнолюбивые стихи волжанина современники принимали за рылеевские, а, скажем, остро сатирическая поэма “Липы”, критикующая произвол губернской администрации, увидит свет в 1859 году.

Существенный вклад в языковедение внес историк и издатель Михаил Иванович Семевский, первым восстановивший более или менее полно картину общения летом

⁶ Добролюбов Н.А. Собр. соч. в 9 т. Т.2. М., 1962, с. 339—345.

1826 года Пушкина и Языкова в Тригорском и Михайловском. Он же ввел в научный оборот переписку Николая Михайловича с А. Вульфом, познакомил читателей "С.-Петербургских ведомостей" (1866, № 168) и "Русской старины" (1867, № 5—6) с малоизвестными фактами из биографии Языкова и 15-ю ранее неизвестными его стихотворениями.

Заметно возросший интерес к поэтам пушкинского созвездия нашел отражение и на родине Николая Михайловича. В 1868 году в "Сборнике исторических и статистических материалов о Симбирской губернии", наконец-то, появился очерк "Николай Михайлович Языков", написанный преподавателем классической гимназии Алексеем Ивановичем Виноградовым. Автор учел материалы языковского двухтомника, изданного в 1858 году П. Перевлесским, труды других литературоведов, и симбиряне получили таким образом добротный краткий очерк жизни и творчества Николая Михайловича. Сам же А. Виноградов не вполне был удовлетворен своим очерком и в примечании к нему посетовал: "К сожалению составителя, ему не посчастливилось иметь под руками не напечатанные материалы для биографии Языкова, между тем как в них представляется настоящая надобность для отчетливого и основательного понимания его жизни и его произведений, по причине крайней скудости известных биографических о нем сведений".⁷

О существовании в Симбирске неопубликованных материалов о поэте А. Виноградов, видимо, узнал от его родственников, с которыми общался в комитете Карамзинской общественной библиотеки, в том числе и от Александра Михайловича Языкова, время от времени навещавшегося из Москвы в родной город. Но в то время Александр Михайлович не допускал никого из посторонних к фамильному архиву. И только после его кончины, наступившей в 1874 году, наследники сочли возможным передать переписку поэта его близкому знакомому искусствоведу и литератору Ф. В. Чижову, который взялся за написание биографии Николая Михайловича. Но взялся,

⁷ Сборник исторических и статистических материалов Симбирской губернии. С-к, 1868, с. 247.

увы, поздно: в 1877 году он сам скончался, унеся в могилу все, что знал о любимом Языкове и его общении в Риме с Гоголем, многие другие важные подробности. К счастью, все бумаги Николая Михайловича, бывшие у Чицова, вернулись в Симбирск к Павлу Александровичу Языкову, племяннику поэта.

Трудно сказать, как бы сложилась судьба этого эпистолярного наследия, содержавшего письма А. Пушкина, Н. Гоголя, Д. Давыдова, А. Хомякова, М. Погодина, Ивана и Петра Киреевских, А. Вульфа, С. Шевырева, П. Иванова, Д. Ознобишина и других видных деятелей, если бы оно ни попало в поле зрения замечательного поэта Дмитрия Николаевича Садовникова, оказавшегося летом 1882 года в родном Симбирске. Узнав от П. А. Языкова об уникальном архиве, он решил отложить некоторые свои дела с тем, чтобы выкроить время для написания очерка о Николае Михайловиче, ввести в научный оборот письма Пушкина и отзывы о нем Языковых.

В конце 1882 года Языковы переслали по почте выехавшему в Петербург Д. Садовникову пудовый ящик с бумагами Николая Михайловича. Дмитрий Николаевич в труднейших для себя условиях просмотрел материалы архива и в декабрьском номере "Исторического вестника" за 1883 год опубликовал "Отзывы современников о Пушкине", но в том декабре скоропостижно скончался. Подготовленная им публикация шести пушкинских писем к Н. М. Языкову была напечатана в № 5 "Исторического вестника" за 1884 год. А вот черновик очерка Дмитрия Николаевича о Языкове вместе с бумагами поэта три десятилетия будут находиться в семье П. А. Языкова, пока ими не занялся муж его племянницы губернский предводитель дворянства и председатель губернской ученой архивной комиссии (СГУАК) Владимир Николаевич Поливанов.

Стремясь достойно отметить 50-летие со дня смерти поэта, В. Поливанов опубликовал в декабрьском номере "Исторического вестника" за 1896 год свой очерк "Село Языково". В день юбилея, четверг 26 декабря, он же выступил на литературном утреннике в классической гимназии с рефератом о Н. М. Языкове, в котором использовал неизданную переписку поэта с видными представите-

лями литературного мира.⁸ В это время на заседании СГУАК В. Поливанов заявил о желательности скорейшей публикации материалов фамильного архива поэта.

Информация о выступлении В. Поливанова, использовавшего неизвестные письма из переписки поэта с Н. В. Гоголем, попала в поле зрения гоголеведа Владимира Шенрока. Получив доступ к столь важному источнику, В. Шенрок уже в декабрьской книжке "Вестника Европы" напечатал свой очерк о Н. М. Языкове. В этом же месяце в журнале "Русская старина" он опубликовал 30 писем Николая Михайловича к Гоголю. К 50-летию со дня смерти поэта приурочил В. Смирнов публикацию в столичном "Русском обозрении" своей работы "Жизнь и поэзия Н. М. Языкова" (через три года эта работа вышла отдельной книгой... в Перми!).

Шире, чем когда-либо, отметили в Симбирске 100-летие со дня рождения поэта. Члены губернской ученой архивной комиссии П. А. Александров и В. Э. Красовский написали популярные очерки, часть из которых раздавалась учащимся народных школ. По инициативе городской думы в театре Булычевой 16 марта 1903 года состоялось "литературно-вокально-музыкальное утро" (с участием как актеров, так и любителей), сбор от которого предназначался на "какое-либо учреждение имени поэта".⁹

А вот издать эпистолярное наследие поэта в городе не смогли, и в 1910 году В. Н. Поливанов отправил его в Академию наук, которая через три года выпустила-таки в свет первый том "Языковского архива" (под редакцией профессора Е. Петухова), вобравший в себя письма поэта за дерптский период его жизни. На этом издании участие земляков в увековечении имени Николая Михайловича и популяризации его творчества в дореволюционную эпоху и закончилось.

В советские годы, особенно после выхода в 1934 году академического "Полного собрания стихотворений" Николая Михайловича (под редакцией М. К. Азадовского) интерес к его жизни и творчеству в стране стал неуклонно повышаться. В труднейшем послевоенном 1948 году в серии "Библиотека поэта" (Большой формат), снова под

⁸ Отчет о деятельности СГУАК за 1896 г. С-к, 1897, с. 7.

⁹ Симбирские губернские ведомости, 1903, 12 марта.

редакцией М. Азадовского, вышло языковское "Собрание стихотворений". В 1964 и 1988 годах в этой же серии выходили подготовленные К. К. Бухмейером "Полное собрание стихотворений" и "Стихотворения и поэмы" Н. М. Языкова. В промежутке между 1934 и 1988 годами издавались сборники избранных стихов и писем, составленные И. Д. Гликманом¹⁰, И. В. Кулешовым¹¹, В. И. Сахаровым¹², А.А. Карповым¹³, В.В. Афанасьевым¹⁴. Языковские творения печатались в десятках хрестоматий и тематических сборников ("Вольная русская поэзия XVII—XIX веков", "Москва в русской поэзии XVII — нач. XX веков", "Моя родина", "Отчизне посвятим", "Песни и романсы русских поэтов", "Лирика русских поэтов XIX и XX веков", "Поэты пушкинской поры", "Русская эпиграмма" и другие).

Рубежным в языковиане мог стать 1986 год, когда при Союзе писателей РСФСР была создана комиссия под председательством Сергея Михалкова по случаю исполняющегося в 1996 году 150-летия со дня смерти Н. М. Языкова. Ульяновский облисполком обязался в 1987 году завершить реставрацию дома Языкова и открыть в нем Литературный музей. До 1990 года предусматривалось восстановление усадьбы и парка в имении поэта в селе Языкове. Обещал С. Михалков установить в Москве и Языкове бюсты Николая Михайловича, изображающие его с Пушкиным, Дельвигом, Жуковским, издать полное собрание сочинений поэта, возглавить проведение Языковских чтений и многое другое.¹⁵

Быстротечно пролетели 9 лет со времени провозглашения этой великолепной программы, и в "Литературной России" появляется статья Сергея Михалкова (перепечатанная 29 июня 1995 года "Ульяновской правдой"), в которой с грустью констатируется, что Литературный музей не открыт, усадьба в Языкове не восстановлена, а

¹⁰ Языков Н.М. Стихотворения. Сказки. Поэмы...Письма. М., 1959.

¹¹ Языков Н.М. Пловец. М., 1975; и Языков Н.М. Пловец. Ростов-на-Дону, 1976.

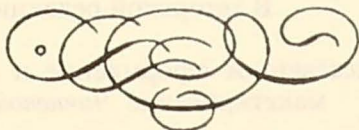
¹² Языков Н.М. Стихотворения. М., 178; Языков Н.М. Стихотворения. Саратов, 1986.

¹³ Языков Н.М. Сочинения. Л., 1982.

¹⁴ Языков Н.М. Свободомыслящая лира. М., 1988.

¹⁵ Ульяновская правда, 1986. 23 сентября.

Языковские чтения, всероссийские и международные конференции не проводятся, хотя и интерес к творчеству Языкова велик во всем мире...” Справедливости ради отметим, что в языковиане все же произошли такие отрадные явления, как выход в издательстве “Детская литература” книги о Николае Михайловиче писателя В. В. Афанасьева “Там, за далью непогоды” и в издательстве “Просвещение” — пособия для учителей “Творчество Н. М. Языкова” литературоведа Е. В. Языковой. Остается надеяться, что “за далью непогоды” контуры языковского века уже обозначились...

Жорес Александрович Трофимов

**Поэт-симбирянин
Николай Языков**

В авторской редакции

Художественное оформление и компьютерное
макетирование *Чичневой Е. Г.*

Отпечатано с готовых диапозитивов

Сдано в набор 10.07.98. Подписано в печать 18.08.98.

Формат 84x108 $\frac{1}{32}$. Гарнитура "Тип-таймс". Бумага офсетная №1.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 11,34 + вкл. 0,05. Уч.-изд. л. 14,26.

Тираж 2000. Заказ 2253.

Отпечатана в ГУП "Облтипография "Печатный двор"
432061, г. Ульяновск, ул. Пушкарева, 27.

np 2019

10=

np. 2010

